

ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 8–2 2019 (АВГУСТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

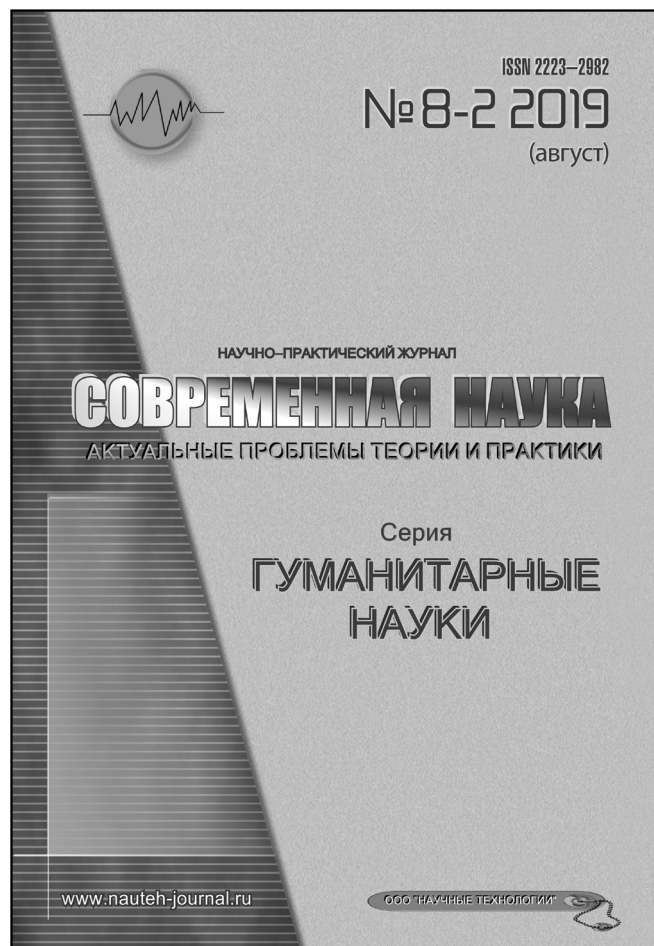
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 8-2 (август 2019 г)

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK – 07.00.00, 10.00.00, 13.00.00)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 30.08.2019 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор,
Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины и
биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор,
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н., доцент,
независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им.
М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр
Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный
университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н.,
профессор, Московский государственный областной
университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения
детства, семьи и воспитания Российской академии
образования (ИИДСВ РАО), г.н.с.

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-
Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-
Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор,
Северный (Арктический) Федеральный университет им.
М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор,
МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор,
Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н.,
профессор, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский
государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор,
Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный
университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный
университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт
экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор,
МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор,
Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор,
Московский Государственный Областной Университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО
МИД России, ст. преподаватель

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор,
Владимирский филиал Финансового университета при
Правительстве РФ, ректор

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Торушев Э. Г. — Традиции питания русского населения республики Алтай (XIX – начало XXI вв.)

Torushev E. — Traditional diet of ethnic Russian population of Altai Republic (19th – beginning of the 21st centuries).....5

Шарафиев Э. И. — Кряшенские приходы Татарстана в конце 1980-х – 1990-е гг
Sharafiev E. — Kryashen orthodox parishes of Tatarstan in the late 1990s and 2000s..... 12

Педагогика

Абдулхалимова Р. О. — Использование инновационных методов обучения на практических занятиях по латинскому языку в Дагестанском государственном медицинском университете
Abdulkhalimova R. — The use of innovative teaching methods in practical classes in the Latin language 17

Арановская И. В., Двойнина Г. Б., Сибирякова Г. Г. — Роль информационно-компьютерных технологий в современной практике инструментально-исполнительской подготовки педагогов-музыкантов в ВУЗе
Aranovskaya I., Dvoynina G., Sibiryakova G. — The role of informational and computer technologies in the modern practice of instrumental and interpretative preparation of future music teachers at the university 21

Коняхина Г. П., Сайранова О. С., Захарова Н. А. — Физическая подготовка студентов вуза средствами подвижных игр и шейпинга
Koniakhina G., Sairanova O., Zaharova N. — Physical training of university students means of moving game and shaping 28

Коротаева М. С. — Развитие личностной саморегуляции как значимого профессионального качества у будущих юристов в вузе МВД России
Korotaeva M. — Development of personal self-regulation as a significant professional quality in future lawyers in a higher education institution of the RF MIA..... 32

Филология

Бурикова С. А., Еранова Н. А. — Особенности функционирования хештегов в рекламе в социальной сети Инстаграм
Burikova S., Yeranova N. — Peculiarities of the functioning hashtags in the advertising in Instagram 39

Ваганова А. К., Лозовой А. Ю., Названова И. А. — Лексические средства реализации концепта «движение» в произведении Д. И. Фонвизина «Письма из Франции»
Vaganova A., Lozovoy A., Nazvanova I. — Lexical means of implementing the concept of “movement” in D. I. Fonvizin’s “Letters from France”..... 44

Джулиус Кочан, Перцев Е. М., Яковлева И. О. — Использование артиклей в названиях научных работ обучающихся: анализ типичных ошибок
Kochan Julius, Pertsev E., Jakovleva I. — The use of articles in the names of students’ research papers: analysis of typical errors 50

Какваева С. Б. — Классно-числовое согласование в лакском языке
Kakvaeva S. — Class-number agreement in Lak language..... 55

Какваева С. Б. — Падежная система и вопросы терминологии в лакском языке
Kakvaeva S. — Case system and terminology issues in Lak language 59

Карпунина И. В. — Аллюзивные отсылки в политических текстах массмедиа Германии
Karpunina I. — Expressive function of precedent statements in political texts in media sources of Germany..... 63

Керимова Ч. Э. — К вопросу о лингвоцентрическом подходе в изучении текста: текст как единица языка
Kerimova Ch. — On the issue of linguocentric approach to the study of the text: the text as a unit of language..... 66

Князева М. В. — Деструктивная картина мира, конструктивная картина мира и их место в современных исследованиях картины мира <i>Knyazeva M.</i> — Destructive worldview, constructive worldview and their place in modern worldview's studies	70
Моисеева А. А. — Аксиологические проблемы современной лингвистики <i>Moiseeva A.</i> — Axiological problems of modern linguistics.	74
Нгуен Бик Нгок — Образное содержание фразеологизмов с семантикой сдержанности / несдержанности речи в русском и вьетнамском языках <i>Nguyen Ngoc</i> — The imaginative content of the phraseological units with the semantics of restraint / intemperance of speech in the Russian and Vietnamese	77
Немтинова А. В. — Особенности стратегий перемещения взора на этапе лексико-грамматического развертывания высказывания при чтении текста на китайском языке <i>Nemtinova A.</i> — Gaze trajectory peculiarities at the stage of the lexical and grammatical deployment of the utterance while reading a Chinese text	82
Петрова М. Л., Огородов М. К., Тарасова М. В. — От национального фронта к национальному объединению: основные направления трансформации дискурса партии Марин Ле Пен <i>Petrova M., Ogorodov M., Tarasova M.</i> — From the National Front for National Unification: the basic directions of transformation of the discourse of the party of Marine Le Pen.	89
Смирнова Ю. В. — Особенности переводов стихотворения "The Queen of Hearts" в сказке Льюиса Кэрролла "Alice's Adventures in Wonderland" (на примерах переводов Н. М. Демуровой, Б. В. Заходера, Л. Л. Яхнина, Е. В. Ключева) <i>Smirnova Yu.</i> — Peculiarities of the poem translations "The Queen of Hearts" in the fairy tale "Alice' Adventures in Wonderland" by Lewis Carroll (based on the translations by Nina Demurova, Boris Zahoder, Leonod Yahnin, Evgenij Klyuev)	95
Темнова Э. В. — Теории тематических полей в современной русистике <i>Temnova E.</i> — Theories of thematic fields in modern Russian philology	100
Информация	
Наши авторы. Our Authors	103
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале	104

ТРАДИЦИИ ПИТАНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ (XIX — НАЧАЛО XXI ВВ.)

TRADITIONAL DIET OF ETHNIC RUSSIAN POPULATION OF ALTAI REPUBLIC (19TH — BEGINNING OF THE 21ST CENTURIES)

E. Torushev

Summary. The article examines traditional diet of ethnic Russian population of Altai Republic. Transformational processes that occurred to the nutrition of ethnic Russians of Gorny Altai in pre-Soviet period have been investigated. Impact of the Soviet period on the diet of ethnic Russian population has been analyzed. Research showed that diet of ethnic Russians' of Altai Republic has preserved its traditional characteristics.

Keywords: Russian population, eating habits, bread, soup, porridge, Altai Republic.

Торушев Эркем Геннадьевич

*К.и.н., с.н.с., БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразаков».
(г. Горно-Алтайск)
erktor@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению традиций питания русского населения Республики Алтай. В работе исследованы трансформационные процессы, произошедшие с пищей русских Горного Алтая в досоветский период. Также рассмотрено влияние советского периода на пищевой рацион русского населения региона. Выявлено, что в наши дни пища русского населения Республики Алтай сохранила свои национальные черты.

Ключевые слова: русское население, традиции питания, хлеб, суп, каша, Республика Алтай.

Массовая глобализация всех сторон жизни в 1990-х-2000-х гг. существенно изменила материальную культуру русского населения Республики Алтай. Но в наши дни пища русского населения изучаемого региона продолжает сохранять свою общенациональную особенность, что и подтверждает мнение этнографа С. А. Арутюнова: «Пища — это тот элемент материальной культуры, в котором более других сохраняются традиционные черты, с ним более всего связаны представления народа о своей национальной специфике, и в то же время он легче и быстрее других поддается заимствованиям, вариациям, модификациям и новациям» [29, с. 10].

Цель данной статьи исследовать, какие трансформационные процессы произошли в питании русского населения Республики Алтай с начала XIX в. по настоящее время. Нижняя граница исследования определена тем, что освоение Горного Алтая русскими крестьянами началось с 80–90-х гг. XVIII в. Это были староверы (раскольники старообрядцы) и старожилы, поселившиеся в регионе в дореформенный период [5, с. 337]. И к началу XIX в. у русского населения в Горном Алтае сложился локальный хозяйственный комплекс, сформированный в природно-климатических условиях высокогорья. В силу этого основной отраслью жизнеобеспечения крестьян стало животноводство: «Занятия им требовал от людей гораздо меньших усилий, чем другие отрасли, ...несколько легче обеспечивало их насущные потребности в пище ... » [10, с. 80; 26, с. 132; 26, с. 319]. В XIX в. кре-

стьяне горного региона в основном разводили крупнорогатый скот, лошадей и мелко-рогатый скот [32, с. 329; 8, с. 179; 7, с. 70].

Земледелие русского населения в Горном Алтае прошло определенную эволюцию. При начальном освоении горной территории крестьяне испытывали затруднения с пашенным земледелием и выращивали в основном ячмень [8, с. 174]. На предпочтение этой злаковой культуры повлияли две причины. Во-первых, в горный регион крестьяне переселялись с Западной Сибири, это были выходцы (и их потомки) с северных губерний России, где ячмень являлся основной выращиваемой культурой [4, с. 142; 8, с. 174]. Во-вторых, в самом Горном Алтае ячмень культивировался с древних времен и являлся основной выращиваемой культурой коренного алтайского населения [28, с. 21]. Сами алтайцы часто помогали крестьянам в тяжелые первые годы жизни в суровых условиях горного края [6, с. 19]. В некоторых случаях были и межэтнические браки, например староверы Уймонской долины (в наши дни Усть-Коксинский района Республики Алтай) брали в жены алтайских женщин [33, с. 29].

Но постепенно крестьяне приспособивались к условиям Горного Алтая и уже в 20-х гг. XIX в. употребляли пшеничный хлеб [26, с. 128]. А к концу XIX в. урожайность их полей повысилась настолько, что они излишки зерновых вывозили на продажу за пределы региона [11, с. 80–81].

Богатая и разнообразная фауна Горного Алтая способствовала тому, что и охота занимала значимое место в жизнеобеспечении местных крестьян. Занимаясь охотой, они обеспечивали себя мясом косули, марала, лося, глухаря, тетерева и т.д. Например, в 1826 г. К.Ф. Ледебур, путешествуя по региону, отмечал, что «крестьяне живут в очень большом достатке, держат много скота, да и охота приносит им богатую добычу, особенно дичи для пропитания и пушного зверя для мехов» [26, с. 132].

Сложившаяся система хозяйственной деятельности в XIX в. определила питание русского населения Горного Алтая как смешанного типа — с включением в их рацион продуктов животного происхождения и зерновых практически в равных долях [1, с. 12]. Если рассматривать в целом, в досоветский период питание русского населения Горного Алтая определялось сезоном года, чередованием постных и непостных дней.

В XIX — начале XX вв. хлеб и хлебные изделия традиционно оставались одними из основных кушаний русского населения региона. Крестьяне Горного Алтая хлеб пекли из кислого теста, которое заводили в деревянной посуде, называвшейся на северорусский манер «квашенка» [8, с. 174; 6, с. 212]. Как и по всему Алтайскому округу в регионе хлеб употребляли свежим, например, в 1916 г. финский исследователь И.Г. Гранё, путешествуя по Горному Алтаю, находясь в с. Эликманар, не мог купить сухарей. Местные жители отвечали: «сухарей нет. Хлеба выпечено лишь столько, сколько нужно нам самим» [3, с. 161; 8, с. 174]. Тогда И.Г. Гранё сам купил свежий хлеб у крестьян и готовил сухари. «Где-то получить одну булку, где-то две, пока не была собрана провизия на неделю. Некоторые из старух не соглашались даже взять плату — говорили, что и раньше не брали денег у просящих хлеба «ради Христа»» [3, с. 161].

Во все времена у русского населения Горного Алтая одним из самых любимых мучных кушаний оставались пироги. Пекли пироги с мясом, рыбой, яйцами, творогом, грибами и т.д. Например, крестьяне любили готовить открытый пирог шаньги с творожной или овощной начинкой. Выпекали рыбные пироги, стряпали их «из кислого теста. Раскатывали лепёшку, клали на неё рыбу, побольше лука, и сверху тоже лепёшкой закрывали» [6, с. 217]. У староверов и старожилов Горного Алтая особой популярностью пользовался пирог — курник. Тесто для курника заводили на опаре. Сам пирог начинали луком и мясом птицы: курицы, утки или гуся. Мясо обязательно должно быть жирным. Также готовили пироги, которых начинали капустой, картошкой и другими овощами [8, с. 175].

Из кислого теста готовили блины и оладьи. Блины у русских были ритуальным традиционным блюдом, по-

дававшимся на многие праздники — семейные и календарные. Блины выпекали как из дрожжевого теста, так и из пресного теста — заведенного на молоке и яйцах.

Излюбленным угощением крестьян было вареное в масле пресное тесто стружени (хворост). Во многих домах для приготовления стружени «была специальная посуда — чугунок с круглыми ножками. Ставили его на шесток, подкладывали красные угольки под дно и варили» [6, с. 218].

В первой половине XIX в. основным горячим блюдом староверов и старожил Горного Алтая был мясной суп — «толстые» щи (или шти) [8, с. 179; 23]. Этнограф В.А. Липинская в работе «Традиционная пища как выражение этнического самосознания» отмечает, что в первоначальном варианте «толстые» щи — это густая похлебка из разваренного ячменного зерна, которую готовили в «северно-русском регионе, частично также в Предуралье и Сибири» [29, с. 20]. В условиях Горного Алтая, где у русских крестьян из-за развитого скотоводства и охоты было достаточно мяса, они «толстые» щи стали готовить с этим продуктом. Например, Р.П. Кучуганова историк-краевед знаток культуры староверов Уймонской долины, в интервью рассказала, что в досоветский период крестьяне старообрядцы «толстые» щи употребляли с большим количеством мяса, которое варили в этом супе. А в постные дни щи варили без мяса, заправив луком и другими приправами. «Толстые» щи готовили в русской печи в специальных горшках, методом томления, когда ячменная крупа «прела» на жару [23].

В пореформенный период с началом переселения крестьян с западных губерний Российской Империи в Сибирь связаны большие перемены в хозяйственной жизни русского населения Горного Алтая. Переселенцы в горный регион завезли новые сорта зерновых, огородных и технических культур. Эти процессы не могли не отразиться на пищевой рацион русского населения, например В.А. Липинская отмечает: «В восточных предгорных районах и в Горном Алтае старожильское и старообрядческое население более стойко сохраняло традиционную северорусскую кулинарию. Однако картофель стали высевать и здесь, а в «толстые» щи добавлять и картофель, и капусту» [8, с. 192].

В пореформенный период переселенцы с западных регионов Российской Империи в Горный Алтай привезли с собой капустные щи и украинский борщ [5, с. 343]. В начале XX в. во многих крестьянских семьях региона капустные щи стали основным горячим блюдом [2, л. 18]. Например, информант А.Г. Михайлова рассказала, что ее свекровь К.А. Митина еще в 1970-х гг., проживая в с. Ынырга (современный Чойский район Республики Алтай), продолжала готовить щи «по старинке в русской

печи в загнетке — место у устья русской печи, куда сгребали горячие угли, которые давали жар. На этом жгари и томились щи в чугунном горшке. Основными ингредиентами этого супа были мясо, квашеная капуста, картошка и лук. Щи на загнетке томились 3–4 часа» [25]. В нашей беседе А. Г. Михайлова рассказала, что конкретный год рождения своей свекрови (К. А. Митиной) она не помнит, но отметила, что «свекровь родилась в конце XIX в. в Горном Алтае в семье переселенцев» [25].

В XIX в. русское население Горного Алтая из мяса домашних животных более всего употребляло говядину и баранину [8, с. 179; 7, с. 70]. Одним из самых любимых мясных кушаний крестьян региона были — пельмени. Часто начинка пельменей состояла из трех-четырёх сортов мяса: говядины, свинины, баранины, дичины — мяса диких копытных. Если достаток семьи не позволял, то «старались начинку сделать хотя бы из говядины и свинины» [5, с. 344]. Тесто для пельменей должна обладать определенными характеристиками. Оно не должно: разбухать при варке, хорошо и тонко раскатываться, легко поддаваться лепке [7, с. 73]. Также из пресного теста нарезают лапшу или рвали его на мелкие кусочки (рванцы, клецки) и готовили супы [6, с. 176].

Лапша входила и в состав блюд, которые подавали по особым случаям. Так, в 1916 г. исследователь Сибири И. Г. Гранё, находясь в предгорьях Горного Алтая, в с. Тигирек был приглашен на праздничный ужин — именины. Ужин устраивал местный казак Бийской линии в честь родственницы. На именинах в качестве основного блюда подали куриный суп: «Суп, в котором плавала лапша или узкие полоски теста, своего рода домашние макароны, был по моему мнению восхитителен» [3, с. 122].

В жаркие летние дни крестьян Горного Алтая готовили холодный суп — сухарница или тюря. Сухарница очень простое в приготовлении блюдо. Ее часто употребляли в пост, несмотря на простоту, оно довольно питательное. «В сухари покрошить мелко-мелко чеснока и лука. Добавить топленого масла, а в постные линуть растительного масла и чуть посолить. Залить кипятком, прикрыть крышкой. Чуть постоит и готово» [6, с. 219].

При выходе на полевые работы, где нужна сытная еда на пашне, покосе, готовили суп из вяленого мяса, которое заправляли крупой [6, с. 208]. Часто вяленое мясо — это прошлогоднее, которое крестьяне заготавливали на зиму. Обычно осенью с наступлением холодов заготавливали большое количество домашних животных. Мясо этих животных в замороженном виде хранилось в амбарах. Если с наступлением весны мясо оставалось, чтобы оно не испортилось, ее вялили. Или охотясь в теплый се-

зон года, добывали много мяса, ее тоже вялили [8, с. 179; 7, с. 70; 26, с. 333].

В теплое время года меню крестьян дополняла рыба. В реках и озерах Горного Алтая водились ценные породы рыб, хариус, таймень, налим, в Телецком озере телецкая сельдь (сиг). Из рыб варили уху («щербу»), жарили или готовили начинку для пирогов [8, с. 182; 11, с. 87–88].

Большое место в традиционном питании русского населения занимали каши. Выше уже отмечалось, что Горный Алтай первоначально заселяли крестьяне с северорусскими традициями. В связи, с чем русские староверы и старожилы каши готовили из ячневой крупы, полученной путем переработки из злаков ячменя [8, с. 177, 206].

В пореформенный период под влиянием переселенцев в Горном Алтае распространились пшеничные и гречневые каши. Как и по всей Сибири, крестьяне горного региона из гороха готовили блюдо — горошницу. Для приготовления этого кушанья горох размачивали, затем томили в русской печи. В Сибири горошница являлась одним из самых употребляемых кушаний в постные дни [7, с. 73; 27, с. 36].

В начале XX в. русское население Горного Алтая готовило каши и из овощей, например из брюквы «в русской печке; напреет, слаще мёду была» [6, с. 220]. Перед употреблением в пищу брюквенную кашу заправляли «постным маслом» или «конопляным» [7, с. 70]. Кашу варили и из тыквы, часто с пшенной крупой. Тыкву готовили целиком способом томления в русской печи: «срежешь у тыквы верх, выберешь семена, а туда нальёшь маслица на дно, да в русскую печь» [6, с. 221; 27, с. 69].

Развитое скотоводство способствовало тому, что на столе крестьян Горного Алтая за исключением постных дней всегда было в изобилии молочные продукты, масло, сметана, творог и другие. Часто излишки молочной продукции консервировали, например, у староверов творог для длительного хранения сушили. Предварительно в нее добавляли сметану, затем сушили в русской печи на противнях. Сушеный творог запекали в ватрушках [8, с. 180].

Пчелиный мед также являлся распространенным пищевым продуктом населения Горного Алтая. В XIX в. горное и высокогорное пчеловодство занимало одно из наиболее видных мест в хозяйстве русских крестьян, как старожилов, так и переселенцев. Много меда крестьяне употребляли в постные дни. Также из этого пчелиного продукта готовили медовуху и пиво [7, с. 71].

В начале заселения Горного Алтая у русского населения не было развито овощеводство [8, с. 178]. Но со вто-

рой половины XIX в. крестьяне горного региона все интенсивней начинают заниматься овощеводством, выращивая на своих огородах капусту, свеклу, репу, редьку, брюкву, лук, чеснок, тыкву, огурцы и другие культуры. Так, к началу XX в. староверы на зиму капусту солили кадушками, емкостью «8–12 ведер» [6, с. 221]. Часто капусту и огурцы консервировали вместе: «Капусту солили слоями: слой мелкой, слой пластов. Туда же немного моркови, свёколки нашоркать надо, огурчиков положить можно, чесночку бросить побольше» [6, с. 221].

Во второй половине XIX в., в Горном Алтае распространяется посадки картофеля. Сначала старожилы картофель выращивали на огородах, но под влиянием примера переселенцев, поток которых к концу XIX в. значительно увеличился, стали садить на пашне. Позже всех групп русского населения картофельную культуру в горном регионе стали разводить староверы, поначалу считавшие картофель «Антихристовым» или «чертовым» яблоком [11, с. 81–82; 6, с. 207].

Русское население Горного Алтая употребляло разнообразные напитки, из которых самым распространенным и повседневным был квас. Так, староверы, приготовив квас, сливали в емкость «лагуны». «Наверху у лагуна отверстие, оно закрывалось деревянной крышкой, а сбоку внизу через него сливают квас». Употребляли крестьяне и чай (кроме староверов), готовя его в чугунах или котлах. К началу XX в. у населения региона распространился самовар. Часто варили густые кисели из овсяной муки и ягод калины [6, с. 208–209, 222].

Русское население свое меню дополняли и дарами богатой флоры Горного Алтая. Они собирали ягоды: малину и смородину (красную и черную), клубнику. Из них варили варенье, сушили. Грибы в летнее время жарили, добавляли в супы из них готовили начинки для пирогов «груздяных (грибных) пирогов» [6, с. 217]. На зиму в бочках и кадках под гнетом солили боровики, грузди, рыжики, опят. В засолке использовали небольшие по размеру грибы, крупные сушили, нанизав на нитку. Коренное население Горного Алтая познакомил русских со многими съедобными особенно луковичными, растениями. Крестьяне собирали горный лук-батун, черемшу или медвежий лук (*калбу*), слизун, сладкий лук, гранчатый, а также горный чеснок и сарану [8, с. 183].

Многие дикорастущие растения являлись весенним подспорьем в питании, когда заканчивались запасы. Так, корень сараны (семейство лилейных) сладкий и мучнистый на вкус ели вместо хлеба. Корень дикого пиона («марьино коренье»), высушенное и истолченное, ели со щами и добавляли к отрубям при нехватке муки [8, с. 183].

Если рассматривать советский период, то надо отметить существенные трансформации произошли в самой общерусской кухне. В советскую эпоху она очень обогатилась, так Н. А. Воронина одна из авторов коллективной монографии «Традиционная пища как выражение этнического самосознания» пишет: «в советский период (1917–1991) в русскую кухню, ... были привнесены блюда многих народов, проживавших в административных границах бывшего Союза ССР» [29, с. 41–42]. Сама политика Советского государства осуществляла этот процесс. Так, А. В. Павловская отмечает, что «процесс этот, безусловно стимулировавшийся правительством, — блюда народов России директивой сверху были включены в меню столовых, санаториев и даже больниц — был безболезненным. Россия издавна была страной многонациональной, и русская кухня охотно включала в себя то, что ложилось в общую систему питания» [9, с. 43].

В советский период произошли изменения и в способах термической обработки пищи, так, начиная со второй половины XX в., постепенно из быта русского населения уходили классические русские печи [9, с. 43]. В Горном Алтае русскую печь заменила отопительно-варочная печь из кирпичей. Эта замена способствовала тому, что горячие блюда стали готовить не способом томления, а варки и жарки. Обычно, на отопительно-варочной печи готовили в холодное время года, а в теплое на электрических и газовых плитках. Были и исключения, иногда люди старшего поколения еще в 70-х гг. XX в. сохранили русские печи и продолжали в них готовить традиционным способом [25].

Надо отметить, что в современной кухне русского населения Республики Алтай широко распространены блюда, которые остались от советского периода. Первоначально эти кушанья массово готовили в предприятиях общепита, затем люди стали варить в домашних условиях. Например, блюда из измельченного мяса — различные разновидности котлет, бифштексов, фаршированные перцы, голубцы, мясные запеканки. Также различные гуляши. Эти кушанья отличались более длительным процессом приготовления и, как правило, большей калорийностью [25].

В наши дни, как и в советских общепитовских учреждениях, блюда из измельченного мяса и гуляши, употребляются с различными гарнирами: толченая картошка, макаронные изделия, крупяные рассыпчатые каши (рис, гречка, перловка, пшенка и т.д., сваренные на воде) [18; 19].

В работе уже отмечалось, что в предприятия советского общепита были включены и кушанья народов СССР. Назовем лишь те, которые в наши дни часто употребляют русское население Республики Алтай: среднеазиатский плов, лагман и манты, кавказский — шашлык. В сегод-

няшные дни шашлык — это праздничная еда, часто его подают на пикниках. И как в традициях народов Кавказа, шашлык готовит только мужчина, начиная от маринования мяса, заканчивая жаркой на огне [12; 24; 20; 18].

В советский период хлеб и хлебные изделия традиционно оставались одним из основной едой большей части русского населения региона. Хлеб ели и в будни и в праздники при каждой трапезе и почти с каждым блюдом. Такая же тенденция остается и в нынешнее время. Но, несмотря на то, что в наши дни в торговых точках Республики Алтай, по сравнению с советским периодом, существенно расширен ассортимент хлебобулочных изделий, многие хозяйки продолжают печь эти изделия дома [20; 15; 17].

В наши дни, как и ранее русское население Республики Алтай продолжает употреблять горячие мясные супы. Из традиционных русских супов многие семьи варят капустные щи. У населения региона один из самых употребляемых супов стал борщ. В сегодняшние дни борщ часто подают на поминальном обеде, не только на поминках у русского, но и у алтайского населения [15; 17].

В нынешнее время не готовят суп — «толстые» щи. Это блюдо заменили крупяные заправочные супы, которые готовят с добавлением круп: риса, гороха, пшенки, перловки [15; 21].

В сегодняшние дни не едят холодный суп — сухарицу или тюрю, ее редко готовят только люди старшего поколения. В жаркие летние дни русское население Республики Алтай употребляет холодный суп — окрошку. В наши дни окрошку готовят в основном на квасе (в некоторых случаях на кефире или минеральной воде), куда добавляют колбасные изделия, вареные яйца, свежие или отварные овощи, соленые грибы, зелень и т.д. [22; 21; 24].

В 2010-х гг. пельмени продолжают оставаться одним из самых любимых кушаний не только русского, но других этносов Республики Алтай. В целом принцип приготовления пельменей у современного населения региона остался прежним. Например, как и ранее считается, что лучшей начинкой для этого блюда — фарш, состоящий из трех-четырех сортов мяса [17; 13].

В наши дни в питании русского населения региона традиционно большое место занимают каши. Варят каши из круп, часто с молоком, перед употреблением их заправляют сливочным маслом. В сегодняшние дни не готовят каши из овощей (брюквы и тыквы) [21; 18].

В сельской местности многие хозяйства русского населения содержат коров для получения молока. Из мо-

лока готовят сметану, творог, масло. На основе молока варят различные супы с вермишелью, рисом или, взбив молоко с яйцами, готовят омлеты [15; 21; 19; 18].

В 2000-х гг. важным подспорьем в жизнеобеспечении русского населения Республики Алтай являются овощи и фрукты, которые они вырастили на своих огородах в приусадебных участках. На многих приусадебных участках самая большая часть обрабатываемой земли под овощные культуры занята посадкой картофеля. Обычно домохозяйства картошку выращивают с расчетом, чтобы урожая хватило на зиму и на семена, а в остальной части огорода — капусту, свеклу, лук, морковь, перец и т.д. Из фруктов выращивают яблоки, груши, сливы, вишни и т.д., а также различные ягодные. Из этих садово-ягодных плодов на зиму готовят варенье, джемы и компоты [30, с. 263–264].

В наши дни чай остается одним из самых традиционных и распространенных повседневных напитков русского населения Республики Алтай. Также продолжают употреблять и квас, выше упоминалось, что из него готовят окрошки. У многих людей повседневным напитком стал кофе. А также употребляют различные напитки, приобретенные в торговых точках [15; 21; 18].

В сегодняшние дни стираются различия в питании между городом и деревней, рацион потребляемых продуктов значительно расширяется за счет употребления импортных продуктов. Существенно возросло потребление копченостей, колбасы, сыра, сливочного масла, приготовленных промышленным образом [17; 13].

В 2000-х гг. пчелиный мед, как и ранее, являлся распространенным пищевым продуктом населения Республики Алтай. Особенно ценят мед из высокогорных районов региона, которых пчелы добывают из цветов-медоносов, произрастающих в экологически чистых условиях [15; 18].

В наши дни из продуктов собирательства население Республики Алтай употребляют черемшу. В период с апреля по май месяцев во многих населенных пунктах, но особенно в столичном центре региона г. Горно-Алтайске, на рынках или просто на улице люди продают черемшу. Весной черемша для населения Горного Алтая это существенное пищевое подспорье, особенно как источник витамина после долгой зимы. Черемшу едят в сыром виде, делают салаты, добавляют в различные блюда или просто солят и т.д.

Как и ранее в лесах Республики Алтай продолжают собирать ягоды и грибы. Из ягод в основном предпочтение отдают малине, красной и черной смородине, клубнике. Из этих ягод варят варенье. Грибы после сбора сразу употребляют, жарят, используют как добавки в супы

и начинки для пирогов. А также грибы заготавливают на зиму, маринуют и солят [15; 17].

Таким образом, на питание русского населения Горного Алтая оказали влияние природно-географические и социально-политические факторы. Природно-географические условия высокогорного региона способствовали тому, что в XIX в. у местных крестьян сложилось питание смешанного типа (с включением в рацион продуктов животного происхождения и зерновых практически в равных долях). У староверов и старожилов Горного Алтая преобладали северорусские традиции питания. Это приготовление повседневного супа «толстые» щи, каши из ячменной крупы, пирога курника и т.д. В пореформенный период с приходом выходцев с западных губерний Российской Империи между старожилами и переселенцев начинается обмен, как хозяйственным опытом, так и кулинарным. Под влиянием переселенцев в регионе распространяются овощные горячие супы, капустные щи, борщ, гречневая и пшенная каши и т.д.

Так как русские крестьяне горного региона содержали большое количество скота, они употребляли много мяса. Одним из самых любимых мясных кушаний русского населения были пельмени.

Богатый растительный и животный мир Горного Алтая существенно повлиял на жизнеобеспечение местного населения. В связи с чем в пищевом рационе крестьян значительное место занимали продукты охоты, пчеловодства и собирательства.

Русская кухня существенно обогатилась в советский период. Например, в современном пищевом рационе русского населения Республики Алтай широко распространены кушанья, которых в регионе первоначально готовили в предприятиях советского общепита.

В наши дни пищевой рацион русского населения Республики Алтай сохранил свои национальные черты. Как и ранее в основном они употребляют различные традиционные мясные блюда, хлебные изделия, каши и овощи.

Но в настоящее время все больше стали приобретать покупные продукты, а это способствует тому, что прежние крестьянские традиции уступают место городским канонам. Например, в сегодняшние дни почти не готовят овощные каши. Полностью вышел из употребления традиционный суп — «толстые» щи. А холодный суп — тюрю готовят только люди старшего поколения.

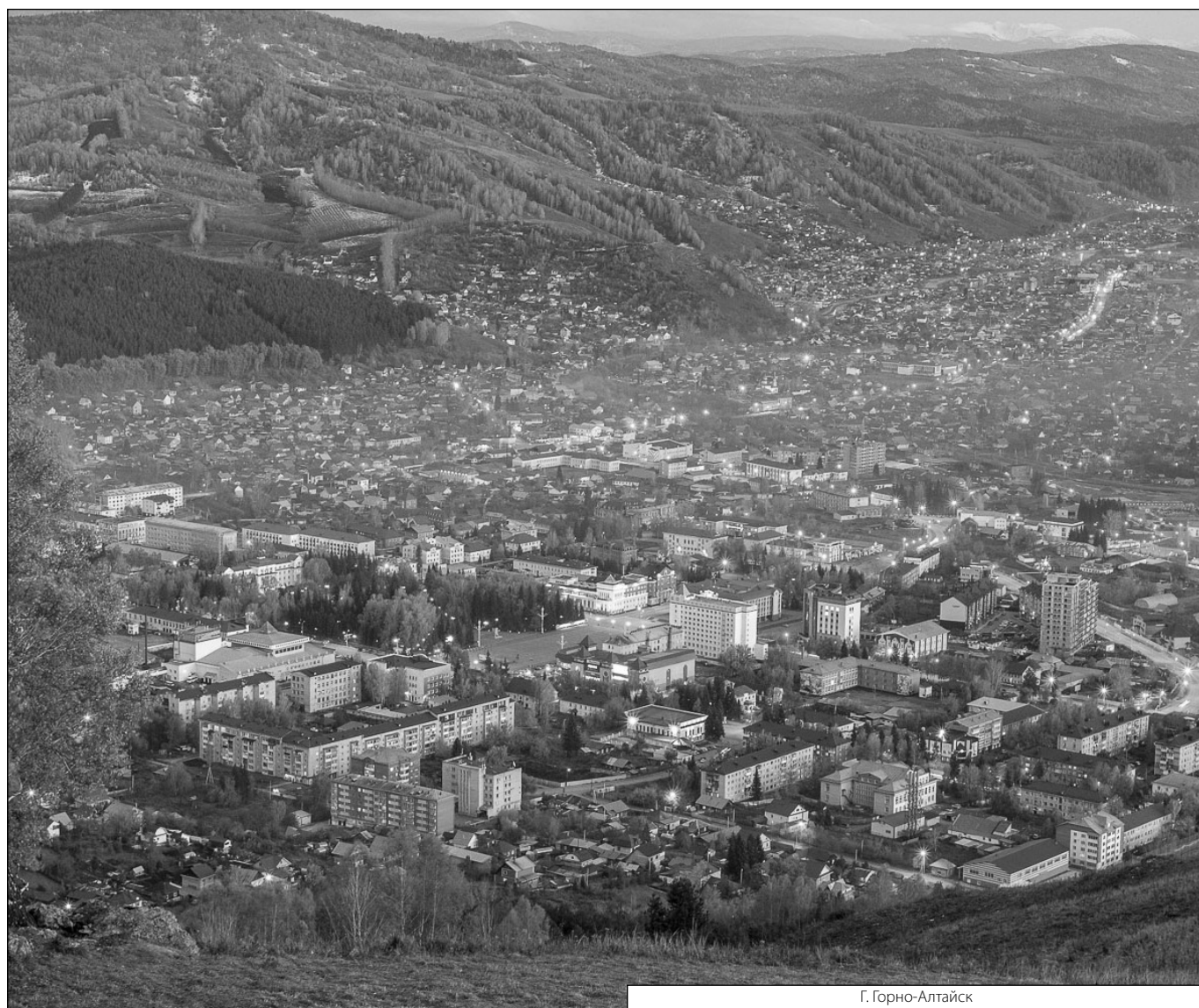
ЛИТЕРАТУРА

1. Блощицына М. В. Культура питания русских Верхнего Приобья и Саяно-Алтай в конце XIX — XX вв.: локальные варианты и их трансформации. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к. ист. наук. Новосибирск, 2018. 18 с.
2. ГАСПД РА (Государственный архив социально-политической документации Республики Алтай). Ф. 1. Оп. 1. Д. 576.
3. Гранё И. Г. Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий. М.: «Индрик», 2012. 608 с., ил.
4. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. Пер. с нем. К. Д. Цивинной. Примеч. Т. А. Бернштам, Т. В. Станюкович и К. В. Чистова. Послесл. К. В. Чистова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 511 с.: ил.
5. История Республики Алтай. Т. II. Горный Алтай в составе Российского государства (1756–1916 гг.) / НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2010. 472 с.
6. Кучуганова Р. П. Уймонские староверы. Изд-е 2-е перераб. и доп. Чебоксары: «Новое Время», 2014. 284 с.
7. Кучуганова Р. П. Уймонские староверы. Новосибирск, 2000. 161 с.
8. Липинская В. А. Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII — XX вв.). М.: «Наука», 1987. 224 с.
9. Материалы II Международного симпозиума. История еды и традиции питания народов мира. Выпуск II [сборник статей]. М.: Центр по изучения взаимодействия культур, 2016. 460 с.
10. Модоров Н. С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII — XIX вв.). Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского ун-та, 1996. 400 с.
11. Мукаева. Л. Н. Политика Кабинета в Горном Алтае в досоветское время: монография. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. 112 с.
12. НА НИИА. МНЭ (Научный архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. Материалы научной экспедиции). Д. № 124. [Геворкян Л. М. 1954 г.р.].
13. НА НИИА. МНЭ. Д. № 134. [Анащенко Л. Г. 1953 г.р.].
14. НА НИИА. МНЭ. Д. № 134. [Албанов А. И. 1971 г.р.].
15. НА НИИА. МНЭ. Д. № 134. [Албанова М. Г. 1970 г.р.].
16. НА НИИА. МНЭ. Д. № 134. [Буньков А. А. 1988 г.р.].
17. НА НИИА. МНЭ. Д. № 134. [Бунькова С. В. 1989 г.р.].
18. НА НИИА. МНЭ. Д. № 134. [Бухтуева Л. В. 1958 г.р.].
19. НА НИИА. МНЭ. Д. № 134. [Гаршина А. В. 1986 г.р.].
20. НА НИИА. МНЭ. Д. № 134. [Завадская С. В. 1969 г.р.].

21. НА НИИА. МНЭ. Д. № 134. [Казанцева А. И. 1973 г.р.]
22. НА НИИА. МНЭ. Д. № 134. [Кучуганов В. Е. 1947 г.р.]
23. НА НИИА. МНЭ. Д. № 134. [Кучуганова Р. П. 1950 г.р.]
24. НА НИИА. МНЭ. Д. № 134. [Турба А. Б. 1969 г.р.]
25. НА НИИА. МНЭ. Д. № 137. [Михайлова А. Г. 1950 г.р.]
26. Слово об Алтае / сост. Б. Я. Бедюров. Горно-Алтайск: Юч-Сумер — Белуха, 2004. Кн. 3. Ч. 1. 517 с.: ил.
27. Тихонович А. Старинная сибирская кухня. Томск, 1992 г. 93 с.
28. Торусhev Э. Г. Традиционное земледелие алтайцев (XIX—первая треть XX в.). Горно-Алтайск: ООО «Издательство Полиграфика», 2017. 176 с.
29. Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. 293с., ил.
30. Трансформации в обществе и ценности традиционной культуры в Республике Алтай (конец XX — начало XXI веков). Выпуск 2. Хозяйственно-культурный комплекс Горного Алтая: трансформации и традиции (конец XX — начало XXI вв.) / Отв. ред. Н. В. Екеев, Э. В. Енчинов; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2016. 252 с.
31. Швецов С. П. Репринтное воспроизведение издания «Горный Алтай и его население. Кочевники Бийского уезда». Барнаул, 1900. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2008. 571 с.
32. Шитова Н. И. Традиционная одежда уймонских староверов. Горно-Алтайск: РИО, 2005. 112 с.

© Торусhev Эркем Геннадьевич (erktor@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Горно-Алтайск

КРЯШЕНСКИЕ ПРИХОДЫ ТАТАРСТАНА В КОНЦЕ 1980-Х — 1990-Е ГГ.

Шарафиев Эмиль Илхамутдинович

Соискатель, Институт истории им. Ш. Марджани

АН РТ, (г. Казань)

magdiev.emil@gmail.com

KRYASHEN ORTHODOX PARISHES OF TATARSTAN IN THE LATE 1998S AND 1990S.

E. Sharafiev

Summary. The article discusses the process of revival, development and the state of the Kryashen Orthodox parishes in the Republic of Tatarstan in the late 1998s and 1990s. The author highlights the background of this religious institution, provides a meaningful and historiographical analysis of concepts and terminology used. Based on the research, the significance, role, and also problems of the national parishes of the Tatar-Kryashens in the designated period of time are revealed.

Keywords: Kryashens, Kryashen parishes, Republic of Tatarstan, national parishes.

Аннотация. В статье рассматривается процесс возрождения, развития и состояние кряшенских православных приходов в Республике Татарстан в период с конца 1980-х — 1990-е гг. Автор освещает предысторию данного религиозного института, приводит содержательный и историографический анализ используемого понятийно-терминологического аппарата. На основе проведенного исследования выявляются значение, роль, а также проблемы национальных приходов татар-кряшен в обозначенный промежуток времени.

Ключевые слова: Кряшены, кряшенские приходы, Республика Татарстан, национальные приходы.

История развития кряшен — субэтнической группы татарского народа [38, с. 3] в постсоветский период является одной из малоизученных и малоосвещённых областей отечественной историографии. Это в равной степени касается всех сфер жизни этого общества и, в том числе, религиозной.

Религия в жизни кряшен Татарстана на всем протяжении существования их общности имела особое значение. Известно, что большинство современных верующих кряшен исповедуют православие [22, с. 41; 11, с. 57; 32, с. 94] и в организационной составляющей однозначно относят себя к Русской Православной Церкви Московского патриархата (далее — РПЦ). Религия же, по мнению некоторых исследователей, выступает в качестве одной из важнейших составляющих жизни кряшен [11, с. 57].

К тому же, религиозный фактор повлиял и на само возникновение этой этноконфессиональной группы. Согласно устоявшейся в отечественной историографии точки зрения, началом формирования общности кряшен послужило обращение в христианство части татарского населения бывшего Казанского ханства после того, как оно было покорено и включено в состав Московского государства во второй половине XVI в. [13, с. 5; 12, с. 35–36]. Дальнейшее формирование и развитие этой группы также было тесно связано с проведением христианизации и русификаторской политики Российского государства и Православной церкви в отношении нерусских народов Волго-Уральского региона. Ярким отражением

значимости и воздействия конфессионального фактора в этом процессе является самоназвание представителей этого сообщества, «кряшен», которое происходит от русских слов «крещеный», «крещен» и первоначально имело смысл конфессионима [13, с. 313; 39, с. 119].

Возникновение и развитие приходов в кряшенской среде тесным образом было связано с процессом их приобщения к православию. Однако этот процесс был неравномерен. Если в XVI — первой половине XIX в. у кряшен восприятие христианства оставалось достаточно поверхностным, а приобщенность к РПЦ — весьма слабой, что напрямую отражалось и на степени их вовлеченности в церковно-приходскую жизнь, то в последующем ситуация значительным образом меняется. Ключевую роль в этом сыграло усиление православной миссионерской деятельности и применение в среде крещеных татар Среднего Поволжья религиозно-просветительской системы известного тюрколога, миссионера Н. И. Ильинского. В результате, во второй половине XIX в. были созданы и стали действовать в отношении кряшен специальные структуры, ставшие для них «локомотивом» в процессе устойчивого усвоения христианско-православной веры и традиций: Казанская центральная крещено-татарская школа (КЦКТШ), Казанская учительская (инородческая) семинария (КУС), система начального школьного конфессионального образования. В это же время у кряшен был сформирован слой конфессиональной и национальной интеллигенции, появилась своя письменная традиция, основанная на кириллическом

алфавите, был осуществлен перевод ряда христианских религиозных текстов, религиозной и образовательной литературы на татарский язык. К тому же, именно в это время возникают и получают широкое распространение кряшенские приходы в полном смысле этого слова, где впервые в богослужении стал применяться родной для представителей этой группы язык (татарский). Церковный причт (штат священнослужителей) этих приходов формировался также по возможности из кряшен духовного сословия [26, с. 132–133; 9].

Трагическими страницами в историю православного сообщества кряшен было вписано время господства коммунистического режима в стране. В годы советской власти произошло закрытие, разрушение церквей в их селах, прекратили свою деятельность церковные приходы, кряшенское сообщество потеряло самостоятельность в культурной и религиозной сфере своего развития [17, с. 99]. Но, несмотря на весь огромный урон, нанесенный по религиозной сфере, прекращение деятельности конфессиональных институтов, запреты, православное богослужение среди них не была полностью прекращено [11, с. 57–58; 26, с. 133]. Заслуга верующих кряшен Татарстана в XX в. заключается в том, что они сумели сохранить, а впоследствии и передать последующим поколениям традиции христианско-православного вероисповедания, обрядности, богослужения на родном языке.

Период «Перестройки» и изменение общественно-политического климата в России серьезным образом затронули и жизнь кряшенского сообщества Татарстана. Начиная с конца 80-х гг. прошлого столетия у них происходит процесс возрождения этнокультурного движения и общественных институтов, равно как и оживление в религиозной жизни. Одним из основных элементов возрождения в религиозной сфере кряшен стал процесс воссоздания их национальных приходов [16, с. 38]. Положительное отношение к этому было проявлено и со стороны местной епархии в лице епископа (на тот момент) Казанского и Марийского Анастасия [39, с. 119–120]. Но, прежде чем начать разбор настоящего предмета, стоит затронуть вопрос применения и содержания употребляемой нами специальной терминологии.

Одним из часто используемых нами терминов является «приход». Если говорить в целом, «приход», в контексте рассматриваемой темы, представляет собой один из основных компонентов структуры Православной церкви, её низовую «ячейку», где происходит основная религиозная жизнь прихожан. Если же мы постараемся более конкретизировать это понятие, то столкнемся в энциклопедической литературе с несколькими вариантами его определения. Согласно Большому толковому словарю русского языка С. Кузнецова, этот термин в религиозном

контексте означает как низшую церковно-административную единицу, так и церковную общину (прихожане) [6, с. 994]. Подобные определения, но с небольшими отличиями мы встречаем в словарях С. Ожегова и Н. Шведовой: «Низшая церковно-административная единица, церковь с причтом и содержащая их церковная община (прихожане)» [24, с. 602], Д. Ушакова: «Низшая церковная организация в христианской церкви; местность, где живут члены этой организации» [36, с. 374]. В настоящей же работе данный термин будет обозначать действующий православный храм (в системе РПЦ), в котором священнослужителями осуществляется (регулярно или не регулярно) богослужение, и его прихожан.

Другое понятие, «кряшенский приход», мы употребляем в качестве разновидности «национального прихода», т.е. того, который следует традициям, заложенным в православном богослужении определенного этнического или этноконфессионального сообщества. Однако касательно содержательной стороны данного понятия в литературе и периодической печати имеются разночтения. Так, кандидат богословия, протоиерей Павел (Павлов), выделяя в Татарстане в то время шесть «кряшенских церквей» [28, с. 1], в то же время, заявляет о наличии только двух «приходов для кряшен», где имеется кряшенский причт и богослужение проводится неизменно на родном для прихожан языке [26, с. 132]. Относительно других случаев священник отмечает только «частичное наличие кряшенского компонента» т.е. наличие национального причта, но либо отсутствие, либо весьма ограниченное применение татарского языка в богослужении. Иной версии придерживается В. Козлов, считая, что богослужение у кряшен «на родном языке» в эти годы было возобновлено в семи районах республики. Таким образом, к данному понятию он относит не только те приходы, в которых на службе состояли священники из кряшен, а богослужение проводили регулярно и, в том числе, на татарском языке [16, с. 38]. Близка к этому и позиция редакции общественно-политической газеты «Керәшен сүзе» — по их информации православные приходы кряшен на август 2001 г. действовали в шести сельских населенных пунктах и г. Набережные Челны [20, с. 14]. По нашему же мнению, рассматриваемое понятие можно использовать и в отношении тех православных приходов этого сообщества, где по объективным обстоятельствам не велось регулярное богослужение на родном языке прихожан, но которые были прямо на это ориентированы.

Известно, что кряшены являются татароязычным сообществом [3, с. 197]. Однако их церковно-богослуженная практика, существовавшая в то время, в лингвистическом отношении имела ряд отличительных от современной формы татарского литературного языка элементов. Эти особенности (лексического, фонетиче-

ского характера) были оформлены в религиозных институтах кряшен ещё во второй половине XIX — начале XX вв. и сохранились до сегодняшнего дня в неизменном виде благодаря консервативности этих структур. В связи с чем, чтобы учесть это своеобразие, мы считаем целесообразным применение термина «языковая традиция». Теперь же попытаемся выявить, как обстояли дела в отношении исследуемого религиозного института в постсоветский период истории Татарстана.

Первый после длительного отсутствия кряшенский приход был образован с согласия главы епархии 23 декабря 1989 года в Казани, в день памяти святителя Иоасафа Белгородского, и официально возобновилось богослужение на татарском языке. Несколько лет вновь образованная община верующих не имела своего отдельного молебного дома, их службы велись в храмах Казани, относящихся к другим приходам — сначала в Покровском соборе, а с июня 1991 года — в Нижнем храме во имя Сретения Господня Петропавловского собора. [25, с. 44]. Особенно значимым в жизни казанской православной общины кряшен стала передача им архиепископом Анастасием в 1996 г. в безраздельное пользование церкви Тихвинской иконы Божией Матери, расположенной по адресу: ул. Худякова, д. 4, на территории бывшей Татарской слободы [29, с. 2; 28, с. 1]. Это событие придало новый импульс развитию прихода, позволило расширить его религиозно-просветительскую деятельность. В том же, 1996 г. при храме была открыта воскресная школа, где преподавались основы христианской веры, обучали пению церковных песен на татарском языке [21, с. 3]. Годом позже — начала работу группа по переводу на татарский язык в кряшенской языковой и письменной традиции книг Священного Писания, которые не были переведены до Русской революции 1917 г. [31, с. 15; 26, с. 133]. Был налажен и процесс по изданию религиозной литературы на родном языке [8, с. 5; 18]. В целом, можно констатировать, что Тихвинский храм Казани в этот период стал неофициальным религиозным центром православных кряшен Татарстана. При этом следует учесть, что все церковные приходы их сообщества являются равными в правовом отношении и находятся на одной ступени церковно-административной иерархии [28, с. 1].

Богослужения для кряшен было в эти годы начато и в рамках ещё одного города республики — Набережных Челнов, в церкви св. Тихона [34, с. 3] поселка Сидоровка. По имеющимся сведениям, впрочем, этот случай имел гораздо более скромный масштаб. Судя по всему, община верующих не имела в своем распоряжении отдельного храма, язык проводившихся служб также не известен [10, с. 3].

Происходили постепенные изменения, подвижки и в сельских поселениях с компактным проживанием

кряшенского субэтноса. В ряде населенных пунктов были заново отстроены либо восстановлены (отреставрированы) существовавшие ранее храмы: 1) с. Большие Аты Нижнекамского района — церковь Покрова Божией Матери (1990-е)¹ [1, с. 2]; 2) с. Село-Чура Кукморского района — Свято-Троицкий храм (1993–2000) [5, с. 1; 33]; 3) с. Бурды Тукаевского района — молебный дом (1992) [2, с. 1]; 4) с. Никифорово (Чиябаш) Мамадышского района — храм святителя Николая Чудотворца (нач. 1990-х) [23]; 5) с. Албай Мамадышского района — церковь Иоанна Предтечи (1998) [14, с. 2]; 6) с. Уреево-Челны Рыбно-Слободского района — храм в честь Казанской иконы Божией Матери [37].

Отдельно следует упомянуть ситуацию в двух селениях, где в это время не было регулярного богослужения на родном для кряшен языке. Первая — д. Верхняя Кондрата Чистопольского района со смешанным чувашским и кряшенским населением. Там в 1997 г. была построена церковь Казанской иконы Божией Матери [7] и работал один чувашский священник на два (Верхняя Кондрата и Нижняя Кондрата) населенных пункта [4, с. 3]. Вторая — кряшенское село Ташкирмень Лаишевского района, где существовала церковь в честь свт. Гурия Казанского Чудотворца [35], отреставрированная в начале 1990-х гг. Однако там служение проводил пастырь русской национальности [28, с. 1].

Также в ряде населенных пунктов было начато, но не завершено в эти годы строительство храмов: г. Кукмор (1999 г.)² [19, с. 1]; с. Калейкино Альметьевского района (1994) [40, с. 1]. Ещё в двух — вопрос обстоятельно поднимался местными жителями и прорабатывался вместе с органами власти: с. Ляки Сармановского района [30, с. 1] и с. Крещеные Казылы Рыбно-Слободского района [28, с. 1].

Таким образом, можно констатировать, что главным событием в религиозной сфере жизни кряшенского общества Республики Татарстан в период с конца 1980-х — 1990-е гг. стало возрождение их национальных православных приходов. Эти приходы, несмотря на свое небольшое количество, становятся основным конфессиональным институтом верующих кряшен и центром сосредоточения их религиозной жизни. Именно в них происходит возобновление кряшенских традиций в церковном богослужении и обрядности. Важная роль принадлежит им и в процессе воцерковления; повышению уровня религиозной культуры; сохранении, трансляции и воспроизводстве религиозных традиций; кон-

¹ В скобках здесь и далее — точная либо предположительная дата/период возобновления богослужения в православном храме.

² В скобках здесь и далее — точная либо предположительная дата/период начала строительства православного храма.

фессиональном воспитании подрастающих поколений татар-кряшен.

Вместе с этим, возникшие у кряшен приходы значительно отличались по степени присутствия, выраженности их основных отличительных признаков и характеру функционирования. В освещаемый период предположительно лишь в двух из них имелись все основные для этноконфессиональной традиции этой общности маркирующие элементы: богослужение на татарском языке в кряшенской традиции, кряшенские притч и паства. В большинстве же случаев отмечены разные варианты, а именно: 1) Службы в целом ведутся иррегулярно; 2) Есть постоянный притч, но язык богослужения — не родной; 3) Наличие штатных священно- и церковнослужителей, но кряшенская языковая традиция используется лишь ограниченно.

Становлению сети церковных приходов сопутствовали и другие взаимосвязанные процессы в сообществе татар-кряшен: развитие меценатства, возобновление и продолжение традиций переводов христианских священных текстов на татарский язык, издательская деятельность, самоорганизация и сплочение православных общин. В то же время у кряшен Татарстана в это время отмечается невысокий уровень приобщенности к церковно-приходской жизни [32, с. 94–96], что, впрочем, можно считать и характерным для России в целом.

Также мы можем выделить и ряд проблем, существовавших в этой области. Это, в первую очередь — «кадровый голод», нехватка церковнослужителей разного чина в кряшенских приходах, в особенности способных и готовых проводить богослужения на родном для прихожан языке [15, с. 2; 28, с. 1; 17, с. 102]. К примеру, в Тихвинском приходе г. Казани работал всего лишь один штатный сотрудник, о. Павел, которому приходилось единолично проводить все молебны [28, с. 1]. Имело место и игнорирование причтом некоторых приходов использования татарского языка в богослужении [26, с. 132–133].

Другой насущной проблемой был недостаток материальных средств для развития религиозной инфраструктуры. Главным источником материального обустройства приходов, строительства храмов для православных общин кряшен были добровольные пожертвования частных лиц или коммерческих организаций [28, с. 1], где основная нагрузка приходилась на предпринимателей и состоятельных представителей этого сообщества [33; 37]. Следует и отметить, что со стороны властей и местных администраций каких-либо препятствий кряшенскому населению республики в религиозной сфере выявлено не было. Однако на основе обладаемой нами информации можно заключить, что в рассматриваемых территориальных и хронологических рамках существовавший объем финансирования и помощи не позволял удовлетворить все имевшиеся потребности верующих православных кряшен [27, с. 2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Авыл өстендә чиркәү чаңы // Керәшен сүзе. 2001. 2 окт.
2. Ананьев М. Яңа чиркәү ачылды // Керәшен сүзе. 1994. 1 июль.
3. Баязитова Ф. С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М.: Наука, 1986. 248 с.
4. Белоусова Л. Тормыш дэвам итә // Керәшен сүзе. 1998. 31 авг.
5. Белоусова Л. Халыкка иман кайтса... // Керәшен сүзе. 1997. 30 сент.
6. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; авт. и рук. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2006. 1534 с.
7. Верхняя Кондрата. Церковь Казанской иконы Божией Матери. [Электронный ресурс] URL: <https://sobory.ru/article/?object=25696> (дата обращения: 21.06.2019).
8. Грециядән бүләк // Керәшен сүзе. 1993. 31 дек.
9. Журавский А. В. О кряшенах. [Электронный ресурс] URL: <http://www.missiakryashen.ru/about> (дата обращения: 21.06.2019).
10. Захарова П. Соң булса да, уң булсын // Керәшен сүзе. 1999. 19 март.
11. Илизарова В. В. Кряшены: факторы формирования этнокультурной идентичности: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2013. 142 с.
12. Исхаков Д. М. Татары: перепись и политика. Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. 86 с.
13. Исхаков Р. Р. Очерки истории традиционной культуры и религиозности татар-кряшен (XIX — начало XX вв.). Казань: Изд-во «Центр инновационных технологий», 2014. 332 с.
14. Карпов Ю. П. Дини бунт, яки Албай авылы крестьяннарны чиркә ябылуга каршы чыгыш // Керәшен сүзе. 1999. 31 авг.
15. Керәшен приходы чакыра // Керәшен сүзе. 2000. 8 февр.
16. Козлов В. Национальные приходы Казанской Епархии Русской Православной Церкви // АНКО = Актуальное национально-культ. обозрение. 2006. № 1. С. 38–40.
17. Колчери А. Будущее кряшенской миссии через призму истории // Историко-культурное наследие кряшен Волго-Уральского региона. Актуальные вопросы и перспективы изучения. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 99–102.
18. Кряшенский приход г. Казани [Электронный ресурс] URL: <http://www.missiakryashen.ru/today/kazan/> (дата обращения: 21.06.2019).
19. Кукмара // Керәшен сүзе. 1999. 19 июнь.

20. Кыскача белешмә // Керәшен сүзе. 2001. авг.
21. Матвеева М. Казанда да атна көн школы бар // Керәшен сүзе. 1999. 24 май.
22. Народы России: энциклопедия / гл. Ред В. А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 479 с.
23. Никифорово. [Электронный ресурс] URL: <http://www.missiakryashen.ru/today/temples/chur/Nikiforovo/> (дата обращения: 21.06.2019).
24. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. Наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944 с.
25. Протоиерей Павел (Павлов). К кряшенскому вопросу // Материалы Казанской юбилейной историко-богословской конференции «История и человек в богословии и церковной науке». Казань: издание Казанской епархии и Братства свт. Гурия Казанского, 1996. С. 41–46.
26. Протоиерей Павел (Павлов). Материалы из истории Кряшенских Приходов Казанской Епархии Русской Православной Церкви // Материалы научно-практической конференции на тему «Этнические и конфессиональные традиции кряшен: история и современность». Казань: Кряшенский Приход г. Казани, 2001. С. 129–134.
27. Протоиерей Павел (Павлов). Отец Павел: «Без моих прихожан здесь ничего бы не было» / Беседовала И. Яковлева // Керәшен сүзе. 1998. 17 сент.
28. Протоиерей Павел (Павлов). Павел Этей: «Халыкка иман байлыгы кирәк...» / Беседовала Л. Белоусова // Керәшен сүзе. 1999. 26 авг.
29. Протоиерей Павел (Павлов). Тихвинский приход в Казани // Керәшен сүзе. 1996. 9 апр.
30. Сарман // Керәшен сүзе. 1998. 31 июль.
31. Сауабы эшнен дауамы // Керәшен сүзе. 2001. авг.
32. Севастьянов И. В. Кряшены Татарстана: религия и этническая идентичность // Этноконфессиональное состояние кряшен: история, теория, практика. Казань: «Астория и К», 2011. С. 89–98.
33. Село-Чура. [Электронный ресурс] URL: <http://www.missiakryashen.ru/today/temples/kryashen-language/selo-chura/> (дата обращения: 21.06.2019).
34. Тагын бер приход // Керәшен сүзе. 2001. авг.
35. Ташкирмень. [Электронный ресурс] URL: <http://www.missiakryashen.ru/today/temples/chur/tashkirmen> (дата обращения: 21.06.2019).
36. Толковый словарь русского языка. Том III. Под редакцией Д. Н. Ушакова. М.: ООО «Издательство Астель», ООО «Издательство АСТ», 2000. 720 с.
37. Уреево-Челны. [Электронный ресурс] URL: <http://www.missiakryashen.ru/today/temples/chur/Ureevo/> (дата обращения: 21.06.2019).
38. Хакимов Р. С. Предисловие // История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.): колл. монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 3.
39. Щипков А. В. Во что верит Россия: Религиозные процессы в постперестроечной России. Курс лекций. СПб.: РХГИ, 1998. 297 с.
40. Яңа чиркәү салына // Керәшен сүзе. 1994. 1 авг.

© Шарафиев Эмиль Илхамутдинович (magdiev.emil@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Казань

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ В ДАГЕСТАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ МЕДИЦИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

THE USE OF INNOVATIVE TEACHING METHODS IN PRACTICAL CLASSES IN THE LATIN LANGUAGE

R. Abdulkhalimova

Summary. The article discusses innovative teaching methods in practical classes on the subject "Basics of the Latin language with medical terminology" Dagestan State Medical University, which allow to improve teaching and perception of medical students, increase interest in the studied subject from students, complement and expand the teaching process.

Keywords: innovative technologies, knowledge and skills, critical thinking, cooperation pedagogy, professional activity.

Абдулхалимова Раисат Омаровна

Дагестанский государственный медицинский университет, г. Махачкала
abdulxalimova76@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются инновационные методы обучения на практических занятиях по предмету «Основы латинского языка с медицинской терминологией» в Дагестанском государственном медицинском университете, которые позволяют улучшить преподавание и восприятие его студентами-медиками, увеличить интерес к изучаемому предмету со стороны студентов, дополнить и расширить процесс преподавания.

Ключевые слова: инновационные технологии, знания и умения, критическое мышление, педагогика сотрудничества, профессиональная деятельность.

В системе образования нашей Республики Дагестан в настоящее время происходят изменения, что приводит к необходимости разработки систем квалификаций, основанных на компетенциях.

На кафедре латинского и иностранных языков Дагестанского государственного медицинского университета (г. Махачкала) используют инновационные технологии в обучении студентов. В современных условиях модернизации образования изменяются цели и задачи, стоящие перед преподавателем. Акцент переносится с «усвоения знаний» на формирование «компетентностей». Внедряются инновационные педагогические технологии, предусматривающие учёт и развитие индивидуальных особенностей студентов. Современные образовательные технологии можно рассматривать, как ключевое условие повышения качества образования, снижения нагрузки на студентов, более эффективного использования учебного времени.

Говоря об использовании инновационных методов обучения, стоит обратить внимание на развитие критического мышления студентов и организацию самостоятельной работы на практических занятиях по латинскому языку. Имеется ввиду совокупность методов,

приёмов и средств, которые не только повышают качество образования, но и помогают формированию профессиональных и общекультурных компетенций студентов-медиков. Самостоятельная работа студентов неразрывно связана с развитием критического мышления. Организация самостоятельной работы студентов предполагает партнёрское участие преподавателя при планировании занятия и оценке результатов. Проблема в преподавании и изучении латинского языка обусловлена тем, что из языка науки, культуры, юриспруденции и теологии он превратился в сугубо профессиональный язык медицинских работников. Это сузило его возможности, как для развития, так и для преподавания, а также уменьшило интерес к изучению этого замечательного и богатого языка. Поэтому, применение инновационных методов обучения на практических занятиях по предмету «Основы латинского языка с медицинской терминологией» позволит улучшить преподавание и восприятие его студентами-медиками.

Хотя стоит отметить, что латинский язык является фундаментом таких современных языков, как португальский, испанский, итальянский, румынский, французский. И знания латыни облегчит студентам изучение этих языков.

Для повышения качества образования необходимым условием является применение активных инновационных технологий обучения, которые позволяют донести до студентов — необходимый объём знаний и умений.

Инновационные методы не могут полностью заменить традиционные, но как показывает опыт, увеличивает интерес студентов к обучению, а так же расширяет объём запоминаемой ими информации.

Существует несколько групп инновационных методов обучения, такие как: проблемное обучение, технологию развития «критического мышления», информационно-коммуникационные технологии и т.д.

Метод проблемного обучения

Этот метод способствует максимальному развитию творческого мышления, приучает студентов вдумываться в сущность явлений и больше всего используется на кафедре латинского и иностранных языков Дагестанского государственного медицинского университета (г. Махачкала).

Проблемное обучение требует от студентов определённых интеллектуальных способностей, усилий мысли, заставляет бороться с трудностями.

Для успешного использования проблемного обучения нужно чётко понимать требования к этому методу обучения:

- ◆ проблема должна быть понятно и чётко сформулирована;
- ◆ проблема должна иметь определённую сложность;
- ◆ проблема должна быть интересна студентам;
- ◆ для поиска решения проблемы должно быть достаточно учебного материала.

Из собственной практики могу привести пример подобного обучения.

Например: студентам дается задание по теме: «Рецепт» с заранее сделанными ошибками. Задача — найти и исправить ошибки, проанализировать ответы.

Метод технологии развития «критического мышления»

Целью развития «критического мышления» являются формирование культуры чтения и стимуляция самостоятельной творческой деятельности.

Конструктивную основу «технологии критического мышления» составляет базовая модель трёх стадий ор-

ганизации учебного процесса: «Вызов — осмысление — размышление».

На этапе «Вызова» из памяти вызываются и актуализируются имеющиеся знания и представления об изучаемой теме.

Ситуацию вызова создаёт педагог умело заданным вопросом.

На стадии «Осмысление» происходит ознакомление с новой информацией и её систематизация. Студенты получают возможность осмыслить полученную информацию, а так же возможность формулировать вопросы по мере соотнесения старой и новой информации.

На этапе «Размышление» студенты закрепляют новые знания и включают их в новые понятия.

К методам «критического мышления» студентов можно отнести следующие приёмы: Приём «Задавания вопросов». Преподаватель задаёт вопрос, предлагает обдумать ответ и обсудить его. Вопрос должен быть таким, чтобы ответ предполагал размышление и анализ.

Частое задавание вопросов перетекает в дискуссию, где студенты сами учатся задавать вопросы и правильно их формулировать.

Этот приём используется на практических занятиях по разделу: «Морфология».

Метод информационно-коммуникационные технологии

Внедрение этого метода может быть определено, как технология, используемая для доступа, сбора, манипуляции, презентации или сообщения информации. Информационно-коммуникационные технологии (далее ИКТ) включает в себя, как технические средства, так и программные.

Основным средством ИКТ для информационной среды любой системы образования является персональный компьютер и возможностями установленного на нём программного обеспечения.

В настоящее время существует множество мнений о том, использовать ли компьютер в обучении латинскому языку или не использовать.

Мнение одних — компьютер может заменить преподавателя, другие считают, что компьютер не способен подать материал, так как делает это преподаватель. Со-

гласимся со вторым мнением — компьютер служит всего лишь, как вспомогательное средство обучения. Не следует забывать, что компьютер обладает многими преимуществами: в нём сочетается видео-аудио информация, текстовая информация, а так же компьютер предоставляет огромные возможности тестирования уровня владения латинским языком или темой с участием преподавателя, что сократит время проверки результатов.

Таким образом, для преподавателя применение компьютера обеспечивает возможность постоянного совершенствования учебных материалов, а так же внедрение новых организационных форм обучения.

Есть и другие виды ИКТ. Например — телевидение, но наше училище такими возможностями не обладает. На практических занятиях по латинскому языку основным методом ИКТ являются презентации. Они различаются по видам речевой деятельности (при обучении чтению, письму, говорению), по аспектам речи (при обучении лексики, грамматики или фонетики), по видам опор (содержательная, смысловая, иллюстрационная).

Презентации позволяют студентам раскрыть свои способности к творчеству, благодаря компьютеру, внедрение ИКТ — значительно разнообразило процесс восприятия и отработки информации, с последующим анализом и сортировкой.

Проектные методы в обучении

Метод проектов был разработан американским педагогом У. Килпатриком в 20-е годы XX столетия.

Основная цель метода проектов — предоставление студентам возможности самостоятельного приобретения знаний в процессе решения практических задач или проблем в ходе осуществления проекта.

Преподавателю кафедры латинского и иностранных языков Дагестанского государственного университета (г. Махачкала) в проекте отводится роль координатора, эксперта, дополнительного источника информации. Типология проектов — разнообразна. Проекты могут подразделяться на монопроекты, коллективные, устно-речевые, видовые, письменные и Интернет-проекты.

Работа над проектом — это многоуровневый подход к изучению латинского языка, охватывающий чтение, говорение и грамматику.

Метод проектов способствует развитию активного, самостоятельного мышления студентов и ориентирует их на совместную исследовательскую работу. Проектное обучение актуально тем, что учит студентов сотрудничеству, а обучение сотрудничеству воспитывает такие нравственные ценности, как взаимопомощь, формирует творческие способности и активизирует обучаемых.

Метод проектов формирует у студентов коммуникативные навыки, умение кратко и доступно формулировать мысли, добывать информацию из разных источников, обрабатывать её с помощью современных компьютерных технологий.

Выводы:

1. Применение методов инновационных технологий позволяет расширить возможности преподавателя, а так же увеличить интерес к изучаемому предмету со стороны студентов.
2. Использование инновационных методов не заменяет старых классических методов преподавания предмета, а только дополняет и расширяет этот процесс.
3. Инновационные методы позволяют преподавателям кафедры латинского и иностранных языков Дагестанского государственного медицинского г. Махачкала создать условия для более полного раскрытия возможностей студентов.
4. Такие инновационные методы, как метод проектов, работа в группе, вовремя выявляют слабые стороны и пробелы в знаниях студентов, что позволяет преподавателю проанализировать это и акцентировать внимание на этих пробелах.
5. Инновационные методы способствуют к расширению методологических знаний и умений преподавателя, а так же к раскрытию его организаторских способностей.

Можно сделать вывод, что информационные технологии и в дальнейшем будут совершенствоваться, будут появляться новые технологии, новые возможности ИКТ, что потребует от преподавателя постоянно быть в мейн-стриме педагогической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Патаев.В.П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения. / В. П. Патаев // -М., 1995 № 5.
2. Бутенко А. В., Ходкос Ю.А Критическое мышление: метод, теория, практика. — Красноярск 2001.
3. Абакаров М. М., Зайдиева С. С., Шарапудинов Г. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. Учебное пособие под редакцией Маммаева С. Н. — М. Издательский центр «Кизляр» 1999–2005

4. Валиева Е. В. Игровые технологии в преподавании латинского языка в Махачкале-2008
5. Гамзаева А. И. Интернет на уроках иностранного языка. [Текст] /Л.П.Владимирова // ИЯШ. 2015 № 4.
6. Юсупова Р. Т. Элементы латинского языка и основ медицинской терминологии. Учебник. Изд. 2-е доп. М. Медицина 2009
7. Пирмагомедова В. Д. Технология развития критического мышления: Учебно-методическая разработка темы для преподавателей /Махачкала 2011
8. Лежанова И. С. Организация самостоятельной работы студентов как одно из условий усвоения профессиональных компетенций в Дагестане — М.,2009

© Абдулхалимова Раисат Омаровна (abdulxalimova76@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дагестанский государственный медицинский университет

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ-МУЗЫКАНТОВ В ВУЗЕ

THE ROLE OF INFORMATIONAL AND COMPUTER TECHNOLOGIES IN THE MODERN PRACTICE OF INSTRUMENTAL AND INTERPRETATIVE PREPARATION OF FUTURE MUSIC TEACHERS AT THE UNIVERSITY

*I. Aranovskaya
G. Dvoynina
G. Sibiryakova*

Summary. Informational and computer technologies are regarded as a necessary factor of the modern practice of instrumental and interpretative preparation of music teachers at the university that activates their creative development. The problems and contradictions, that block the widening of the possibilities of informational and computer technologies use in the process of studying the instrumental interpretation of the music teachers, are revealed. The circumstances by which informational and computer technologies create a new music and educational sphere and optimize its cognitive and developing influence on the future music teachers, are proved.

Keywords: computerization of the music activity; media pedagogics of the music education; media competency; new music and educational sphere; acoustic instruments.

Арановская Ирина Владленовна

*Д.п.н., профессор, ФГБОУ ВО «Волгоградский
государственный социально-педагогический
университет»
aalu@yandex.ru*

Двойнина Галина Борисовна

*К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Волгоградский
государственный социально-педагогический
университет»
madam.dvoynina2010@yandex.ru*

Сибирякова Галина Георгиевна

*К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Волгоградский
государственный социально-педагогический
университет»
sib-610@yandex.ru*

Аннотация. Информационно-компьютерные технологии рассматриваются как необходимый фактор современной практики инструментально-исполнительской подготовки педагогов-музыкантов в вузе, активизирующий их творческое развитие. Выявлены проблемы и противоречия, препятствующие расширению возможностей использования информационно-компьютерных технологий в процессе вузовского обучения педагогов-музыкантов инструментальному исполнительству. Обоснованы условия, при которых информационно-компьютерные технологии, создавая новую музыкально-образовательную среду, оптимизируют свое познавательное и развивающее воздействие на будущих педагогов-музыкантов.

Ключевые слова: компьютеризация музыкальной деятельности, медиапедагогика музыкального образования, медиакомпетентность, новая музыкально-образовательная среда, акустические инструменты.

В современной системе высшего музыкально-педагогического образования повышение эффективности учебного процесса во многом связывается с новейшими технологическими достижениями. Освоение информационно-компьютерных технологий становится необходимым условием качественного наполнения теоретико-методического и практического содержания обучения педагогов-музыкантов, залогом оптимального подхода к их образованию и развитию.

Как известно, освоение информационно-компьютерных технологий в музыкально-образовательной практике позволяет не только формировать у студентов умения работать с информацией, но и развивает их индивидуальные познавательные, коммуникативные способно-

сти, активизирует личностно-творческие проявления в целом.

Тем не менее, следует отметить, что эффективность использования информационно-компьютерных технологий в практике подготовки педагогов-музыкантов в ВУЗе напрямую зависит от их профессионального владения инструментом, что подразумевает формирование и развитие, прежде всего, инструментально-исполнительских навыков и умений. Согласимся с мнением М. С. Заливадного, который считает информационно-компьютерные технологии в педагогике музыкального образования средством для индивидуализации тренировки и практического обучения, т.к. «компьютерные программы позволяют обучающемуся работать в свойственном ему

темпе и на соответствующем уровне трудности» [4; с. 64]. Также М. С. Заливадный добавляет: «на высших этапах обучения с использованием компьютеров предполагаемая той или иной программой «активная вовлечённость учащегося в учебный процесс» может перерасти в подлинное творчество, применительно к результатам которого возможна постановка вопроса об их долговременной художественной ценности» [4; с. 64].

В этой связи необходимо выделить спектр проблем, касающихся практики инструментально-исполнительской подготовки педагогов-музыкантов в условиях внедрения новых информационно-компьютерных технологий. Обучение инструментальному исполнительству на всех его этапах является одним из самых консервативных направлений в педагогике музыкального образования. Причины подобного консерватизма заключаются в необходимости постоянного, чаще всего, репродуктивного технологического совершенствования инструментально-исполнительских умений и навыков. Инновационные педагогические технологии, в том числе, информационно-компьютерные, в применении к инструментально-исполнительской подготовке студентов (на любом уровне данной подготовки), обладают особой спецификой, позволяющей более эффективно организовать их самостоятельную работу на инструменте.

Вместе с тем, подчеркнем следующее. В процессе приобретения первоначальных инструментально-исполнительских навыков, а также на протяжении всего времени профессиональной деятельности музыканта-исполнителя особое место занимает работа над совершенствованием игрового исполнительского аппарата, приёмов игры, мышечных ощущений, над подбором соответствующих упражнений для преодоления технических трудностей. На первоначальном этапе данного процесса роль педагога не может быть заменена никакими информационно-компьютерными технологиями, напротив, должен присутствовать только личный показ, формирование игрового аппарата учащегося непосредственно преподавателем, что позволяет создать необходимый фундамент, с помощью которого в дальнейшем обучаемый сможет использовать новые инновационные технологические средства.

Роль педагога как источника и генератора инструментально-исполнительских знаний, навыков и умений на данном этапе можно сравнить с ролью скульптора, призванного вылепить из «неорганизованных рук» сначала маленького ученика, затем — более взрослого студента колледжа или вуза, способного воспроизвести музыкальную мысль в звуках, передать с помощью нужных штрихов и нюансов характер музыки, создать исполнительскую интерпретацию музыкального произведения. Иными словами, обучение инструментальному исполни-

тельству без педагогического участия и живого показа невозможно.

Понятны обоснованные опасения специалистов в том, что, как пишет Г. Р. Тараева, «каждый шаг в сторону осовременивания обучения — это шаг в сторону возможной гибели художественного образования» [10; с. 215]. Тем не менее, как показывает современная музыкально-педагогическая практика, изучение информатики, организация компьютерных классов и внедрение компьютеризации в область специальных музыкальных дисциплин — процесс повсеместный, последовательно распространяющийся в музыкальных учебных заведениях разного типа. Однако отсутствие теоретической и методической базы не позволяет данному процессу стать максимально эффективным.

В последнее время, не смотря на известный консерватизм и скепсис педагогического музыкального сообщества, ведётся большая исследовательская работа по изучению педагогического потенциала информационно-компьютерных технологий, MIDI-инструментов, цифровых фортепиано (И. Б. Горбунова, О. И. Журавлёва, С. С. Лукашёва, Г. Р. Тараева и др.). Теоретический анализ литературы по данной проблеме позволяет говорить о том, что информационно-компьютерные технологии могут применяться в практике инструментально-исполнительской подготовки будущих педагогов-музыкантов в различных направлениях.

О. И. Журавлёва, обобщая практический опыт внедрения информационно-компьютерных технологий в практику высшего музыкального образования, указывает на возможность их применения в виде музыкально-компьютерных программ различной модификации в практических и лекционных занятиях, в самостоятельной работе студентов (в виде тестовых, диагностических, контролирующих, оценочных программ), а также в виде внедрения в учебный процесс клавишного синтезатора, электронного фортепиано и другого подобного музыкального оборудования, позволяющего применять различные музыкальные тренажёры, использовать разные форматы записи музыки для выучивания произведений по дисциплинам «Аккомпанемент», «Концертмейстерский класс», а также для исполнения инструментальных концертов с партией оркестра и др. [3; с. 115].

Мы согласны с Г. Р. Тараевой в том, что для выработки научных стратегий и подходов к использованию информационно-компьютерных технологий в современной практике подготовки педагогов-музыкантов необходимо взаимодействие системы музыкального образования с культурой, обеспечение особой коммуникации между человеком и информацией и человека друг с другом [10; с. 214]. Данную точку зрения поддерживает И. Б. Горбу-

нова: «отсутствие научно обоснованного методического и психологического анализа имеющегося опыта использования и перспектив развития МКТ в общем и профессиональном музыкальном образовании требует разработки соответствующих методов и форм обучения» [2; с. 124].

Исследователи сходятся в обозначении основных противоречий, возникающих в связи с использованием информационно-компьютерных технологий в музыкально-педагогическом образовании, среди которых выделяют противоречия между:

- ◆ концептуальными инновациями в сфере общей педагогики и возможностями традиционной музыкальной педагогики;
- ◆ традиционно узкопрофессиональным пониманием предназначения музыкального искусства и глобальной интеграцией и гуманизацией общего учебно-воспитательного процесса;
- ◆ глубоким несоответствием между содержанием учебных программ и планов средних общеобразовательных и музыкальных школ, а также профильных вузов и разработками творческих информационно-компьютерных лабораторий;
- ◆ спецификой индивидуальных музыкально-исполнительских дисциплин, ограничивающей применение информационно-компьютерных технологий в образовательном процессе и развивающим потенциалом данных технологий (И.Б. Горбунова, М.С. Заливадный).

В контексте вышеназванных противоречий представляется продуктивным подход Г.Р. Тараевой, которая видит один из путей их разрешения в определении целей применения информационно-компьютерных технологий в музыкальном образовании и нахождении «особых смыслов их использования в музыкально-образовательном процессе» [10; с. 215].

С.С. Лукашёва справедливо рассматривает информационно-компьютерные технологии как средство формирования профессиональных способностей будущих педагогов-музыкантов на основе создания модели данного процесса, определения её структуры и взаимоподчинённости элементов. Результатом применения данной модели выступают умения студентов создавать творческие продукты в виде аранжировок, фонограмм, а также умения анализа их целесообразного применения в будущей профессиональной деятельности.

Как показывает анализ музыкально-образовательной практики, к информационно-компьютерным технологиям педагоги-музыканты, работающие в системе, как общего, так и дополнительного музыкального образования, чаще всего относят внедрение в учебный процесс

электронных музыкальных инструментов: синтезаторов, электронных фортепиано разных модификаций, а также использование компьютерного оборудования для демонстрации различного рода дидактического обучающего материала. Вместе с тем, современное музыкальное образование востребует педагога-музыканта, не только владеющего навыками исполнения музыки, но и умеющего проектировать свою профессиональную педагогическую деятельность с применением новых информационно-компьютерных технологий.

Потребности музыкально-образовательной практики в специалистах, обладающих, по сути, междисциплинарным комплексом знаний, умений и навыков обуславливают спектр требований к подготовке педагога-музыканта в вузе. Как подчеркивает Г.Р. Тараева, «вузовская задача — развитие личности, формирование привычки учиться и навыка делать это в современной информационной среде» [10; с. 217].

Не случайно в музыкальную педагогику входят такие новые понятия как «компьютеризация музыкальной деятельности», «компьютерно-музыкальная педагогика», «медиапедагогика музыкального образования». Вместе с тем, очевидно, что пути внедрения данных понятий в теорию и практику музыкального образования почти не изучены, научный материал только собирается, и, тем не менее, этот материал может быть сразу систематизирован соответственно тому, что является целью обучения [4; с. 63].

Не случайно также и М.С. Заливадный рассматривает предназначение компьютеризации музыкальной деятельности как средство для освоения и синтеза музыкальных традиций человеческой культуры, а также обоснованный «выход синтезирующей тенденции за пределы музыкальной педагогики в собственном смысле слова и перерастание этой последней в междисциплинарную» [4; с. 63]. Внедрение информационно-компьютерных технологий в процесс инструментального исполнительства безгранично раздвигает формы и содержание учебной, образовательной, концертной деятельности. Необходимость сочетания в практике подготовки современных педагогов-музыкантов разных видов компетентности (профильная музыкальная, педагогическая, инженерная, конструкторская, физико-математическая, историко-музыковедческая, композиторская и др.) приводит к появлению не только новых требований к их профессиональной деятельности, но, по сути, к появлению новых профессий, совмещающих в себе многие профессии, недавно кажущиеся далёкими от музыкального обучения и воспитания.

Исследование роли информационно-компьютерных технологий в музыкальном образовании (в независимо-

сти от его профессиональной направленности) показывает, что на новом этапе его развития происходит сочетание и слияние ранее несовместимых явлений, понятий, сфер деятельности, а также идей, образов, представлений. Здесь мы обоснованно приходим к необходимости синкретического объединения явлений, которое чрезвычайно важно для понимания процессов, происходящих в современном музыкальном образовании. Информационно-компьютерные технологии предоставляют возможность соединения в условиях музыкального образования разных видов искусств (живописи, архитектуры, театра, кино и др.) с достижениями инженерной, конструкторской мысли, а также позволяют использовать самые разные виды деятельности. Такое объединение несоединимых ранее видов деятельности, свидетельствует о новом этапе развития музыкального образования, о синкретическом возвращении нерасчленённости, единства музыкального образования и человеческой культуры в целом.

Наши предположения поддерживает исследование М. М. Мазур, которая пишет о том, что «в современном искусстве усилилось стремление к полихудожественному восприятию образов на основе синтеза, придания нового смысла импровизационным формам, различным формам обновления сюжета за счет зримой ирреальности. Большое значение начинают приобретать синтез искусств в многомерном киноизображении, использование аналоговых художественных форм, созвучных природным очертаниям и архетипам, создание динамической серии образов в стоп-кадрах, синкретичных комплексах. Полихудожественное взаимодействие проявляется в форме поиска аналогий образов, использования материала и выразительных средств других искусств, перевода образного содержания из одного художественного ряда в другой, привлечения импровизации» [7; с. 59].

И. В. Малыгина исследует факт появления звукозаписи произведений на разных носителях, компьютерной трансформации партитур с прописыванием одного трека и исполнением другого, что категорически преобразило феноменологическую формулу любого инструментально-исполнительского процесса «композитор-исполнитель-слушатель». Появление многочисленных компьютерных программ аранжировки, инструментовки, оркестровки музыкальных произведений приводит к тому, что создание композитора в дальнейшем подвергается значительной переработке и начинает звучать как другое произведение (в отличие от классических сочинений, в которых автор точно указывает, какой инструмент должен исполнять ту ли иную партию). На наш взгляд, мы имеем дело с новым видом интерпретации сочинения автора, изменяющим само это сочинение, подчас оставляющим только идею, мотив, ритмиче-

скую основу. В этом проявляется одна из возможностей информационно-компьютерных технологий: всемерное и безграничное изменение, огромный выбор средств таких изменений. Иными словами, компьютер в музыкальном образовании может рассматриваться как новый инструмент, с помощью которого три вида музыкальной деятельности — восприятие, исполнение, сочинение-приобретают новое, современное звучание, открывая неизвестные ранее грани музыкально-педагогического творчества.

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что информационно-компьютерные технологии в музыкальном образовании — это не только новый «инструмент» педагога-музыканта, но прежде всего, средство создания новой культурно-художественной и творческой среды.

Известно, что в профессиональном сообществе музыкантов-исполнителей и педагогов-музыкантов преобладает уверенность в том, что обучение инструментальному исполнительству необходимо начинать с акустических инструментов, поскольку все электронные музыкальные инструменты, даже обладающие чувствительной клавиатурой, не могут реагировать на прикосновение пальцев, регулировать вес корпуса, опору, — т.е. то, что составляет основу звукоизвлечения инструменталиста.

К тому же роль информационно-компьютерных технологий в практике инструментального исполнительства выражается в изменении средств эмоционального воздействия на слушателя. Здесь также возникает ряд вопросов. Известно огромное эмоциональное воздействие на слушателей игры великих исполнителей-инструменталистов на акустических инструментах-фортепиано, струнных, народных, выразительные возможности которых связаны, прежде всего, с характером прикосновений пальцев исполнителя. Такое эмоциональное воздействие вызывает у слушателей чувство сопричастности к созданию художественного образа, в котором сливаются в единое целое композитор, исполнитель и слушатель. Именно данное единство лежит в основе вышеназванного эмоционального воздействия инструментального исполнительства на слушателя.

Вместе с тем, в связи с активным внедрением в музыкально-образовательную практику информационно-компьютерных технологий, трансформируется соотношение взаимосвязей в классической триаде «композитор-исполнитель-слушатель», изменяется сама сущность творчества композитора, который вновь (как в XVI–XVII веках) объединяется с исполнителем и интерпретатором. Такое объединение в одном лице приводит

к следующему современному пониманию феномена создания музыки, отмеченному Л. В. Никитиной: «Композиторы XXI века всё более склонны уходить от преувеличения значения собственной персоны как «музыкального гения»-изобретателя музыки, и всё больше начинают воспринимать себя в качестве некоего «проводника» объективно существующей музыки мира» [9; с. 225].

Следует согласиться с Л. В. Никитиной и Т. И. Кузуб также и в том, что для современного искусства характерны процессуальность, документальность, интерактивность. Поэтому формы применения информационно-компьютерных технологий, в том числе в музыкально-исполнительской деятельности, с одной стороны, связываются с альтернативой традиционному музыкальному концерту, предполагающему разграничение ролей композитора, исполнителя и слушателя, а, с другой стороны, обуславливаются «общей направленностью эволюции музыкальной культуры (от прошлого к будущему) и выстраиваются (по аналогии с гегелевской триадой тезис-антитезис-синтез) от утверждения «тезиса» (новоевропейская культура XVII–XVIII в.— классико-романтическая культура XIX века) к культурному «антитезису» в XX веке, когда многие ценности предшествующих эпох кардинально обновляются и переосмысливаются, что приводит в результате к «глобальному синтезу» и его многообразным проявлениям в культуре рубежа XX–XXI веков.» [5; с. 23].

Как показывает музыкально-педагогический опыт, а также музыкально-концертная практика, исполнение на электромузыкальных инструментах связано с совершенно иным слушательским восприятием. Исчезает диалог между исполнителем как интерпретатором идей композитора и слушателем. Электронные музыкальные инструменты ограничивают самое важное в инструментальном исполнительстве — живое звукотворение. Эти инструменты подобны механизмам, воспроизводящим человеческую речь с одними и теми же, запрограммированными интонациями.

Дальнейшие размышления приводят к необходимости иного понимания такой «метакатегории» в инструментальном исполнительстве как «интерпретация», которая приобретает смысл конструкторской идеи, моделирования. Таким образом, вопрос о сути исполнительского искусства в условиях существования новых информационно-компьютерных технологий претерпевает существенные изменения.

Одним из путей решения проблемы «живого звукотворения» является внедрение в практику музыкального образования компьютерных программ нотного редактирования, которое значительно облегчает процесс работы композитора, аранжировщика над оркестровой

партитурой. Однако, замена реального звучания акустического оркестра на «midi-оркестр» в электронном воспроизведении значительно искажает художественные достоинства оркестровки, само звучание инструментов. Здесь следует согласиться с мнением Ю. И. Фенчук: «удивительное многообразие звуковой палитры группы струнных смычковых инструментов (с тончайшими оттенками, порождаемыми особенностями тех или иных штрихов, приёмов игры, тембров отдельных струн и, прежде всего, исполнительской «манерой» музыкантов) у их электронных «собратьев» превращается в некий безликий «тембро-символ». Фактура «midi-оркестра» не выдерживает большой плотности, ибо появляются шумовые фоны» [11; с. 143].

Поэтому работе с компьютерными версиями как отдельных инструментов, так и ансамблей и оркестров разных составов должно предшествовать полноценное знакомство обучающихся со звучанием акустических инструментов, формирование прочного фундамента слуховых представлений об инструментальной специфике каждой группы инструментов. Из вышесказанного следует, что знания, умения и навыки работы с информационно-компьютерными, электронными инструментами предполагают прочную инструментально-исполнительскую компетентность, основанную на владении акустическими инструментами и широких слуховых представлениях о звучании, тембрах, регистрах классических инструментов симфонического оркестра.

Исследование информационно — компьютерных технологий как нового многогранного средства обучения, образования, творчества, как нового инструмента, синтезирующего многие направления деятельности, открывающего поистине бесконечное количество комбинаций, вариантов решения задач музыкального образования, приводит к появлению новых педагогических терминов и понятий. Всё чаще звучит термин «медиакомпетентность», который в предварительном понимании означает использование информационно-компьютерных технологий для установления различных форм коммуникации в процессе музыкального образования. Термин «мультимедиакомпетентность» понимается как часть медиакомпетентности и предполагает профессиональную компетентность педагога-музыканта и музыканта — исполнителя, на основе которой происходит формирование медиакомпетентности. Таким образом, возникает определенная последовательность современной музыкальной образованности и обучения.

Велико значение информационно-компьютерных технологий в процессах интеграции различных дисциплин сферы музыкального образования. Однако, концертная практика принимает электронные музыкаль-

ные инструменты исключительно в эстрадных жанрах как инструменты, синтезирующие звучание, обеспечивающие необходимую громкость, протяжённость звука, а также часто имитирующие другие инструменты, чаще, всего фортепиано. Трудно представить сольный концерт исполнителя на синтезаторе, в то же время, исполнитель-пианист часто вынужден заменять акустическое фортепиано на его электронную версию.

Профессионал в области информационно-компьютерных технологий не испытывает потребности в виртуозной беглости пальце, высоком техническом уровне, качестве звукоизвлечения, тембрового и штрихового разнообразия, разделения фактуры и пр. Всё указанное выполняет электронная машина, со всеми заданными функциями успешно справляется секвенсор музыкального компьютера, его память бесконечна. В связи с этим не происходит необходимый процесс «живого звукотворения», музыка как искусство не рождается здесь и сейчас, лишаясь присущего ей интерпретационного начала, импровизационности. Сказанное подтверждают слова И.Ф. Стравинского: «...любая, самая близкая к совершенству музыкальная машина, будь то скрипка Страдивариуса или электронный синтезатор, бесполезна, пока к ней не прикоснулся человек, обладающий музыкальным мастерством и воображением».

Все вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов.

Информационно — компьютерные технологии как средство и условие функционирования музыкального образования во всех его направлениях имеют исключительное значение для подготовки специалиста к работе в современных условиях. Преподнесение учебного содержания с помощью современных информационных средств, использование Интернета имеют огромное познавательное и развивающее воздействие на обучающихся музыке, так как позволяют не только услышать звучание симфонического оркестра, классических ан-

самблей и других музыкальных коллективов, но и «побывать» в концертных залах, оперных театрах, на балетных спектаклях и т.д. Иными словами, данные технологии значительно расширяют и оптимизируют возможности приобретения музыкальных знаний.

Однако, информационно-компьютерные технологии в практике освоения инструментально-исполнительских дисциплин, в том числе, в педагогическом вузе, не могут заменить преподавателя-музыканта, а также акустический музыкальный инструментарий, поскольку специфические базовые профессиональные исполнительские приёмы могут быть освоены обучающимися только с помощью педагога и только на академических музыкальных инструментах.

Следовательно, данные технологии призваны обеспечить сопровождение формирования знаний о музыкальном исполнительстве в целом, о разнообразии исполнительских стилей, в частности, предоставляя возможности для ознакомления будущих педагогов-музыкантов с различными вариантами интерпретации произведений выдающимися исполнителями. Информационно-компьютерные технологии призваны содействовать развитию у будущих педагогов-музыкантов способности различать музыку разных композиторов на слух, а также аналитических навыков при прослушивании музыки разных стилей и жанров. Кроме того, данные технологии выступают в роли тренажёра, что особенно важно при формировании, например, концертмейстерских и ансамблевых навыков, предоставляют возможность будущим педагогам-музыкантам использовать программы для сочинения музыки, для аранжировки и импровизации. Таким образом, информационно-компьютерные технологии не подменяют, а дополняют содержание современной вузовской практики инструментально-исполнительской подготовки педагогов-музыкантов, создавая условия, позволяющие сделать, данную практику не только более эффективной, но и подлинно творческой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арановская И. В. Эстетическое развитие личности и его роль в современном музыкально-педагогическом образовании (методологические основы): Монография. — Волгоград: Перемена, 2002. — 257 с.
2. Горбунова И. Б. Феномен музыкально-компьютерных технологий как новая образовательная среда//Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2004. Т. 4. № 9. С. 123–138. [электронный ресурс]: https://elibrary.ru/query_results.asp.
3. Журавлёва О. И. Инновационные методы и технологии в педагогике высшего музыкального образования сегодня//Проблемы современного педагогического образования. 2015. № 49–1. С. 115–125. [электронный ресурс]: https://elibrary.ru/query_results.asp
4. Заливадный М. С. Теоретические проблемы компьютеризации музыкальной деятельности: опыт комплексной характеристики: дисс... канд. иск-ния: 17.00.02. — Санкт-Петербург, 2001.-148с.
5. Кузуб Т. И. Музыкальная культура XX века как феномен эпохи глобализации: автореф. Дисс. . .
6. Лукашёва С. С. Модель формирования профессиональных способностей музыкантов-исполнителей средствами информационных технологий//Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2018. Т. 17, № 1. С. 7–13. [электронный ресурс]: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32816906>

7. Мазур М. М. Синкретизм и аудиовизуальное искусство. В сб.: Современные аудиовизуальные технологии в современном художественном творчестве и высшем образовании. Материалы VI Всеросс. Науч.-практ. конф. Санкт Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. С. 59.
8. Малыгина И. В. Гибридные музыкальные инструменты в эстетике фортепианного исполнительства// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение, Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (88). С. 125–128.
9. Никитина Л. В. Трансформация взаимосвязей в траде «композитор- исполнитель- слушатель» в XX столетии. //Л. В. Никитина. В сборнике: Историко-культурное наследие как потенциал развития туристско-рекреационной сферы материалы Международной научно-практической конференции. Казанский государственный университет культуры и искусств; Составители: Р. М. Валеев, В. Р. Алиакберова, Д. Ф. Файзуллина; науч. ред. Р. Р. Юсупов, Р. М. Валеев. 2014. С. 225–231.
10. Тараева Г. Р. Информационные технологии и музыкальная педагогика//Проблемы музыкальной науки. 2008. № 1(2). С. 214–220. [электронный ресурс]: https://elibrary.ru/query_results.asp
11. Фебенчук Ю. И. Мультимедиа в музыкальном исполнительстве (особенности новой информационной среды). В сб.: Информационные технологии в музыкальном искусстве и образовании. Вопросы теории, методологии и практики. Сб. материалов Второй всеросс. науч.-практ. конф. Новосибирская гос. консерватория им. М. И. Глинки. Новосибирск, 2013. С. 143–146.
12. Шлыкова И. В. Использование технических средств обучения (аудио и видео) в процессе преподавания музыки: на материале учебной работы в музыкально-исполнительских классах.: Дисс. . . канд. пед. наук: 13.00.02/ Шлыкова Ирина Вячеславовна. Тамбов, 2008. -160с.

© Арановская Ирина Владленовна (aalu@yandex.ru),

Двойнина Галина Борисовна (madam.dvoynina2010@yandex.ru), Сибирякова Галина Георгиевна (sib-610@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ ВУЗА СРЕДСТВАМИ ПОДВИЖНЫХ ИГР И ШЕЙПИНГА

PHYSICAL TRAINING OF UNIVERSITY STUDENTS MEANS OF MOVING GAME AND SHAPING

**G. Koniakhina
O. Sairanova
N. Zaharova**

Summary. The authors consider the issue of physical training of University students. The article presents a comparative analysis of the effectiveness of physical training of students engaged in using different means of physical education. Developed and presented a method of training moving games and methods of shaping classes with University students. A pedagogical experiment to determine the effectiveness of physical training of first-year students in physical education with the use of moving games and shaping. Testing of physical preparation of students before and after pedagogical experiment is carried out. Testing revealed an increase in physical training of students engaged in both methods. When comparing moving games and shaping, it is concluded that moving r games are more conducive to the development of endurance compared to shaping. And shaping classes allow you to achieve great results in improving strength abilities and flexibility. The article concludes that properly organized and systematic physical training with the use of moving games and shaping contribute to the improvement of physical training of University students. However, there are different directions of physical training of students using different means of physical education (moving games and shaping).

Keywords: moving game; shaping; students; physical training; methods.

Коняхина Галина Петровна

Доцент, ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»

galina.koniakhina@mail.ru

Сайранова Ольга Семеновна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»

saioqa1967@qmail.com

Захарова Наталья Анатольевна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»

Zaharovana@cspu.ru

Аннотация. Авторами рассматривается вопрос физической подготовки студентов вуза. В статье проводится сравнительный анализ эффективности физической подготовки студентов занимающихся с использованием разных средств физического воспитания. Разработана и представлена методика занятий подвижными играми и методика занятий шейпингом со студентами вуза. Проведен педагогический эксперимент по определению эффективности физической подготовки студентов первого курса на занятиях физической культурой с применением подвижных игр и шейпинга. Проведено тестирование физической подготовки студентов до и после педагогического эксперимента. Тестирование выявило повышение физической подготовки студентов, занимающихся по обеим методикам. При сравнении подвижных игр и шейпинга, делается вывод о том, что подвижные игры в большей степени способствуют развитию выносливости по сравнению с шейпингом. А занятия шейпингом позволяют достигать больших результатов в совершенствовании силовых способностей и гибкости. В статье делается заключение о том, что правильно организованные и систематические занятия физической культурой с использованием подвижных игр и шейпинга способствуют повышению физической подготовки студентов вуза. Однако присутствует разная направленность физической подготовки студентов с использованием разных средств физического воспитания (подвижных игр и шейпинга).

Ключевые слова: подвижные игры; шейпинг; студенты; физическая подготовка; методика.

Введение

Вопросами физической подготовки посвящено множество работ, однако, нами не было выявлено работ, посвященных сравнению эффективности физической подготовки студентов средствами подвижных игр и шейпинга. Как известно, занятия шейпингом «способствуют снижению веса, приобретению идеальных пропорций тела, укреплению всех мышечных групп, повышают эластичность связок и подвижность суставов, развивают двигательные качества силу, гибкость, силовую выносливость, исправляют осанку, предупреждая развитие остеохондроза» [2, с. 263].

Таким образом, занятия шейпингом могут способствовать повышению физической подготовки студентов. В то же время, подвижные игры являются распространенным средством, которое широко используется как в школе на занятиях по физической культуре, так и со студентами. Сими по себе подвижные игры выступают «как естественное и непревзойденное дидактическое средство, выполняющее функцию подготовки новых поколений к предстоящей жизни, что дает основания к полноценному ее использованию в подготовке будущих специалистов в системе высшего образования» [3, с. 217]. Кроме этого подвижные игры используются в некоторых видах спорта [1, с. 20]. Играя в грамотно ор-

ганизованные подвижные игры, студенты повышают физическую подготовку и совершенствуют двигательные способности. В процессе систематических занятий подвижными играми укрепляется здоровье занимающихся. В то же время, еще недостаточно исследованы вопросы сравнения эффективности занятий подвижными играми и шейпингом со студентами вуза.

Проблема исследования заключается в изучении влияния занятий подвижными играми и шейпингом на физическую подготовку студентов вуза.

Цель исследования: сравнить эффективность физической подготовки студентов вуза с использованием подвижных игр и шейпинга.

Организация методика исследования

Исследование проводилось со студентами первого курса педагогического вуза, на дополнительных занятиях физической культурой. Мы провели педагогический эксперимент, который длился три месяца. Студенты были разделены на две группы по 20 человек в каждой (по 10 девушек и 10 юношей в каждой группе). До начала исследования обе группы имели одинаковый уровень физической подготовки и возраст (19 лет). Тестирование проводилось по четырем тестам, характеризующим физическую подготовку (сгибание разгибание рук в упоре лежа, тест Купера (12 минутный бег), прыжок в длину, наклон стоя на гимнастической скамейке).

Испытуемые обеих групп занимались один раз в неделю, каждое занятие длилось по 90 минут (одна пара). Со студентами первой группы проводились занятия по физической культуре с применением подвижных игр, а со студентами второй группы проводились занятия по физической культуре с использованием средств шейпинга. До и после завершения педагогического эксперимента было проведено тестирование физической подготовки студентов первой и второй групп и проведен их анализ.

Методика проведения подвижных игр

В процессе педагогического эксперимента с первой группой испытуемых проводились занятия с использованием подвижных игр. Методика проведения подвижных игр со студентами строилась по общепринятой структуре проведения занятий по физической культуре. Занятие состояло из трех частей: вводная часть, основная и заключительная. Во вводной части проводилась разминка с использованием беговых, прыжковых и общеразвивающих упражнений на месте и в движении. В основной части занятия проводились подвижные игры

средней и высокой интенсивности. В заключительной части занятия были использованы подвижные игры малой интенсивности и упражнения на растягивание.

С целью повышения общей результативности занятий и повышения моторной плотности, были выбраны игры с вовлечением всех студентов, когда в игре принимают участие одновременно все занимающиеся. С целью усложнения или упрощения заданий, содержание подвижных игр также варьировалось, в зависимости от конкретно складывающейся игровой ситуации.

Кроме самих подвижных игр, реализуемая методика предполагает проведение эстафет. Применение эстафет осуществлялось не на каждом занятии, а целью применения эстафет, на ряду с остальным, ставилось выполнение занимающимися необходимых силовых упражнений (отжимание, поднимание туловища, приседание). [4, с. 63]. Таким образом, благодаря применению эстафет, можно было разнообразить занятие и повысить тренировочный эффект, который положительно сказывается на физической подготовке занимающихся.

По ходу проведения подвижных игр преподавателем соблюдались следующие методические рекомендации: формировать команды таким образом, чтобы численный состав и силы игроков были примерно одинаковы; способствовать соблюдению правил игры всеми участниками; воспитывать уважительное отношение к другим игрокам; объяснять, что подвижные игры, кроме прочего, имеют тренировочный эффект.

В методике проведения подвижных игр были использованы разнообразные виды игр: игры без деления занимающихся на команды; игры с разделением участников на команды; игры с касанием соперника; игры без касания соперника; игры с использованием мяча и спортивного инвентаря; игры без использования спортивного инвентаря.

Методика проведения занятий шейпингом

В процессе педагогического эксперимента со второй группой испытуемых проводились занятия с использованием шейпинга. Методика занятий шейпингом со студентами включала выполнение комплекса упражнений для различных групп мышц. Занятия длились по 90 минут. Занятие состояло из разминки, основной части и заминки.

Основная часть включала в себя 11 серий упражнений на все части тела, а именно: бедро (мышцы сгибателей и разгибателей бедра, приводящие и отводящие мышцы); мышцы таза (ягодичные мышцы); мышцы туло-

вища (мышцы живота, спины и плечевого пояса); голень (берцовые, подошвенные и икроножные мышцы).

Обязательной составляющей занятий шейпингом являлись силовые тренировки с использованием статодинамических упражнений. Для целенаправленного развития и воздействия на определенные группы мышц, используемые упражнения объединены в комплексы и выполняются со строго регламентированной техникой.

Для достижения наилучшего оздоровительного и развивающего эффекта от занятий, следует соблюдать методические принципы шейпинг-тренировки. В связи с этим в процессе подбора упражнений и непосредственное ведение занятий осуществлялось с соблюдением основных методических принципов проведения занятий шейпингом: сознательности и активности, доступности и индивидуализации, постепенности, принцип всесторонней направленности оздоровительной тренировки. Соблюдение данных принципов позволяет совершенствовать двигательные способности занимающихся, обеспечивать оздоровительный эффект от занятий, минимизировать риск получения травм и растяжений, а также использование доступных и разнообразных упражнений способствует повышению интереса к занятиям.

В процессе занятий, нами были выбраны такие упражнения, которые соответствуют возрастным особенностям студентов. Кроме этого, для обеспечения дифференцированного подхода во время занятий к девушкам и юношам, в основной части занятия одна четвертая часть упражнений различалась. Девушкам предлагались упражнения для мышц ягодиц и бедер, а для юношей для мышц плечевого пояса. Таким образом, в предлагаемой методике занятий шейпингом осуществлялся дифференцированный подход к юношам и девушкам.

Результаты исследования

После проведения педагогического эксперимента, мы провели педагогическое тестирование испытуемых обеих групп.

В первой группе испытуемых, в которой проводились занятия физической культурой с использованием подвижными играми, после трех месяцев педагогического эксперимента по сравнению с исходным уровнем повысились показатели физической подготовки: в тесте «сгибание разгибание рук в упоре лежа» девушки первой группы улучшили результат на 7%, а юноши повысили результат на 9,5%; в тесте Купера (12 минутный бег) девушки первой группы улучшили результат на 12%, а юноши на 15%; в тесте «прыжок в длину» девушки пер-

вой группы улучшили результат на 8%, а юноши на 7%; в тесте «наклон стоя на гимнастической скамейке» девушки первой группы улучшили результат на 4%, а юноши на 5%. Таким образом, применение подвижных игр способствует повышению физической подготовки студентов.

Во второй группе испытуемых, в которой проводились занятия физической культурой с использованием шейпинга, после трех месяцев педагогического эксперимента по сравнению с исходным уровнем повысились показатели физической подготовки: в тесте «сгибание разгибание рук в упоре лежа» девушки второй группы улучшили результат на 17%, а юноши повысили результат на 15%; в тесте Купера (12 минутный бег) девушки второй группы улучшили результат на 8%, а юноши на 10%; в тесте «прыжок в длину» девушки второй группы улучшили результат на 16%, а юноши на 17%; в тесте «наклон стоя на гимнастической скамейке» девушки первой группы улучшили результат на 8%, а юноши на 9%. Таким образом, применение шейпинга способствует повышению физической подготовки студентов.

Выводы

Проводя анализ результатов педагогического эксперимента и сопоставив результаты тестирования первой (подвижные игры) и второй (шейпинг) группы. Можно сделать вывод о том, что занятия с использованием подвижных игр и шейпинга повышают физическую подготовку студентов, однако результаты в тестах отличаются. Так, в тестах «сгибание рук в упоре лежа», «прыжок в длину» и «наклон стоя на гимнастической скамейке» во второй группе (шейпинг) изменение в показателях более существенные, чем в первой группе (подвижные игры). Но, с другой стороны, позитивное изменение в тесте Купера (12 минутный бег) более существенное в первой группе (подвижные игры). Таким образом, мы приходим к выводу о том, что занятия подвижными играми и шейпингом способствуют повышению физической подготовки занимающихся, но в связи с разной двигательной спецификой проведения занятий подвижными играми шейпингом, повышение физической подготовки имеет разную направленность.

Заключение

Правильно организованные и систематические занятия физической культурой с использованием подвижных игр и шейпинга способствуют повышению физической подготовки студентов вуза. Педагогам, при планировании занятий следует учитывать разную направленность физической подготовки в процессе занятий подвижными играми и шейпингом. При сравнении двух видов занятий — подвижных игр и шейпинга, можно сказать,

что подвижные игры в большей степени способствуют развитию выносливости по сравнению с шейпингом. А занятия шейпингом позволяют достигать больших результатов в совершенствовании силовых способностей

и гибкости. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение и сравнение каких — либо других средств физического воспитания на занятиях по физической культуре со студентами вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байкалова Л. В., Простихина Н. М. Подвижные и спортивные игры в подготовке спортсменов-легкоатлетов // *Ukrainian Journal of Ecology*. 2015. — № 1а (14). — С. 20–23.
2. Бушма Т. В., Зуйкова Е. Г. Аэробика и шейпинг как современные средства адаптации студентов к физическим нагрузкам // *Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения*. 2015. — № 1. — С. 263–267.
3. Гарцуев А. В. Влияние занятий подвижными играми на психоэмоциональное состояние студентов // *Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения*. 2010. — № 1. — С. 217–219.
4. Коняхина Г. П. Организационно-методические основы проведения эстафет в учебном процессе. Учебное пособие / Челябинск: Издательский центр «Уральская академия», 2017. С. 60–63.

© Коняхина Галина Петровна (galina.koniakhina@mail.ru),

Сайранова Ольга Семеновна (saioqa1967@gmail.com), Захарова Наталья Анатольевна (Zaharovana@cspu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЮургГПУ

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ КАК ЗНАЧИМОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КАЧЕСТВА У БУДУЩИХ ЮРИСТОВ В ВУЗЕ МВД РОССИИ

DEVELOPMENT OF PERSONAL SELF-REGULATION AS A SIGNIFICANT PROFESSIONAL QUALITY IN FUTURE LAWYERS IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTION OF THE RF MIA

M. Korotaeva

Summary. The article addresses the issue of organizing professional training for future lawyers of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs. In this case, the experience of the development of personal self-regulation as a professional quality of cadets, is more and more in demand in our time. The formation of personal self-regulation among cadets aged 17–18 years requires the creation of psychological and pedagogical conditions aimed primarily at understanding behavioral patterns in future professional activities.

Keywords: professional training of lawyers, professionally significant personal qualities, personal self-regulation, style of self-regulation and behavior.

Коротаева Мария Сергеевна

*Преподаватель, майор полиции, ФГКОУ ВО
«Дальневосточный юридический институт
Министерства Внутренних Дел Российской Федерации»
musakor@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос об организации профессиональной подготовки будущих юристов учебных заведений МВД. В данном случае представлен опыт развития личностной саморегуляции как профессионального качества курсантов, все более востребованного в наше время. Формирование личностной саморегуляции у курсантов в возрасте 17–18 лет требует создания психолого-педагогических условий, направленных, прежде всего, на осознание моделей поведения в будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональная подготовка юристов, профессионально значимые качества личности, личностная саморегуляция, стиль саморегуляции поведения.

Любая профессия предъявляет определенные требования к личным психологическим качествам работника. Деятельность юриста находится в сфере общественных отношений и предполагает наличие саморегуляции, основанной на осознании выполнения профессионального долга, подчиненности, ответственности в социуме за свои деяния. Такая саморегуляция относится к личностному осознанию, соответственно, определяется как личностная саморегуляция, соответственно, формируется под влиянием внешних социальных психолого-педагогических условий, которые необходимо создавать в образовательном процессе в вузе МВД России.

Э. Ф. Зеер трактует профессионально-значимые качества как «психологические качества личности, определяющие продуктивность (производительность, качество, результативность и др.) деятельности. Они многофункциональны и, вместе с тем, каждая профессия имеет свой ансамбль этих качеств» [2].

По мнению Е. Г. Шрайбера «профессионально-значимые личностные качества будущего юриста — это разви-

вающееся интегративное свойство его личности, проявляющееся в разрешении противоречия между моралью и правом в опоре на совесть при принятии профессиональных решений» [5].

В. Д. Шадриков под профессионально-значимыми качествами личности понимает «индивидуальные качества субъекта деятельности, влияющие на эффективность деятельности и успешность ее освоения» [4].

А. В. Белоножко отмечает, что «профессиональное и личностное в деятельности юриста достаточно часто взаимосвязано, следовательно, личностные качества являются важным фундаментом профессиональной успешности юриста» [1].

Результаты профессиональной деятельности напрямую зависят от личностных особенностей работника. Поэтому воспитание личности правоведа является неотъемлемой частью формирования профессиональной компетентности будущего юриста и включает в себя развитие интеллекта, эмоциональной сферы, устойчивости к стрессам, позитивного отношения к миру, правового

сознания, самостоятельности, творческого мышления, коммуникабельности, волевых качеств, организаторских способностей.

Д.П. Харитиди утверждает, что «формирование профессионально-важных качеств требует специальной работы по их развитию» [3].

К профессионально значимым качествам в нашем исследовании мы относим личностную саморегуляцию курсантов. Соответственно необходимо создание психолого-педагогических условий направленных на ее развитие.

В структуре личностной саморегуляции будущих юристов мы выделяем ряд компонентов: когнитивный, ценностный и рефлексивный. В образовательном процессе с целью развития личностной саморегуляции у курсантов необходимо выделить компоненты, соответствующие его структуре: когнитивный компонент и компонент обратной связи, как результаты развития данного профессионального-значимого качества. Развитие личностной саморегуляции у курсантов мы понимаем, как направление воспитательного процесса.

С целью анализа условий, было проведено исследование «Развитие личностной саморегуляции будущих юристов в условиях образовательного процесса в вузе МВД России». В данной статье рассматривается влияние психолого-педагогических условий образовательного процесса, направленного на развитие когнитивной составляющей личностной саморегуляции будущих юристов в вузе МВД России.

Для развития личностной саморегуляции необходимы знания о способах построения различных вариантов реагирования на изменяющиеся обстоятельства, а также, информация об оптимальных стратегиях поведения в проблемных ситуациях; о нормах и правилах (этического и юридического характера) поведения в отношениях социального взаимодействия; о способах личностного самоконтроля эмоций. Диагностика взаимосвязи и взаимозависимости уровней личностной саморегуляции и ее когнитивного компонента проходили на основе диагностики по методикам: «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой — 5 шкал и «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Р. Лазаруса — 8 шкал.

Выборка составила 171 курсанта из числа учащихся ФГКОУ ВО «ДВЮИ МВД России». Все проходят обучение по очной форме по специальностям: «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Правоохранительная деятельность». Средний возраст респондентов составил 18–20 лет. Участие в экспериментальном исследовании добровольное. Однородность выборки

достигалась путем уравнивания по возрасту, месту жительства, месту учебы. Для достижения репрезентативности выборки, нами были использованы принудительные методы отбора данных, методы математической статистики. В ходе констатирующего среза, направленного на оценку уровня сформированности личностной саморегуляции курсантов, в эксперименте принимали участие 82 респондента из числа курсантов первого (44 человека) и второго (38 человек) годов обучения. Контрольная и экспериментальная группа формирующего эксперимента составили соответственно 46 и 43 курсанта второго года обучения. Таким образом, в специально-организованном эксперименте приняли участие 43 будущих юриста второго года обучения.

В исследовании использованы сравнительный, комплексный организационный метод, наблюдательные и психодиагностические методы сбора эмпирических данных, количественный и качественный методы обработки данных, а также структурный интерпретационный метод.

С целью дополнения и уточнения полученных эмпирических данных в исследовании применялся метод беседы. Данный метод представляет собой непосредственный и диалогический вид опроса, позволяет получить информацию о внутренних процессах, субъективных переживаниях и особенностях поведения человека, которые не могут быть обнаружены с помощью объективных методов.

Сравнительный анализ осознанной саморегуляции произвольной активности курсантов, первого и второго годов обучения, проводился с использованием опросника В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения». Анализ интегрального уровня осознанной саморегуляции включал оценку актуальной возможности курсантов адекватно, осознанно, гибко и устойчиво инициировать и управлять своей произвольной активностью (рисунок 1).

Полученные результаты сравнительного анализа интегрального уровня осознанной саморегуляции будущих юристов первого и второго годов обучения имеют статистически значимые отличия. Курсанты первого года обучения слабо владеют навыками произвольной саморегуляции (средний балл 17,7), что свидетельствует о зависимости их поведения от ситуации и мнения окружающих людей. Также у них наблюдается несформированность потребности в осознанном планировании и программировании своего поведения.

Ко второму году обучения уровень произвольной саморегуляции у будущих юристов меняется с низкого на средний (средний балл 29,7). Они начинают прояв-

Таблица 1. Профиль произвольной саморегуляции будущих юристов первого и второго годов обучения

Показатели саморегуляции	1 курс	2 курс	U-критерий Манна-Уитни	Уровень значимости
планирование	3,3 / средний	4,7 / средний	339,5	0,001
моделирование	4,0 / средний	4,7 / средний	626	0,05
программирование	2,6 / низкий	6,1 / средний	4,5	0,001
оценка результатов	2,3 / низкий	4,4 / средний	171	0,001

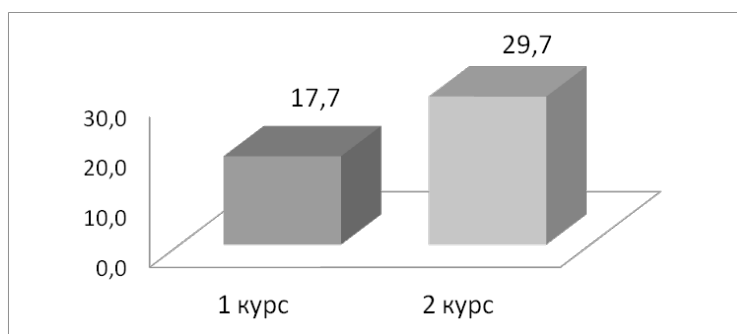

Рис. 1. Интегральный уровень осознанной саморегуляции курсантов первого и второго годов обучения

лять самостоятельность в принятии решений, приобретают навыки регулирования своего психического состояния. Однако им не всегда удается сдерживать свои характерологические особенности, что в свою очередь может препятствовать достижению целей.

Таким образом, в процессе обучения будущие юристы приобретают навыки произвольного регулирования своей активности в зависимости от сложившейся ситуации ($p < 0,001$), однако, данный процесс обладает слабо выраженной динамикой.

Анализ характера динамики интегрального уровня осознанной саморегуляции респондентов включал оценку стилевых особенностей произвольной активности будущих юристов по таким показателям как: планирование, моделирование, программирование и оценка результатов. Эти показатели позволили оценить саморегуляцию респондентов первого и второго года обучения как единый процесс, мобилирующий личность.

Полученные результаты сравнительного анализа будущих юристов первого и второго годов обучения представлены в таблице 1.

Сравнительный анализ стилевых особенностей произвольной саморегуляции будущих юристов первого и второго годов обучения позволил выявить значимые различия в их регуляторных процессах. Индивидуальные особенности в выдвигании и удержании целей более выражены у курсантов второго года обучения ($p < 0,001$). У них в большей степени сформирована по-

требность в осознанном планировании своей деятельности. Их планы более реалистичны и иерархичны. В отличие от них, процесс планирования у курсантов первого года обучения в большей степени подвержен ситуации и маневренности. Частая смена целей придает их планам меньшую реалистичность.

Статистически достоверные различия в регуляторном процессе «моделирование», свидетельствуют о наличии умений у курсантов второго года обучения детализировать внешние и внутренние условия текущей ситуации ($p < 0,05$). Будущие юристы первого года обучения в большей степени склонны к фантазированию, что влечет неадекватное восприятие текущей ситуации и потерю интереса к ее развитию. Все это находит свое отражение в непоследовательности поведенческих актов респондентов данной группы.

Низкий уровень развитости осознанного программирования будущих юристов первого года обучения подтверждает выявленное свойство, и свидетельствует об их нежелании и неумении продумывать последовательность своих действий и поступков ($p < 0,001$). Их поведение часто носит импульсивный характер, что влечет несоответствие с принятой программой действий и полученного результата. Ко второму году обучения будущие юристы приобретают навыки программирования типовых действий, ориентируясь на приобретенный опыт.

Сравнительный анализ умения курсантов первого и второго годов обучения критично оценивать свои

Таблица 2. Копинг-стратегии будущих юристов первого и второго годов обучения

Наименование копинг — стратегии	1 курс	2 курс	U-критерий Манна-Уитни	Уровень значимости
конфронтация	59,3 / часто	37,8 / иногда	117	0,001
дистанцирование	39,0 / иногда	56,1 / часто	204,5	0,001
самоконтроль	21,5 / редко	26,5 / редко	550,5	0,01
социальная поддержка	53,9 / часто	52,8 / часто	789	-
ответственность	29,9 / редко	32,4 / редко	691,5	-
избегание	63,5 / часто	36,1 / иногда	65	0,001
решение проблем	22,5 / редко	44,1 / иногда	31	0,001
положительная переоценка	29,9 / редко	54,6 / часто	8,5	0,001

действия, показал несформированность данного качества у респондентов первой группы ($p < 0,001$). Им свойственно не замечать свои ошибки, вследствие размытости представлений о критериях успешности поведения. Это влечет к ухудшению результатов деятельности при изменении ее условий (к увеличению напряженности, ухудшению личностного состояния и т.д.). Будущие юристы второго года обучения в большей степени обладают навыками оценивания результатов своей деятельности и поведения. Однако, они испытывают сложности, анализируя причины, которые приводят к таким результатам, а также, не владеют навыками быстрого адекватного контроля собственного поведения.

Диагностика когнитивной оценки конкретной ситуации будущих юристов и последующий выбор индивидуального поведения изучался с помощью методики С. Нормана и М. И. Паркера «Копинг–поведение в стрессовых ситуациях», адаптированный Т. А. Крюковой. Целевой установкой использования данной методики было определить доминирующий тип копинг–стратегий респондентов в соответствии с их уровнем произвольной саморегуляции (таблица 2).

В рамках данного исследования «копинг» рассматривался нами, как когнитивно-стилевая особенность личности курсанта, позволяющая ему адаптироваться в сложных жизненных ситуациях или в сложных условиях учебы, и осуществлять эффективное личностно-средовое взаимодействие.

Сравнительный анализ полученных результатов исследования позволил выявить статистически-значимые различия в ведущих копинг-стратегиях будущих юристов:

- ♦ курсанты первого курса отдают предпочтение таким стратегиям, как: конфронтация ($p < 0,001$) и избегание ($p < 0,001$);
- ♦ дистанцирование ($p < 0,001$) и положительная переоценка ($p < 0,001$) являются ведущими стратегиями будущих юристов второго года обучения.

Выраженное предпочтение стратегии «конфронтация» курсантов первого года обучения проявляется в импульсивности их поведения, иногда с элементами конфликта. Проявляя неоправданное упорство, они теряют истинную цель своих действий. Курсанты данной группы, испытывая эмоциональную напряженность, с трудом планируют свою деятельность, теряя образ ее результата. Все это затрудняет коррекцию стратегии поведения будущих юристов. Пользуясь возможностью активного противостояния трудностям, курсанты теряют рациональную обоснованность своего поведения.

В случае невозможности конфронтационного реагирования, курсанты первого курса отдают предпочтение стратегии «избегания». В их поведении наблюдаются признаки инфантилизма: отрицание наличия проблемных зон в возникшей ситуации, нежелание брать на себя ответственность. В эмоциональном фоне проявляются либо нетерпение, либо пассивность. Имея краткосрочную возможность снижения эмоционального дискомфорта, будущие юристы первого года обучения усугубляют свое положение, накапливая неразрешенные проблемы и трудности.

Обе ведущие копинг-стратегии курсантов первого года обучения являются неадаптивными, хотя и обеспечивают кратковременное снятие эмоционального напряжения.

Ко второму курсу ведущие копинг-стратегии будущих юристов меняются. В большинстве случаев они стараются либо субъективно снизить значимость проблемы, либо эмоционально в нее не включаться. Все это свидетельствует о формировании у них умений использовать интеллектуальные приемы рационализации: отстранение, юмор, обесценивание, рассмотрение проблемы как ситуации для личностного роста. Одинаково доминантной для курсантов первого и второго годов обучения является копинг-стратегия «поиск социальной поддержки». В сложных ситуациях будущие юристы часто ищут

Таблица 3. Профиль произвольной саморегуляции будущих юристов до и после проведения специально-организованного эксперимента

Показатели саморегуляции	Контрольная группа	Экспериментальная группа	U-критерий Манна-Уитни	Уровень значимости
планирование	4,5 / средний	5,3 / средний	643,5	0,01
моделирование	4,8 / средний	6,6 / средний	357	0,001
программирование	6,0 / средний	7,0 / высокий	550,5	0,001
оценка результатов	4,5 / средний	7,0 / высокий	145,5	0,001

действенной поддержки третьих лиц (куратора, начальника курса и т.д.), демонстрируя зависимую позицию.

Таким образом, в процессе обучения будущих юристов, происходит смена их ведущих копинг-стратегий с неосознанно-выбираемых и менее адаптивных («конфронтация», «избегание»), на более осознанные и рациональные («дистанцирование», «положительная переоценка»), которые позволяют максимально абстрагироваться от проблемных ситуаций, рискуя недооценить ее индивидуальную значимость.

Итак, анализ когнитивного компонента личностной саморегуляции будущих юристов показал:

- ◆ в ходе обучения будущих юристов, процесс формирования умений и навыков произвольного регулирования своей активности обладает слабо выраженной динамикой;
- ◆ стилевые особенности личностной саморегуляции у курсантов первого и второго годов обучения неоднородны в таких регуляторных процессах как «планирование», «моделирование» и «оценка результатов», процесс обучения курсантов в большей степени направлен на формирование навыков «программирования»;
- ◆ в процессе обучения будущих юристов, происходит смена их ведущих копинг-стратегий с неосознанно выбираемых и менее адаптивных («конфронтация», «избегание»), на более осознанные и рациональные («дистанцирование», «положительная переоценка»), позволяющие максимально лично абстрагироваться от проблемных ситуаций, рискуя недооценить ее индивидуальную значимость.

В рамках исследования был проведен формирующий этап, направленный на развитие личностной саморегуляции будущих юристов. Была разработана система занятий, упражнений проводимых в условиях самоподготовки. Организация педагогического процесса включала следующие условия:

- ◆ общая и психологическая культура будущих юристов;

- ◆ целостность представлений о социальных и психологических особенностях будущей профессиональной деятельности.

Данные условия реализовывались через этапы:

1. создание благополучного психологического климата в группах курсантов (через формы организации командообразования);
2. личностное развитие каждого на основе развития действий целеполагания и эмоциональной саморегуляции, включая приемы и упражнения, направленные на развитие личностной рефлексии;
3. упражнения, направленные на освоение копинг-стратегий (включение игровых моментов, имитирующих будущую профессиональную деятельность).

Проведенная работа показала результаты, которые говорят о том, что включение данного вида психолого-педагогического сопровождения личностного развития будущих юристов в условиях силового вуза МВД России позволит более качественно выстраивать воспитательный процесс.

Общий уровень сформированности саморегуляции произвольной активности будущих юристов вырос на 1,3% и составил *высокий уровень* (средний балл 38,3). У будущих юристов в ходе проведения специальных занятий были сформированы навыки самостоятельного выбора такого стиля саморегуляции, который позволяет им компенсировать влияние на стиль поведения их личностных или характерологических особенностей ($p < 0,001$). Курсанты экспериментальной группы приобрели умения более уверенно чувствовать себя в незнакомых ситуациях.

Таким образом, комплекс специально-организованных занятий способствовал положительной динамике интегрального уровня саморегуляции произвольной активности будущих юристов, что свидетельствует о приобретении ими умений самостоятельно, гибко и адекватно реагировать на изменение условий в учебных и производственных ситуациях.

Сравнительный анализ профилей произвольной регуляции будущих юристов, участвующих и не участвующих в специально-организованном эксперименте, позволил выявить значимые отличия.

Динамика показателя «планирование», свидетельствует о приобретении курсантами экспериментальной группы в ходе тренинга умений осознанного целеполагания ($p < 0,01$). Сознательное выдвижение целей и их устойчивость в течение длительного времени позволяет курсантам данной группы нивелировать трудности в самоорганизации.

Значимые изменения в ходе специальных заданий были отмечены у будущих юристов в навыках «моделирования» ($p < 0,001$). Они научились не только детализировать внешние и внутренние условия текущей ситуации, но и приобрели умения оперативно оценивать ее значимые условия. В ходе учебной деятельности будущие юристы демонстрировали правильную тактику поведения во время ответа, старались соблюдать временной диапазон, отведенный им для выполнения выданного задания. Во взаимоотношениях со сверстниками и педагогами, курсанты экспериментальной группы проявляли умение грамотной коммуникативной тактики.

Динамика навыков осознанного «программирования», зафиксированная в ходе специально-организованного эксперимента, свидетельствует о том, что у будущих юристов экспериментальной группы сформировалась устойчивая потребность продумывать способы своих действий и стратегий поведения для достижения поставленных целей ($p < 0,001$). Приобретенный навык — самостоятельно разрабатывать программу своих действий — дает возможность курсантам данной группы оперативно перестраиваться и вносить коррективы, а также, быть устойчивыми к помехам на пути достижения задуманного.

Развитие умения оценивать результативность собственных действий в экспериментальной группе повысилась в 1,6 раз ($p < 0,001$). Будущие юристы в ходе специально организованных занятий сформировали навыки сопоставления промежуточных и конечных результатов, точно определяя степень несовместимости выбранной ими стратегии с целью деятельности.

В ходе сравнительного анализа когнитивной оценки будущими юристами конкретной ситуации и последующего выбора индивидуальной стратегии поведения в контрольной и экспериментальной группах было выявлено, что после проведения специально подобранных упражнений в экспериментальной группе снизился уровень «дистанцирования от ситуации» ($p < 0,001$), «конфронтации» ($p < 0,001$), «поиска социальной поддержки»

($p < 0,001$) и «положительной переоценки значимости трудной ситуации» ($p < 0,001$). Значимое повышение отмечается в выборе таких стратегий, как: «решение проблемы» ($p < 0,001$), «самоконтроль» ($p < 0,001$), «принятие ответственности» ($p < 0,001$).

Выбираемая будущими юристами стратегия самоконтроля, свидетельствует о приобретении ими, в ходе специально-организованных условий, умения преодолевать негативные переживания по поводу проблемной ситуации. Они стараются целенаправленно сдерживать свои эмоции и минимизировать их влияние на восприятие особенностей ситуации и выбор индивидуальной стратегии поведения.

Таким образом, в ходе специально-подобранных упражнений будущие юристы приобрели навыки осознанного и рационального реагирования на проблемные ситуации, позволяющие избегать эмоциональных импульсивных поступков (навыки самоконтроля) и понимать личную роль в возникновении и разрешении актуальных трудностей (принятие ответственности).

Итак, анализ значимых изменений когнитивного компонента личностной саморегуляции будущих юристов показал:

- ♦ проведение специально подобранных упражнений способствовало положительной динамике интегрального уровня саморегуляции произвольной активности будущих юристов, что свидетельствует о приобретении ими умений самостоятельно, гибко и адекватно реагировать на изменение условий в учебных и производственных ситуациях.
- ♦ характерными чертами профиля произвольной саморегуляции курсантов экспериментальной группы, сформированными в ходе специально-организованных упражнений, являются:
  1. регуляторная гибкость, которая позволяет им быть восприимчивыми к новому, хорошо адаптироваться в социуме;
  2. умение оперативно выстраивать стратегии собственных действий, адекватных ситуации;
  3. способность сопоставлять промежуточные и конечные результаты с исходной целью;
  4. навык оперативной перестройки программы индивидуальных действий.
- ♦ в ходе специально-организованных упражнений будущие юристы приобрели навыки осознанного и рационального реагирования на проблемные ситуации, позволяющие избегать эмоциональных импульсивных поступков (навыки «самоконтроля») и понимать личную роль в возникновении и разрешении актуальных трудностей («принятие ответственности»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоножка А. В. Социально-психологические факторы становления коммуникативной культуры будущего юриста в процессе профессиональной подготовки: дис. ... Канд. психол. наук: 19.00.05 / А. В. Белоножка. М. 2008. С. 25–26.
2. Зеер Э. Ф. Психология профессионального образования: учеб. пособие для вузов / Э. Ф. Зеер; Рос. акад. образования. Моск. Психол.-социал. ин-т, Рос. гос. проф. — пед. ун-т. М.; Воронеж: Московский психол.-социальный институт: МОДЭК. 2003. 478 с.
3. Харитиди Д. П. Построение системной модели психологической готовности студентов-юристов к профессиональной деятельности // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. 2010. С. 90.
4. Шадриков В. Д. Новая модель специалиста. // Высшее образование сегодня. 2004. № 8. С. 6–10.
5. Шрайбер Е. Г. Воспитание профессионально значимых личностных качеств будущих юристов в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Челябинск, 2009. С. 41.

© Коротаева Мария Сергеевна (musakor@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ХЕШТЕГОВ В РЕКЛАМЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ИНСТАГРАМ

PECULIARITIES OF THE FUNCTIONING HASHTAGS IN THE ADVERTISING IN INSTAGRAM

**S. Burikova
N. Yeranova**

Summary. The authors, in the article, consider the peculiarities of the functioning hashtags in the advertising in Instagram. In the first place, the article deals with the exploiting of this linguistic phenomenon genesis. Then, the authors are focusing on the ways of hashtags constructing, and some particularities of hashtags, and the main rules of their usage in Instagram. The synthetic and stylistic analysis done within the research, allowed the authors arriving to the conclusion, that the hashtags in the advertising in Instagram are the creolized texts, and they provide their very effective advertisement perception by the consumers.

Keywords: hashtag; Internet linguistics; Internet communication; advertising; Instagram; consumer.

Бурикова Светлана Александровна

К. филол. н., доцент, РУДН (Москва)

burickova.swetlana@yandex.ru

Еранова Наталья Анатольевна

Ассистент, РУДН (Москва)

natella-05@mail.ru

Аннотация. Статья занимается рассмотрением особенностей функционирования хештегов в рекламе в социальной сети Инстаграм как новой коммуникационной площадки. Авторы кратко описывают генезис этого языкового явления и далее фокусируются на его основных свойствах, а также способах создания хештегов. Авторы статьи, сделав синтаксический и стилистический анализ хештегов в рекламе в Инстаграм, пришли к выводу о том, что, являясь, в первую очередь, креолизированным текстом, хештег способен обеспечить наиболее эффективное восприятие рекламы реципиентом, побуждая последнего к активным действиям.

Ключевые слова: хештег; интернет-лингвистика; интернет-коммуникация; интернет-реклама; Интаграм; реципиент.

Введение

В современном мире интернет-технологии развиваются стремительными темпами, в сети появляются новые коммуникационные площадки. И, разумеется, все это оказывает влияние на развитие языка и влечет за собой необходимость исследования интернет-коммуникации. Актуальность данного исследования определяется возросшим интересом лингвистов к проблемам интернет-коммуникации и недостаточностью изученности вопроса. На сегодняшний день одним из самых актуальных направлений этой сферы исследований является интернет-лингвистика, изучающая специфику языка в виртуальной сети [3; 12]. Целью данной статьи является выявление и описание особенностей функционирования хештегов в социальной сети Инстаграм. В рамках исследования, нами было проанализировано 200 рекламных изображений, включающих 870 хештегов.

Теоретической базой для исследования послужили работы отечественных и зарубежных специалистов, изучающих особенности функционирования хештегов в социальных сетях: В. Solis [2011], В. Zimmer [2013], А. П. Атягина [2014], Ю. Е. Галямина [2014], Н. С. Козлова [2014], С. М. Карпоян [2015], Ю. В. Щурина [2015], Ю. С. Наволока [2017] и др. Авторами работ, занимающихся описанием языка рекламы и особенностями его воздействия на ре-

ципиента являются Н. Н. Кохтев [1997], Т. Н. Колокольцева [2011], Е. Н. Сердобинцева [2015].

История вопроса

Хештег является одним из новых лингвистических феноменов. Обратимся к определению понятия. Хештэги (англ. hashtag от hash — знак “решетка” + tag — метка) — слова или фразы, используемые в микроблогах и социальных сетях, начинающиеся со знака решетки «#», за которым следует любое сочетание разрешенных непробельных символов [1, с. 13]. В широком понимании хештег — это специальная метка, которая дает возможность распределять сообщения по конкретным темам в социальных сетях. С ее помощью другие посетители ресурса смогут легко и быстро найти публикацию, соответствующую определенной теме.

По мнению, Е. В. Кан к основным свойствам хештега относятся:

- ◆ выделение основной мысли сообщения;
- ◆ группировка информации;
- ◆ обеспечение поиска по темам.

При создании хештегов следует придерживаться определенных правил, иначе ссылка не будет работать:

- ◆ хештег может быть написан латиницей или кириллицей;

- ◆ слово, используемое в качестве хештега, должно следовать за решеткой без пробела;
- ◆ если хештег состоит из нескольких слов, то они должны писаться без пробелов или разделяться нижним подчеркиванием;
- ◆ два хештега должны отделяться пробелом [7].

Первая социальная сеть, которая внедрила хештеги — «Твиттер». В 2007 году американский актёр, дизайнер, режиссёр и сценарист Крис Мессина спросил у подписчиков, что они думают об использовании решетки (#) для маркировки интересных тем в микроблогах. Вскоре сообщения отмеченные хештегом стали использоваться и в других социальных сетях, таких как: Facebook, Instagram, Google+, ВКонтакте и т.д.

По мнению Бена Циммера — лингвиста Американского диалектологического общества, хештег, изначально используемый в качестве маркировки тем для поиска нужной информации, приобрел смысловую функцию, стал новой формой самовыражения. Ведь объемы и стиль интернет-сообщений таковы, что необходимо в минимальную форму уложить максимум содержания, чтобы можно было быстро прочитать, а затем так же четко и оперативно ответить. Таким образом, хэштег стал не просто отделять твиты и посты, а вычленять из них главную мысль или созданный образ. [23]. Самые лучшие и интересные хэштеги стали популярными среди интернет-пользователей, разлетелись на цитаты. Таким образом, расширилась сфера их функционирования: хэштеги стали появляться не только в виртуальном мире, но и в реальном. «Сегодня хэштегами, не всегда зная, что это такое, заговорила улица» [4]. По словам Б. Солиса «Хэштеги перетекают от одной формы коммуникации к другой за пределы микроблога. < ... > Ценность хэштегов зависит от того, какими их видят авторы, владельцы. Они должны обладать культурной релевантностью, соединять интеллектуальный и эмоциональный уровни до того, как будут запущены в три блока социальных медиа (действия, реакции, транзакции). Хэштеги не должны быть брендированными, но должны вызывать ассоциации» [20].

Результаты исследования

Социальные медиа продолжают набирать популярность, в результате чего все больше компаний начинают широко использовать хештеги в рекламе.

Реклама является неотъемлемой частью современного мира, без нее немислима актуальная культура потребления [14]. Отличительной особенностью рекламы в социальных сетях является тот факт, что потенциальные потребители могут ознакомиться с товарами и услугами, проконсультироваться по вопросам приобретения

рекламируемых товаров в режиме онлайн, не выходя из дома. В данном исследовании нас интересовала реклама в социальной сети Инстаграм. На сегодняшний день Инстаграм считается ведущей интернет-платформой визуального контента. Ежедневно здесь публикуется более 80 миллионов постов, а число пользователей превышает 500 миллионов [21]. Такой размер аудитории создает благоприятную почву для внедрения и продвижения рекламных кампаний. Реклама в социальной сети Инстаграм реализуется следующим образом: рекламируемая услуга или товар визуализируется с помощью медиа-компонента (фото, видео и др.), в первую очередь привлекающего внимание реципиента, затем изучается текстовый элемент, играющий роль информанта о рекламируемом товаре. Таким образом реклама в Инстаграме представляет собой креолизованный текст, так как состоит из вербального и невербального компонентов, которые обеспечивают наиболее эффективное восприятие рекламы реципиентом.

Создатели рекламы находятся в условиях жестокой конкуренции, поэтому для завоевания публики им приходится использовать разнообразное лексическое наполнение. Создание рекламного сообщения является ключевым вопросом рекламной деятельности, так как слово не просто доносит информацию до нашего сознания, но и воздействует на него [12; 16; 22]. В языке рекламы роль хештега заключается в передаче большей смысловой емкости при минимальной затрате лексических средств, в создании определенного образа, с помощью которого язык преобразуется, тем самым вызывая интерес у реципиента. В процессе изучения особенностей структуры рекламных текстов, нами был проведен синтаксический и стилистический анализ, который показал, что производители рекламы используют простые односоставные предложения (156), значительно реже двусоставные (78). Сложных предложений в ходе исследования обнаружено не было. Возможно, это объясняется тем, что они могут вызвать затруднение в восприятии текста, в то время как простые, наоборот, придают речи экспрессию, лаконизм. Важной особенностью рекламных хештегов, образованных предложениями, является их слитное написание, так как между словами отсутствует пробел, следовательно при чтении требуется сконцентрироваться на тексте. Данная особенность хештега позволяет эффективно воздействовать на аудиторию.

Например, #inuncorpomiglioresivemeglio — #вотличнойформежитьлучше, #spendimeno — #платитеменьше, #risparmiainsieme — #давайтеэкономитьвместе, #nonperdereloccasione — #неупустивозможность (реклама фитнес-клуба), #lapiubonadelmondo — #самаявкуснаявмире (реклама пиццерии), #thecoollestshop — #замечательныймагазин, #thecoollestselection — #отличныйвыбор, #cashbackwiththeverypurchase — #вернемчастьденегскаждойпо-

купки (реклама магазина одежды и обуви), #itcanbeyours — это может стать вашим, #ourpricescantbebeat — наши цены не могут кусаться (реклама ювелирных украшений), #ourbagsarebetterthanyours — наши сумки лучше ваших (реклама сумок), #trybeforeyoubuy — попробуй прежде чем купить (реклама продуктов питания), #provatodame — испробованной — эту форму убеждения покупателя часто используют в продажах, так как человеку свойственно доверять другим людям.

За счет фрагментарности эти элементы кажутся несвязанными. В действительности минимальное количество лексических средств говорит об отборе создателями рекламы информативно емких элементов (хештегов). Соответственно все фрагменты не случайны, расположены в той последовательности, которую создатель рекламы считает наиболее важной, нацелены на конкретную аудиторию, и направлены на достижение единой цели — рекламы. Кроме того, текст подкреплен медиа-компонентом, что способствует лучшему восприятию рекламы.

Создание хештегов в рекламе идет в соответствии с основными функциями словообразования:

- ◆ номинативной — создание необходимого наименования;
- ◆ конструктивной — синтаксическое изменение построения речи;
- ◆ компрессивной — образование более краткой номинативной единицы. Компрессия является непременным атрибутом рекламы;
- ◆ экспрессивной — выражение эмоционального состояния говорящего [6].

В процессе словообразования наблюдается взаимодействие данных функций при бесспорном доминировании компрессивной и экспрессивной, имеющих первостепенное значение в современной рекламе.

Наблюдения показывают, что в рекламных постах универсальным способом образования хештегов является префиксальная модель словообразования. Наиболее частотны хештеги с приставками с положительным коннотативным значением (278), привлекающих внимание возможных покупателей. Особенно активно идет словообразование с приставками ultra- (сверх-, ультра-, чрезвычайно): #ultrabello — чрезвычайно красивый, #ultraleggero — сверхлегкий, #ultracomodo — чрезвычайно удобный, #ultracomfortable — чрезвычайно удобный, #ultranice, #ultrabeauty — очень красивый, #ultraluxury- ультра-люксовый (реклама одежды и обуви, товары для детей); super- (супер- значение высокой степени качества, высшей степени чего-либо): #superbuono — очень вкусный, #superazione — суперакция, #supergusto — супервкус (реклама продуктов пита-

ния), #superveloce — сверхбыстрый, #supermacchina — суперавтомобиль, #supermini — малюсенький (реклама автомобиля Mini One D); #supersales — суперраспродажи, #superquality-суперкачество, #supernatural—супернатуральный, #superfragrance — супераромат, #superprofumata — очень ароматный, #superfantastica — фантастический, #superprofumo — супераромат (реклама косметических средств; arci- (архи-, сверх- высшая степень чего-либо): #arcibuono — сверхвкусный, #arciforte — сверхкрепкий, #arcibollente — очень горячий (реклама чая New English Teas), mega- (мега- часть сложных слов, обозначающая «большой»): #megacheap- #мегадешевый, #megasaldi — #мегараспродажи и др.

Также универсальным способом словообразования, который действует в различных сферах, в том числе и в языке рекламы является суффиксация. Наиболее частотны хештеги с суффиксом превосходной степени (44) — issimo, -est: #buonissimo — наивкуснейший, #morbidissimo — нежнейший, #ciocolatissimo — очень шоколадный, #thetastiest — #вкуснейший, #thecheapest — #самыйдешевый (реклама продуктов питания), #buongiornissimo — добрейший день (реклама кафетерия) и т.д.

Также в Инстаграме используется большое количество сложносокращенных слов, аббревиатур (97). Среди новых слов, появившихся, благодаря Инстаграму, и ставших впоследствии популярными хештегами, которые активно используются, включая рекламные посты, например, такие: #instauomini (insta от Instagram, uomini — ит. мужчины, люди) — «инсталюди»; #instadonne — «инстаженщины»; #instamood — «инстанстроение»; #instafood — «инстаеда»; #instafit — «инстафитнесс»; #instafashion — «инстамода»; #instacar — «инстаавтомобиль»; #foodstagram — «едаграм»; #cofeegram — «кофеграм»; #pizzagram — «пиццаграм» и т.д.

Тема экологически чистой продукции становится все более модной и популярной — как среди потребителей, так и среди производителей всего мира. Поэтому очень часто производители стремятся привлечь внимание к своей продукции и повысить продажи путем маркировки товаров различными названиями, дающими основание предполагать, что их еда или косметика является натуральной и экологичной. Например: #ecofruits — экофрукты, #ecocosmetic — экокосметика, #ecobiocosmetics — экибиокосметика, #ecoprodotti — экопродукты, #greenproducts — экологически чистые продукты, #biomarket- био-маркет и др.

Одним из приемов, используемых авторами с целью создания рекламы в Инстаграм является написание хештега разными способами, в том числе и с грамматическими ошибками. Хештеги, которые отличаются одним знаком считаются разными. На-

пример: #lariubonadelmondo имеет 74 публикации, #lariubonadelmondo — 21 (#самаявкусоваявмире); #ourcoffee — 63 публикации, #ourcoffees — 34 (#нашкофе), #igcoffee — 46, #ig_coffee — 13 публикаций. Таким образом, рекламодатели, включающие в свой список хештеги с ошибками, или отличающиеся одним знаком, расширяют круг возможных покупателей, осуществляющих поиск необходимых услуг в Инстаграме.

После выхода одного из главных бестселлеров последних лет под названием «Пятьдесят оттенков серого» британской писательницы Э.Л. Джеймс, выражение пятьдесят оттенков не прошло мимо интернет-пользователей. Это выражение стало активно использоваться, стало популярным хештегом, включая рекламу. Например, #50sfumaturediviaggio — #50оттенковпутешествия (реклама турагентства), #50sfumaturedistile — # 50оттенковстиля (реклама модного дома), #50sfumaturedimakeup — #50оттенковмейкапа (реклама декоративной косметики), #50shadesofcolourhairstudio — #50оттенковстудииокрашиванияволос (реклама студии окрашивания волос) #50shadeofcoffee — #50оттенковкофе (реклама кофейни) и др.

Выводы

Рассмотрев особенности функционирования хештегов в рекламе в социальной сети Инстаграм, кратко описав генезис этого языкового явления мы сфокусировались на его основных свойствах, а также способах создания хештегов. Проведенный в рамках исследования синтаксический и стилистический анализ хештегов в рекламе в Инстаграм позволяет сделать выводы о том, что:

- ◆ Хештеги в рекламе в социальной сети Инстаграм функционируют в рамках креолизованного текста, что является эффективным средством привлечения внимания.
- ◆ Для передачи информации используется минимальное количество лексических средств.
- ◆ Употребление хештегов диктуется модными тенденциями социума.
- ◆ Новизна, необычайное написание, популярность хештегов заставляют невольно остановить свой взгляд на рекламном тексте и привлечь

Потенциального потребителя — т.е. сделать рекламу эффективной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атягина А. П. Твиттер как новая дискурсивная практика: дис. ... канд. филол. наук. / Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. Омск, 2014. 154 с.
2. Атягина А. П. Языковая компрессия в Twitter // Электронный научный журнал «Медиаскоп», № 3, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/?q=node/1136>
3. Богуславская В. В., Богуславский И. В. Медиатекст и хештеги: цифровая трансформация СМИ // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 5. С. 51–58.
4. Волконская М. Ю., Вахрушева М. А., Паутова К. А. Феномен хештегов в современных электронных СМИ // Современные информационные и коммуникативные технологии в глобальном мире: вызовы и возможности: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. Симферополь: Ариал, 2017. С. 39–42.
5. Галямина Ю. Е., Рахилина Е. В. Лингвистический анализ хештегов Твиттера // Современный русский язык в интернете / ред. Я. Э. Ахпкина. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 13–22.
6. Земская Е. А. Функции словообразования в языке // Словообразование как деятельность. — М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 8–12.
7. Кан Е. В. Хештеги как новое лингвистическое явление // Филологический аспект: междунар. на-уч.-практ. журн. 2017. № 1. С. 90–98.
8. Карпоян С. М. Instagram как особый жанр виртуальной коммуникации // Филол. науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4 ч. Ч. III. С. 84–88.
9. Козлова Н. С. Социальная сеть «Инстаграм» как социально-психологическое явление // Молодой ученый. 2014. № 16. С. 387–390.
10. Колокольцева Т. Н. Рекламный дискурс и рекламный текст: колл. монография: 2-е изд. / В. И. Карасик, А. В. Олянич, Н. А. Красавский, А. В. Жирков и др.; науч. ред. Т. Н. Колокольцева. М.: Флинта; Наука, 2011. 296 с.
11. Кохтев Н. Реклама: искусство слова. Рекомендации для составителей рекламных текстов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 96 с.
12. Леденева С. Н. О факторах коммуникативной эффективности текста // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Том 23. № 2. С. 97–101.
13. Малюга Е. Н. К вопросу об обучении иностранным языкам с использованием новых информационных технологий // Вопросы прикладной лингвистики. 2009. № 1. С. 91–95.
14. Малюга Е. Н., Банщикова М. А. Англиязычный профессиональный жаргон в немецком рекламном медиадискурсе. Саарбрюккен, Германия: Lambert Academic Publishing, 2011. 184 с.
15. Наволока Ю. С. Функции хештегов в современной российской рекламе (на материале рекламы в социальной сети Instagram) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2017. № 4. С. 145–153.
16. Пономаренко Е. В. О прагматической эффективности речи и задачах лингводидактики делового общения // Вопросы прикладной лингвистики. 2012. № 7. С. 61–70.

17. Рязанцева Т. И. Гипертекст и электронная коммуникация. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 256 с.
18. Сердобинцева Е. Н. Структура и язык рекламных текстов: учеб. пособие: 3-е изд., стер. М.: Флинта; Наука, 2015. 159 с.
19. <https://ipgenerator.ru/blog/2019/02/28/instagram-v-cifrah-statistika-na-2019-god//> (дата обращения: 01.06.2019).
20. Solis B. The Hashtag Economy. URL.: <http://www.brainsolis.com/2011/06/hashtag-this-the-culture-of-social-media-is/> (дата обращения: 02.06.2019).
21. Щурина Ю. В. Коммуникативно-игровой потенциал хештегов // Вестн. Череповецкого гос. ун-та. 2015. № 8(69). С. 100–104.
22. Popova K. V., Persuasion strategy in online social advertising // Training language and culture, vol. 2/issue 2, pp. 55–65, 2018. URL: [http://rudn.tlcjournal.org/archive/2\(2\)/2\(2\).pdf](http://rudn.tlcjournal.org/archive/2(2)/2(2).pdf). doi: 10.29366/2018tlc.2.2.4
23. Zimmer B. Hashtag, You're It. North American. April, 2013, p.24.

© Бурикова Светлана Александровна (burickova.swetlana@yandex.ru), Еранова Наталья Анатольевна (natella-05@mail.ru).
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РУДН

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ДВИЖЕНИЕ» В ПРОИЗВЕДЕНИИ Д.И. ФОНВИЗИНА «ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ»

LEXICAL MEANS OF IMPLEMENTING THE CONCEPT OF "MOVEMENT" IN D.I. FONVIZIN'S "LETTERS FROM FRANCE"

A. Vaganova
A. Lozovoy
I. Nazvanova

Summary. The article discusses lexical means of implementing the concept of "movement" in D. I. Fonvizin's "Letters from France" which is an outstanding work of Russian literature of XVIII century that combines features of epistolary genre and travel essays. Words related to the concept of "movement" and belonging to different grammatical classes and thematic groups are being analyzed. The role of these words in the ideological and aesthetic structure of the text is characterized.

Keywords: concept, verbs of movement, noun, verbal participle, conceptual information.

Ваганова Айниса Кадир кызы

*К.филол.н., доцент, Таганрогский институт
им. А. П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
aynisa.vaganova@mail.ru*

Лозовой Алексей Юрьевич

*К.п.н., доцент, ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет»
lozovoy@sfedu.ru*

Названова Ирина Александровна

*К.филол.н., доцент, ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет»
i.a.nazvanova@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются лексические средства реализации концепта «движение» в «Письмах из Франции» Д. И. Фонвизина — выдающемся произведении русской литературы XVIII века, сочетающем черты эпистолярного жанра с чертами путевых очерков. Анализируются слова разных грамматических классов и тематических групп, связанные с концептом «движение», характеризуется их роль в идейно-эстетической структуре текста.

Ключевые слова: концепт, глаголы движения, существительное, деепричастие, концептуальная информация.

Путевые письма Д.И. Фонвизина, известные под названием «Письма из Франции», оказали заметное влияние на развитие русской литературы и литературного языка. Хотя эти письма имеют конкретных адресатов (граф П.И. Панин и сестра автора), в науке распространено мнение, согласно которому данный эпистолярный цикл должен рассматриваться не только как частный документ, но и как литературное произведение: «Письма эти — подлинно художественные произведения — не имели частного характера. Они были рассчитаны на тех передовых дворян, которые были близки к кружку Панина и дому сестры писателя в Москве» [1, 456].

«Письма из Франции», облакающие путевые впечатления в эпистолярную форму, сыграли большую роль в формировании жанра путевого очерка в русской литературе. Особенно значительно влияние произведения Д.И. Фонвизина на ту разновидность данного жанра, где преобладает критическое, сатирическое отношение к изображаемому явлениям. В.М. Гуминский отмечает: «Желая развенчать галломанию, Фонвизин <...> постоянно прибегает к сатирическому приему "снижения" <...>. Фонвизинская критическая установка легла в ос-

нову многих последующих русских "путешествий"» [2, 176]. Показательно, что очерки Ф.М. Достоевского «Зимние заметки о летних впечатлениях» содержат прямую отсылку к Д.И. Фонвизину [3, 50]. «Письма из Франции» сыграли существенную роль и в развитии русского литературного языка, отражая тенденцию к сближению литературного языка с живой речью.

«Письма из Франции» Д.И. Фонвизина привлекали внимание историков [4], литературоведов [5; 6], лингвистов [7; 8; 9]. Язык данного произведения рассматривался в аспекте синтаксических особенностей [7], словообразовательных средств [8], а также с точки зрения отражения образа одного народа или страны в языковом сознании другого народа [9].

Важной и неотъемлемой частью идейно-эстетического содержания «Писем из Франции» является описание движения, перемещения в пространстве. Цель настоящей статьи — охарактеризовать языковые средства реализации концепта «движение» в «Письмах из Франции» Д.И. Фонвизина, показать место данных средств в системе текста. Эта сторона языка «Писем из Франции» еще не была предметом лингвистического анализа.

В «Письмах из Франции» идея перемещения в пространстве выражена словами разных частей речи, преимущественно существительными и глаголами.

Среди существительных, связанных с идеей движения, представлены слова разных тематических групп: 1) названия процесса перемещения; 2) названия пространства, предназначенного для перемещения; 3) названия транспортных средств; 4) названия людей, находящихся в процессе перемещения или приводящих в движение транспортное средство.

Существительные, обозначающие процесс перемещения, представлены в тексте словами *путешествие, вояж, кочеванье, приезд, отъезд, переезд, гулянье, прибытие, сошествие*. Слово *путешествие*, означающее «Поездка или передвижение пешком по каким-н. местам, странам» [10, 605], используется автором при формулировке содержания текста: «Позвольте <...> продолжить уведомление о моем **путешествии**» [11, 466]. Наряду с исконно русским словом *путешествие* используется существительное *вояж*, заимствованное из французского языка и имеющее значение «путешествие, поездка» [12, 106]: «Я делаю особый журнал нашего **вояжа**» [11, 492]. С этими словами в контексте «Писем из Франции» сближается по смыслу существительное *кочеванье*, которое в русском языке XVIII века имело значение «Частая смена места жительства» [13, 212]. У Д.И. Фонвизина слово *кочеванье* употреблено в значении «частый переезд с одного места на другое, скитание», причем в контексте оно приобретает отрицательный эмоционально-оценочный характер: «<...> нетерпеливо хотим кончить наше **кочеванье**» [11, 518]. При изображении различных эпизодов путешествия используются отглагольные существительные с корнем *-езд-*: *приезд, переезд, отъезд*: «<...> о **приезде** моем в здешний город <...>» [11, 465]; «Сей **переезд** верст на полтора» [11, 494]; «<...> воспользоваться остающимся временем до **отъезда** нашего <...>» [11, 474]. Существительные с семантикой перемещения играют значительную роль не только при описании действий повествователя, но и при изображении разных сторон быта жителей Франции. Так, при характеристике Южной Франции используется слово *гулянье*, означающее «прогулка» [14, 12]: «<...> в таком климате <...> **гулянье** во все времена года составляет наилучшую забаву» [11, 468]. При описании прибытия Вольтера в Париж употребляется существительное *сошествие* как эталон сравнения: «**Прибытие** Вольтера в Париж произвело точно такое в народе здешнем действие, как бы **сошествие** какого-нибудь божества на землю» [11, 476].

Существительные, называющие пространство, предназначенное для перемещения, представлены в тексте словами *дорога, мостовая, улица, переулок, гульби-*

ще. Существительное *дорога* употребляется в тексте в трех значениях: 1) в значении «Полоса земли, предназначенная для передвижения» [10, 169], например, «**Дороги** часто находил немощные» [11, 466]; 2) в значении «Путешествие; пребывание в пути» [10, 169], например, «<...> **дорога**, продолжавшаяся близ трех месяцев <...>» [11, 465]; 3) в значении «Направление движения, путь следования» [14, 219], например, «<...> принудили меня взять другую **дорогу**» [11, 467]. Существительное *мостовая* в русском языке XVIII века выражало понятие «мощная дорога» [15, 43]. В «Письмах из Франции» это слово встречается при повествовании об отсутствии мощных дорог в немецких княжествах. Применение слова *мостовая* для называния немощных грязных дорог создает сатирический эффект: «Дороги часто находил немощные, но везде платил дорого за **мостовую**; и когда по вытаскиванию меня из грязи требовали с меня денег за **мостовую**, то я осмеливался спрашивать: где она?» [11, 466]. В сатирически окрашенные контексты входит в произведении Д.И. Фонвизина и слово *улица*. Автор отмечает узость и нечистоту улиц французских городов, сравнивает их с *переулками* городов российских: «**Дорога** в сем государстве очень хороша; но везде по городам **улицы** так узки и так скверно содержатся, что дивиться надобно, как люди <...> в такой нечистоте жить могут» [11, 467]; «Шедши в Лионе по самой знатной и большой **улице** (которая, однакож, не годится в наши **переулки**) <...>» [11, 467]. При изображении различных французских городов встречается существительное *гульбище*, означающее «Место для гуляния» [14, 11]: «<...> в **гульбищах** здесь изобилие великое» [11, 495]. К наименованиям пространства, предназначенного для перемещения, тематически близки названия мест, оборудованных для остановок путников: *отель, оберж, трактир, пристань*. Существительное *отель* обозначает гостиницу [10, 451], а *оберж* имеет значение «Гостиница, трактир, постоянный двор» [16, 228]: «во всех французских **обержах**, которые перед немецкими гроша не стоят» [11, 492]. Существительное *трактир* имело значение «гостиница с рестораном» [10, 773]: «<...> нашед тотчас квартиру, переехали в нее из **трактира**, в который пристали» [11, 494]. При описании водного пути упоминается *пристань*: «<...> **пристань** в виду была» [11, 494].

Существительные *карета, экипаж, портшез, корабль* называют транспортные средства. *Карета* обозначает «Большой закрытый четырехколесный конный экипаж на рессорах» [10, 257]: «<...> куча нищих провозжала всегда мою **карету**» [11, 466]. Существительное *экипаж* имеет значение «Легкая негрузовая рессорная повозка, коляска» [10, 873]: «Великолепные дома, столы, **экипажи** — словом, они одни наслаждаются всеми благами мира сего» [11, 481]. Существительное *корабль*, означающее «Морское судно» [10, 285], употреблено в связи с описанием политических событий: «<...> о здешних

кораблях, которые англичанами остановлены» [11, 475]. Существительное *портшез* означает «Род легкого переносного кресла, в котором можно сидеть полулежа» [10, 541]: «в **портшезах** носят дам да больных» [11, 495].

Для обозначения человека, совершающего путешествие, в тексте употребляется существительное французского происхождения *вояжер*: «<...> господа **вояжеры** лгут бессовестно, описывая Францию земным раем» [11, 494]. К слову *вояжер* тематически близко слово *чужестранец*, обозначающее человека, приехавшего из своего отечества в другую страну: «<...> все **чужестранцы** ищут у него помощи <...>» [11, 491]. Для обозначения человека, находящегося в процессе перемещения, используются также субстантивированные прилагательные и причастия. Субстантивации подвергается прилагательное *чужестранный*: «Париж может по справедливости назваться сокращением целого мира <...> по своему пространству и по бесконечному множеству **чужестранных**, стекающихся в него от всех концов земли» [11, 478]. Субстантивированное прилагательное *приезжие* в тексте используется по отношению к русским людям, вернувшимся из Парижа: «<...> наши **приезжие** из Парижа» [11, 510]. Субстантивированное причастие *идущие* использовано по отношению к людям, передвигающимся по городу: «<...> не входя в спектакль, останавливали **идущих**» [11, 505].

Для обозначения человека, управляющего транспортным средством, употребляется слово *кучер*: «<...> велели **кучеру** ехать шагом <...>» [11, 510].

Глаголы, связанные с семантикой движения, можно разделить на глаголы, непосредственно обозначающие перемещение в пространстве, и глаголы со значением действий, вызывающих перемещение других объектов [17, 150]. Применяемые в тексте глаголы, непосредственно обозначающие перемещение в пространстве, передают различные особенности процесса движения: 1) способ движения; 2) направленность движения; 3) способ и направленность движения; 4) темп движения; 5) способ и темп движения; 6) результативность движения. Глаголы используются также для выражения оценки движения.

Для обозначения способа движения в «Письмах из Франции» используются глаголы *ехать*, *поехать*, *проехать*, *идти*, *пойти*, *ходить*. *Ехать* имеет значение «Двигаться куда-н. при помощи каких-н. средств передвижения» [10, 181]: «Из Франкфурта **ехал** я по немецким княжествам» [11, 466]. Начало данного процесса обозначается глаголом *поехать*: «<...> **поехал** я в Лейпциг <...>» [11, 466]. Глагол *проехать* употреблен в значении «не останавливаясь нигде, приехать»: «Подравшись, дюк де Бурбон **проехал** прямо в оперу» [11, 508]. Мно-

гозначный глагол *идти* в значении «Двигаться, переступая ногами» [10, 228] используется при изображении движений людей (описывается праздничное представление, где люди исполняют роли чертей): «Все сии черти **идут** перед телом Христовым с превеликим ревом <...>» [11, 486]. Начало соответствующего процесса выражается глаголом *пойти*: «После обеда **пошла** процессия по всему городу» [11, 498]. При описании системы водоснабжения глагол *идти* употреблен в значении «течь»: «Отсюда вода **идет** во весь город» [11, 468]. Глагол *ходить*, как и глагол *идти*, имеет значение «Двигаться, переступая ногами», но «обозначает движение, совершающееся не в одно время, не за один прием или не в одном направлении» [10, 831]: «<...> а я за нею **хожу** пешечком» [11, 495].

Для характеристики направленности движения применяются глаголы *лазить*, *слезать*, *подняться*, *выйти*, *войти*, *проводить*, *воротиться*, *пятиться*. Глагол *лазить*, означающий «Карабкаясь, взбираться, подниматься, проникать куда-н.» [10, 311], и форма несовершенного вида *слезать* от глагола *слезть*, имеющего значение «Спуститься, держась, цепляясь за что-н.» [10, 697], называют движения, противоположные по направленности: «<...> **лазить** на чердаки и **слезать** в погреба <...>» [11, 466]. Глагол *подняться* употреблен в значении «Тронуться, двинуться» [10, 516]: «<...> все англичане **поднялись** вдруг отсюда и спешат выехать» [11, 471]. Глагол *выйти* означает «Уйдя откуда-н., появиться, оказаться где-н.» [10, 109]: «Члены Академии **вышли** ему навстречу» [11, 509]. Глагол *войти* имеет значение «Вступить, проникнуть внутрь» [10, 91]: «<...> можно **войти** честному человеку по крайней мере без оскорбления своих телесных чувств» [11, 496]. Глагол *проводить* означает «прощаясь, идти вместе с кем-либо до какого-либо места»: «<...> множество народа с факелами **проводило** его до самого дома» [11, 510]. Глагол *воротиться* означает «прийти обратно»: «Я **воротился** с лестницы <...>» [11, 502].

Глаголы *выехать*, *въехать*, *приехать*, *переехать*, *съехаться*, *разъехаться*, *въезжать*, *выходить* обозначают и способ, и направленность движения. Глагол *выехать* имеет значение «Поехав, оставить пределы чего-н., отправиться из одного места в другое» [10, 109]: «Невозможно **выехать** на несколько шагов из Парижа <...>» [11, 487]. Глагол *въехать* означает «Едучи, проникнуть внутрь» [10, 105]: «<...> **въехали** мы в империю» [11, 492]. Используется и соответствующий глагол несовершенного вида *въезжать*: «Во Франции множество маленьких деревень, но ни в одну нельзя **въезжать**, не зажав носа» [11, 480]. Глагол *приехать* имеет значение «Прибыть, передвигаясь на чем-н.» [10, 564]: «Из Лиона **приехал** я сюда в пять дней» [11, 468]. Глагол *переехать* имеет значение «Уехав откуда-н., переселить-

ся» [10, 482]: «<...> нашед тотчас квартиру, **переехали** в нее <...>» [11, 494]. Глагол *съехаться* имеет значение «О многих: собраться в одно место, приехав откуда-н.» [10, 751]: «Множество больных чужестранцев и из других провинций французов **съехалось** сюда <...>» [11, 465]. Глагол *разъехаться* имеет значение «О многих: уехать в разные стороны» [10, 626]: «<...> две трети чужестранцев **разъедутся** из Парижа» [11, 481]. Глагол *выходить* означает «удаляться, оставлять пределы чего-либо»: «Всякий день **выходим** со двора» [11, 497]. Глагол *выходить* употребляется в тексте также в значении «вступать в бой или в поединок»: «<...> они, в нарушение закона, **выходили** на дуэль» [11, 508].

Для передачи быстрого темпа движения используется глагол *бежать*: «<...> **бегаю** с утра до вечера по городу <...>» [11, 512]. Экспрессивным средством передачи быстроты является метафорическое использование глагола *прилететь* для обозначения стремительного передвижения корабля: «<...> мы в час **прилетели** к пристани» [11, 494].

Глаголы *прогуливаться*, *бежать*, *побежать* обозначают способ и темп движения. Антонимичные глаголы *вбежать* и *выбежать*, а также глагол *прискакать* обозначают способ, темп и направленность движения. Глагол *прогуливаться* имеет значение «Неторопливо ходить, прохаживаться» [10, 581]: «На нем **прогуливается** целый город всedневно» [11, 468]. Глагол *бежать* имеет значение «Двигаться быстро, резко отталкивающимися от земли движениями ног» [10, 39]: «<...> **бежала** сломя голову вон» [11, 505]. Начало данного процесса передается глаголом *побежать*: «Весь растрепан, **побежит** au Palais-Royal <...>» [11, 512]. Глагол *вбежать* имеет значение «Войти куда-н. бегом» [10, 68]: «<...> **вбежали** в партер человек с пятнадцать гренадер <...>» [11, 505]. Глагол *выбежать* имеет значение «Удалиться откуда-н. бегом» [10, 105]: «<...> все **выбежали** вон <...>» [11, 505]. Глагол *прискакать* имеет значение «приехать вскачь» [10, 572]: «<...> Барятинский сам **прискакал** ко мне верхом <...>» [11, 507].

Глаголы *достичь* и *приходить* обозначают результативность движения. Глагол *достичь* имеет значение «доехать до какого-н. места» [10, 170]: «<...> **достиг** славного города Лиона» [11, 467]. Глагол *приходить* означает «Идя, достигать чего-либо, являться куда-либо» [10, 565]: «<...> **приходит** к ней учитель французского языка» [11, 495].

Негативную эмоциональную оценку заграничных поездок выражают в тексте глаголы движения *шататься* (в значении «Бродить без дела» [10, 859]) и *таскаться*: «<...> **таскаться** обоим нам наскучило» [11, 509]; «<...> мы дома можем наслаждаться истинным счастьем, за которым нет нужды **шататься** в чужих краях» [11, 515].

Спрягаемые формы глаголов, обозначающих движение, выступают обычно в сочетании с подлежащими — существительными, называющими субъект движения, или местоимениями, указывающими на этот субъект. В тексте «Писем из Франции» позицию подлежащего при спрягаемых формах глаголов движения занимает обычно существительное, обозначающее человека, или местоимение, заменяющее такое существительное. Реже в роли подлежащего при глаголе движения выступает существительное неодушевленное: «Отсюда **вода идет** во весь город» [11, 468]. Неодушевленное существительное может использоваться при этом и как метонимическое обозначение живых существ. Например, в предложении «Весь **город едет** в рощу <...>» [11, 513] существительное *город* обозначает жителей города. В роли субъекта при глаголах движения выступают также субстантивированные прилагательные: «Все **разъехали** из Монпелье. **Знатные** и **богатые** в Париж, а **мелкие** и **бедные** по деревням своим» [11, 471]. Глагол движения может выступать и как сказуемое определенно-личного предложения: «<...> из России в другой раз за семь верст киселя есть **не поеду**» [11, 496]. Отсутствие подлежащего помогает сконцентрировать внимание на сказуемом *не поеду*. Предложение имеет ярко выраженный оценочный характер, создаваемый фразеологизмом *за семь верст киселя есть*, который означает «далеко и попусту идти, ехать» [18, 507].

Из числа глаголов со значением действия, вызывающего перемещение объекта, в тексте употребляются слова *посылать*, *присылать*, *отсылать*, *повезти*, *увезти*. Упоминаются процессы, направленные на перемещение товаров и денег («<...> Франция **посылает** во всю Европу наилучшие парчи и штофы» [11, 467]; «<...> **пришлют** ко мне деньги <...>» [11, 512]), процессы, направленные на перемещение человека («<...> графиня Шувалова <...> **увезла** меня с собою» [11, 507]).

Существенную роль в передаче идеи движения играют деепричастия. Представленные в «Письмах из Франции» случаи употребления деепричастий, образованных от глаголов движения, можно разделить на две категории.

Во-первых, деепричастия дополняют характеристику движения, обозначенного сказуемым. Сатирически изображая парижан, которые при ходьбе делают нарочито неловкие движения в подражание своему королю, Д. И. Фонвизин отмечает: «Ходят, **разваливаясь** как медведи» [11, 504]. Деепричастие *разваливаясь* выступает здесь в значении «переваливаясь с боку на бок». Подобным образом употребляется и деепричастие *переваливаясь*: «<...> подражают его тону, который состоит в том, чтоб говорить грубо, произнося слова отрывисто; ходить **переваливаясь** <...>» [11, 485]. Деепричастные обороты

характеризуют обстоятельства, при которых происходит движение: «Часто **шатаюсь** поутру по книжным лавкам и по кофейным домам, **прихожу** к графу Перигору <...>» [11, 503].

Во-вторых, деепричастия со значением движения могут соотноситься со сказуемым, которое не имеет семантики движения. Так, деепричастия *шедши* и *подошед* употребляются при сказуемом, обозначающем зрительное восприятие: «**Шедши** в Лионе по самой знатной и большой улице <...>, **увидел** я среди бела дня зажженные факелы и много людей среди улицы. Будучи близорук, счел я, что это, конечно, какое-нибудь знатное погребение; но, **подошед** из любопытства ближе, **увидел**, что я сильно обманулся: господа французы изволили убить себе свинью <...>» [11, 467]. Здесь изменение пространственной позиции наблюдателя способствует созданию комического эффекта: то, что издали казалось торжественным погребением, вблизи оказалось действием, совершаемым над тушей забитой свиньи. Деепричастие со значением движения может соотноситься со сказуемым, обозначающим эмоциональное состояние: «**Заехав** в чужую землю, <...> презирают жителей в глаза <...>» [11, 503]. Деепричастие со значением движения может характеризовать обстоятельства, при которых совершается речевое действие: «<...> полковник <...>, **подъезжая** к фрунту, кричал <...>» [11, 488]. Деепричастие может обозначать действие, которое совершил человек перед тем, как занять стабильное положение в пространстве: «<...> он, в кавалерском платье и шляпе, **взошед** на сделанное нарочно возвышенное место, сел в кресла под балдахином» [11, 468]. Концептуальную значимость имеет фраза, в которой деепричастие *ездя* в сочетании с отрицательной частицей *не* соотносится с характеристикой качеств человека, утрачивающихся

в результате поездки в Париж: «Сей город <...> делает его навек шалуном и ни к чему не способным, вопреки тому, как его сделала природа и каким бы он мог быть, **не ездя** во Францию» [11, 482].

В целом, лексика, связанная с семантикой движения, выступает в «Письмах из Франции» как средство реализации различных типов текстовой информации. Во-первых, лексика с семантикой движения передает фактуальную информацию, характеризуя различные процессы перемещения, происходящие в окружающем мире. Во-вторых, она выражает концептуальную информацию. Д. И. Фонвизин стремится убедить читателя, что интересная и содержательная жизнь обеспечивается не заграничными поездками, а духовным самосовершенствованием. С реализацией этой идеи связано употребление глаголов движения, имеющих негативный эмоционально-оценочный оттенок (*таскаться*, *шататься*), а также сочетание глаголов движения с языковыми единицами, выражающими отрицательную оценку, например, с фразеологизмом *за семь верст киселя есть*. Д. И. Фонвизин показывает, что никакая страна не является воплощением совершенства: в германских землях он обращает внимание на плохие дороги, во Франции высоко оценивает качество дорог, но отрицательно характеризует состояние улиц. Поэтому существительные, связанные с темой движения (*дорога*, *улица* и др.), в тексте взаимодействуют с лексикой, выражающей эмоциональную оценку. Таким образом, лексика, имеющая семантику движения, функционируя в тесной взаимосвязи с другими тематическими пластами лексики и особенно с лексикой эмоционально-оценочного характера, играет важную роль в раскрытии идейного содержания «Писем из Франции» — выдающегося памятника русской литературы и русского литературного языка XVIII века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макогоненко Г. П. Д. И. Фонвизин // Русская проза XVIII века. Т. 1. М.; Л.: ГИХЛ, 1950. С. 451–464.
2. Гуминский В. М. Открытие мира или Путешествия и странники. М.: Современник, 1987. 286 с.
3. Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Том пятый. Л.: Наука, 1973. С. 46–98.
4. Моряков В. И. Д. И. Фонвизин о Франции последней трети XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 3. С. 52–68.
5. Коптева Э. И. Литературно-биографический анекдот в «Письмах из Франции» Д. И. Фонвизина и «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 2 (124). С. 273–279.
6. Тризно О. А. Черты карнавальной эстетики в «Письмах из Франции» Д. И. Фонвизина // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 21–23.
7. Горшков А. И. Несколько замечаний о порядке слов в «Письмах из Франции» Д. И. Фонвизина // Горшков А. И. Литературный язык и литература. М.: Издательство Литературного института, 2007. С. 131–138.
8. Донецких Л. И., Осокина В. А. Бесприставочные глаголы с суффиксом –ива- / -ыва- в письмах русских писателей XVIII века // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2014. № 2. С. 61–70.
9. Иванова Л. П. Жанровые основания лингвоиматологического анализа // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 148–155.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2015. 896 с.

11. Фонвизин Д. И. Письма из Франции // Русская проза XVIII века. Т. 1. М.; Л.: ГИХЛ, 1950. С. 465–518.
12. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4. Л.: Наука, 1988. 256 с.
13. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 10. СПб.: Наука, 1998. 256 с.
14. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. Л.: Наука, 1991. 256 с.
15. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 13. СПб.: Наука, 2003. 272 с.
16. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 15. СПб.: Наука, 2005. 264 с.
17. Ваганова А. К. Роль концепта перемещения в очерках А. П. Чехова «Из Сибири» // Научная мысль Кавказа. 2012. № 2. С. 146–150.
18. Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1978. 543 с.

© Ваганова Айниса Кадир кызы (aynisa.vaganova@mail.ru),

Лозовой Алексей Юрьевич (lozovoy@sfedu.ru), Названова Ирина Александровна (i.a.nazvanova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Южный федеральный университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРТИКЛЕЙ В НАЗВАНИЯХ НАУЧНЫХ РАБОТ ОБУЧАЮЩИХСЯ: АНАЛИЗ ТИПИЧНЫХ ОШИБОК

THE USE OF ARTICLES IN THE NAMES OF STUDENTS' RESEARCH PAPERS: ANALYSIS OF TYPICAL ERRORS

*J. Kochan
E. Pertsev
I. Jakovleva*

Summary. When students in higher educational institutions translate the titles of their course works, undergraduate theses and dissertations into English, problems relating to the use of articles (definite, indefinite and zero) are, currently, of paramount importance. An analysis of the titles of more than 2000 pieces of academic work written by undergraduate and masters humanities students in the fields of politics and philosophy has allowed us to elucidate the typical errors which students make when using articles. The style of the academic title frequently requires the inclusion of such lexical units as 'analysis', 'interpretation', 'survey' et cetera; when using these words, students often pick the incorrect article. In the title of the academic work, the student introduces key concepts and may abstract several words which they are to use as terms. This creates a particular difficulty when it comes to article usage. Students all too frequently miss out the definite article before nouns which are grammatically independent and are followed by a more specific nominal phrase, or, on the contrary, add an unnecessary 'the' before nouns used in an abstract sense. This article shall conduct an analysis of these errors and shall offer recommendations which will be of help to students in their use of articles when composing the titles of their academic work and in preparation for presentations given in English, the lingua franca of international scholarly communication.

Keywords: students' academic work, indefinite article, definite article, zero article, terminology, substantivized adjectives, verbal nouns.

Джулиус Кочан

*С.н.с., Гонвилл и Кейус колледж; студент,
Кембриджский университет
Julius.kochan@gmail.com*

Перцев Евгений Михайлович

*К.филол.н., доцент, Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
empertsev@list.ru*

Яковлева Ирина Олеговна

*Ст. преподаватель, Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
werta9@list.ru*

Аннотация. В настоящее время, когда обучающиеся высшей школы должны переводить названия своих курсовых, квалификационных и диссертационных работ на английский язык, а также выступать на научных конференциях на английском языке, проблемы, связанные с употреблением артиклей, вышли на первый план. Анализ проверенных заголовков научных работ студентов — бакалавров и магистрантов гуманитарных факультетов (более 2000 названий по проблемам политологии и философии) позволил выявить типичные ошибки в употреблении артиклей. Стилистика заголовка включает такие лексические единицы как «анализ», «интерпретация», «обзор» и др., с которыми обучающиеся часто употребляют неправильный артикль. В заголовке научной работы представлены ключевые концепции, для передачи которых автор абстрагирует некоторые слова, рассматривая их как термины, что создает особую трудность при употреблении артикля. Чаще всего студенты пропускают определенный артикль перед существительным, имеющим зависимую уточняющую структуру, либо, наоборот, добавляют ненужный артикль 'the' перед существительным в абстрактном употреблении. Анализ ошибок, проведенный в данной статье, а также выработанные авторами рекомендации помогут обучающимся корректно использовать артикли при оформлении названий своих работ и подготовке выступлений на английском языке — языке международной научной коммуникации.

Ключевые слова: научные работы обучающихся, неопределённый артикль, определённый артикль, нулевой артикль, терминология, субстантивированные прилагательные, отглагольные существительные.

Интеграция МГУ имени М. В. Ломоносова в систему международно-признаваемых образовательных стандартов потребовала большого объема качественной и ответственной переводческой работы. Возникла необходимость в сжатые сроки переводить на английский язык названия и описания образовательных программ, специализаций; проверять правильность выполняемых в рамках факультетов переводов заглавий

курсовых, дипломных, магистерских и аспирантских работ.

Анализ проверенных названий (более 2000) указанных научных работ студентов — бакалавров и магистрантов гуманитарных факультетов позволил выявить типичные ошибки в употреблении артиклей. Надо сразу сказать, что употребление артикля является одной из са-

мых актуальных трудностей для наших обучающихся. «...Одна из главных проблем, с которыми сталкиваются не-носители языка, заключается в выборе и использовании неопределённого, определенного или нулевого артикля в начале именной группы. Особенно сложным это является для носителей японского, китайского, корейского, **русского** и других языков, не имеющих системы артиклей». [4. 115–116]. В учебнике «Русско-английский перевод», его автор Д.И. Ермолович сразу обращает внимание переводчиков на исключительную важность использования артиклей: «Грамотная расстановка артиклей в переводном тексте — самая заметная отличительная черта хорошего перевода. Ошибки в постановке артиклей тоже бросаются в глаза и резко ухудшают впечатление о качестве перевода, пусть даже неплохого в прочих отношениях». [5. 16].

Объём статьи не позволяет коснуться всех случаев некорректного использования артиклей, поэтому мы остановим свое внимание на самых грубых ошибках, которые свидетельствуют об отсутствии прочных знаний и которые можно было бы легко избежать.

Прежде всего, необходимо отметить, что «употребление разных вариантов артикля создает разные варианты контекста и изменяет содержательную структуру коммуникации» [1.23]. Наличие или отсутствие того или иного артикля выполняет смысловозначительную функцию. Под влиянием артиклей имена существительные могут переходить из одной группы лексики в другую [1.26]. Дифференцирующая роль артикля проявляется в варьировании уровня обобщения в семантике существительного. Определенный и неопределенный артикли всегда сохраняют присущее им значение идентификации и классификации, несмотря на то, что оба артикля могут быть взаимозаменяемыми. «Выбор артикля определяется содержанием-намерением высказывания, когнитивной установкой автора. Он зависит от того, какое значение хочет придать автор своим высказываниям — идентифицирующее или классифицирующее» [2.146].

Interpretation, analysis,
study, introduction, review

Одна из часто встречающихся ошибок проверенных заголовков возникает тогда, когда обучающиеся ссылаются на свою работу в названии, употребляя такие слова, как *analysis, study, interpretation*. В этом случае в английском переводе должен присутствовать только неопределенный артикль, поскольку речь идет об *индивидуальном* анализе, изучении, интерпретации. Заголовок «Сравнительный анализ образовательных программ по специальности «Связи с общественностью» Пекинского университета и МГУ имени М.В. Ломоносова» пе-

реводится студентом как “Comparative analysis of public relations education programmes at the University of Beijing and Lomonosov Moscow State University”. Полное отсутствие артиклей в данном случае является ошибочным, так как придает заголовку расплывчатость, создавая впечатление, что данная работа не закончена. Правильный вариант: “**A** comparative analysis...”

Та же самая ошибка повторяется весьма часто (в этих и следующих по тексту примерах в скобках приводится нужный артикль, который отсутствовал в оригинальном переводе, сделанным обучающимся):

- ◆ «Досрочные парламентские выборы 2017 года в Великобритании: анализ политических лидеров гонки» — “The early 2017 United Kingdom general election: **(an)** analysis of the leaders’ political campaigns” (перевод должен включить неопределенный артикль: “an analysis of...”);
- ◆ «Преступность в США: старые и новые проблемы» — “**(An)** introduction to the old and the new in American crime”;
- ◆ «Обзор наиболее актуальных проблем американских городов» — “**(A)** review of the most topical problems of the American cities”;
- ◆ «Влияние процесса автоматического производства на занятость: сравнительный анализ США и Индии» — “**(A)** Comparative analysis of automation-caused labour displacement: a case study of the USA and India”.

В других названиях также присутствуют ошибки при переводе вышеупомянутых слов. В одном из случаев студент переводит название своей работы «Определение знания в современной философии» следующим образом: “**The** analysis of knowledge in contemporary philosophy”. Этот перевод кажется, хоть и ненамеренно, слишком самонадеянным, поскольку обучающийся использованием здесь определенного артикля как бы подразумевает, что эта работа является окончательным анализом, который отвечает на все вопросы и поэтому исключает возможность дальнейшего обсуждения. В данном случае следует писать: “**An** analysis...”. Джон Хокинс, лингвист из Кембриджского университета, в своем исследовании об артиклях объясняет, что определенный артикль, если существительное, которое он идентифицирует, увязан с контекстом, предполагает степень единичности. [3.412]. Отсюда неумышленная самонадеянность, которая возникает тогда, когда студенты ссылаются на свои работы, употребляя определенный артикль, как будто бы их работа была единственной, которая исследует данную тему. Ошибки этого типа встречаются довольно часто:

- ◆ «Вымирает ли телевидение: правда или миф. Сравнительный анализ медиа потребления в России и США» — “The extinction of television:

truth of myth. (A) The comparative analysis of media consumption in Russia and the USA”;

- ◆ «Влияние литературы на политическую ситуацию в Южной Африке: формальная интерпретация» — “The influence of literature on the political situation in South Africa: (a) the comparative analysis”.

Если же обучающийся в названии своей работы ссылается не на свой собственный анализ (истолкование, интерпретацию и т.д.), а на работу другого автора, чей анализ в свою очередь будет обсуждаться, то, напротив, употребление определенного артикля будет считаться обязательным. Так, правильным переводом заглавия «Интерпретация политической философии Платона в комментариях Прокла Диадокха» будет являться “The interpretation of Plato’s political philosophy in Proclus Diadochus’ commentaries”. Использование определенного артикля в данном случае объясняется тем, что обсуждается не какой-либо, а конкретный, уже существующий анализ, увязанный с контекстом оригинального автора, либо индивидуализированная идентификация определенного слова:

- ◆ «Истолкование поэзии Фр. Гёльдерлина в поздней философии Хайдеггера» — “(The) Interpretation of Fr. Hölderlin’s poetry in the late works of M. Heidegger”;
- ◆ «Анализ растительных метафор Кольриджа в критике Джонатана Каллера» — “(The) An analysis of Coleridge’s plant metaphors in the criticism of Jonathan Culler”;
- ◆ «Анализ превосходства в диалогах Платона» — “(The) An analysis of excellence in the dialogues of Plato”.
- ◆ «Влияние кастовой системы Индии на мировоззрение граждан страны» — “(The) Influence of modern India’s caste system on the world view of its citizens».
- ◆ «Отношения между Соединенным Королевством и Ирландией через призму истории: ненависть, дружба или партнерство?» — “(The) Relationship between the United Kingdom and Ireland through the prism of history: hatred, friendship or partnership?”

Терминологизация

В заголовке представляются ключевые концепции работы. Вследствие этого часто происходит так, что автор абстрагирует некоторые слова, которые в тексте работы будут часто употребляться как термины. Они становятся терминологизированными и используются как абстрактные понятия, поэтому употребляются без артиклей. «Характерное для абстрактных существительных отсутствие артикля перед предметным существительным в единственном числе свидетельствует о полном

отвлечении и абстрагировании как от идентификации, так и от классификации предмета» [1.10].

В одном из рассмотренных названий обучающийся ошибается, переводя «Объективность и артефакт в современной эпистемологии» как “Objectivity and an artefact in modern epistemology”. Использование неопределенного артикля предполагает, что речь идет об одном, особом, артефакте, однако обсуждается «артефакт» как общее понятие. То, что слово «объективность», недвусмысленно абстрактное понятие, находится в позиции относительно слова «артефакт» и поэтому имеет с ним отношения необособленного приложения, подсказывает, что «артефакт» также абстрагируется.

Такие слова, как «концепция», «конфликт», «проблема», «дихотомия» наряду с другими однотипными лексическими единицами, часто встречаются в заглавиях студенческих, магистерских и аспирантских работ. Чаще всего в английском языке за ними следует предлог ‘of’, который отмежевывает классифицирующее слово («проблема», «концепция», «феномен», «конфликт», «модель») от конкретизирующей части фразы (“of x”). Вторая часть помещает первую в конкретный контекст, что делает обязательным использование определенного артикля, который демонстрирует конкретизирующую силу семантики второго существительного по отношению к семантике первого. Так, правильный перевод названия «Проблема истины в социальном познании» — “The problem of truth in social cognition”. При переводе второй части необходимо задавать обычные вопросы: конкретизирован ли контекст? идет ли речь о чем-нибудь обобщенном или определенном?

В проанализированных названиях научных работ обучающиеся чаще всего правильно переводят эти слова, когда они употребляются в значении индивидуализируемой идентификации:

- ◆ «Конфликт между частным и публичным в английской культуре двадцатого века» — “The conflict between private and public in English culture of the twentieth century”;
- ◆ «Проблема сюжета в произведениях русских формалистов» — “The problem of plot in the works of the Russian formalists”;
- ◆ «Вопрос судьбы в пьесах Расина» — “The question of fate in Racine’s plays”.

Однако есть случаи, в которых такие слова, как «модель», «проблема», «конфликт», «феномен», обычно используемые в классификационном значении, обобщаются и превращаются в абстрактные понятия. В данном контексте можно привести следующие примеры:

- ◆ «Проблема и решение: математический подход к литературоведению» переводится без арти-

кля перед словом «проблема» — “**Problem and solution**: the mathematical approach to literary studies”;

- ◆ «Конфликт и запредельность: основа диалогического подхода к решению задач» — “**Conflict and transcendence**: the basis of the dialogical approach to problem solving”;
- ◆ «Контраст и сравнение в произведениях Дидро: анализ на примере «Племянника Рамо» — “**Contrast and comparison** in the works of Diderot: a case study of *Le Neveu de Rameau*”
- ◆ «Метафора в антропологическом дискурсе» — “**Metaphor** in discourse of anthropology”
- ◆ «Визуальные коммуникации в связях с общественностью» — “**Visual communications in public relations**”

Здесь мы говорим о контрасте и сравнении не в конкретном смысле, а используем как термины, которые являются абстрактными и общими. «Нулевой артикль изменяет ритм и просодию высказывания, делая его сжатым, лаконичным, подчёркивая абстрактность и обобщённость всего рассуждения» [2.135].

Исследователи отмечают случаи, когда слова или словосочетания по значению приближаются к термину и употребляются без артикля. Вот типичная ошибка: название работы «Трудности во внешней политике Великобритании, вызванные британскими заморскими территориями» обучающимся переводится как “The political issues for the British foreign diplomacy caused by the British Overseas Territories.” Словосочетание «British foreign diplomacy» обладает семантикой общего характера, его можно рассматривать как терминологизированное, поэтому оно должно употребляться без артикля, как и в следующих примерах:

- ◆ «Сравнение методов психологического воздействия в социальной и политической рекламе» — “Methods of psychological influence in **social and political advertising**: a comparative analysis”;
- ◆ «Культурно-философские основания формообразования современной архитектуры во Франции 1930–80 годов» — “Cultural and philosophical foundations of **modern church architecture** in France in the 1930s-1980s.”;
- ◆ «Дихотомия «открытого» и «закрытого» общества в социально-философском дискурсе» — “The dichotomy of “open” and “closed” society in **social and philosophical discourse**”.

Следует, однако, отметить, что, если мы помещаем словосочетание такого порядка в конкретный контекст, увязывая его, например, с определенным правительством в истории («Внешняя политика Англии при Т. Блэре» — “the Blair cabinet’s foreign policy”), то исполь-

зование определенного артикля становится, хотя и необязательным, но возможным. В некоторых случаях также возможен выбор определенного или нулевого артикля, так как ситуация допускает и терминологизацию существительного, и его идентификацию путем указания на целый класс:

- ◆ «Учение о духовной энергии в философии А. Бергсона и У. Джеймса» — “**Teachings / The teachings** of spiritual energy in the philosophy of H. Bergson and W. James”;
- ◆ «Онтологическое и аксиологическое значение смерти для человеческого бытия» — “**Ontological and axiological meanings / The ontological and axiological meanings** of death for human existence”. Вечный вопрос — является ли работа законченной и окончательной (тогда выбор делается в пользу определенного артикля) или представляет собой один из этапов познания (в этом случае используется нулевой артикль).
- ◆ «Тюрьма и клиника как институты маргинализации в культуре Нового времени на основе работ М. Фуко» — “**The prison and hospital / Prisons and hospitals** as institutions of marginalization in the culture of the Modern Age: a case study of M. Foucault’s works”;
- ◆ «Исследование библейского канона в отечественной науке» — “**Study / The study** of the biblical canon in Russian scholarship”.

Подобные «колебания» в выборе артикля используются для дополнительных смысловых и стилистических оттенков.

Субстантивированные
прилагательные
и отглагольные
существительные

Субстантивированное прилагательное (СП) — структура, нередко встречающаяся в заголовках научных работ как в России, так и в англоязычных странах. Почти всегда СП переводится на английский язык с использованием определенного артикля. Так, название «Проблема визуального в феноменологической эстетике М. Мерло-Понти» обучающийся ошибочно переводит как “The issue of visuality in M. Merleau-Ponty’s phenomenological aesthetics”. Лучшим вариантом здесь явилось бы использование именно СП: “The visual in Merleau-Ponty’s phenomenological aesthetics”. Ошибки часто встречаются при переводе именно этой структуры:

- ◆ «Искусственное и натуральное в современной американской потребительской культуре» — “(The) Artificial and (the) natural in modern American consumerist culture”;

- ◆ «Описанное и прожитое в французском реалистическом романе двадцатого века» — “(The) Described and (the) lived-through in the French realist novel of the twentieth century”;
- ◆ «Обонятельное в поэзии Бодлера» — “(The) Olfactory in the poetry of Charles Baudelaire”;
- ◆ «Изображение сакрального в православной иконописи» — «The image of (the) sacred in Orthodox iconography».

Одной из тенденций современного английского языка является использование отглагольного существительного, которое употребляется отдельно или в составе сложного термина и «указывает не на отдельный факт совершения действия, а на обобщенное представление о нем как о много раз повторяющемся действии» [2.142]:

- ◆ «Проблема правдоискательства в творчестве Ф. Достоевского» — “Finding truth in the works of Dostoevsky” или, ещё более «по-английски» “Finding truth in Dostoevsky”.

- ◆ «Формирование позитивного имиджа России: коммуникационные стратегии» — “Forming a positive image of Russia: communication strategies”
- ◆ «Переосмысление морали в философии Ф. Ницше» — “Rethinking ethics in F. Nietzsche’s philosophy”
- ◆ «Преодоление гендерных стереотипов в рекламе»- “Overcoming gender stereotypes in advertising”

Постоянная работа с артиклями, закрепление правил их использования и анализ типичных ошибок их употребления приносит определенные плоды: обучающиеся более внимательно следят за структурой своего высказывания, стремясь не столько переводить с русского на английский (когда артикли становятся реальной проблемой), сколько изначально строить высказывание и говорить по-английски, то есть вспоминать типичные структуры английской речи, и тогда артикли становятся естественными атрибутами высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рейман Е. А. Английский артикль. АН СССР, 1988
2. Тымчук Е. В. Артикль и межкультурная коммуникация. МГУ, филологический факультет, кафедра английского языкознания, Макс Пресс, Москва 2005
3. John A. Hawkins On (In)definite Articles: Implicatures and (Un) grammatically Prediction, Journal of Linguistics, Vol. 27, No.2 (Sept. 1991)
4. HAN, N., CHODOROW, M., & LEACOCK, C. (2006). Detecting errors in English article usage by non-native speakers. Natural Language Engineering, 12(2), 115–129. doi:10.1017/S1351324906004190
5. Ермолович Д. И. Русско-английский перевод. Учебник для студентов вузов, обучающихся по образовательной программе «Перевод и переводоведение» направлений «Лингвистика» и «Лингвистика и межкультурная коммуникация» М.: Аудитория, 2015.
6. Прибыток И. И. Лекции по теоретической грамматике английского языка. Учеб. Пособие для студентов 3–4 курсов лингвист. специальностей/ Саратов: Изд-во Научная книга, 2006.

© Джулиус Кочан (Julius.kochan@gmail.com),

Перцев Евгений Михайлович (empertsev@list.ru), Яковлева Ирина Олеговна (werta9@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КЛАСНО-ЧИСЛОВОЕ СОГЛАСОВАНИЕ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

CLASS-NUMBER AGREEMENT IN LAK LANGUAGE

S. Kakvaeva

Summary. The article gives a brief description of the grammatical category of a class in the Lak language. The word classifying category of a class of names is reflected in other parts of speech as a formative negotiating category. It has its own characteristics as part of a sentence, being a component of the category of predicativeness. Coordination within an elementary proposal is in the form of coordination with nuclear members or orientation with non-nuclear members. In the composition of the attribute phrases, weak coordination may be accompanied by weak control.

Keywords: Lak language, grammatical class category, predicative and non-predicative connections, class-number agreement in sentence and phrase combination, coordination, orientation.

Какваева Сабрина Бастаминовна

Дагестанский государственный медицинский университет, г. Махачкала
sabri82@mail.ru

Аннотация. В статье даётся краткая характеристика грамматической категории класса в лакском языке. Слово классифицирующая категория класса имён отражается в других частях речи как формообразующая согласовательная категория. Свои особенности она имеет в составе предложения, являясь компонентом категории предикативности. Согласование внутри элементарного предложения выступает в виде координации с ядерными членами или ориентации с неядерными членами. В составе атрибутивных словосочетаний классное согласование может сопровождаться слабым управлением.

Ключевые слова: лакский язык, категория грамматического класса, предикативные и непредикативные связи, классно-числовое согласование в предложении и словосочетании, координация, ориентация.

Синтаксис лакского языка характеризуется наличием классно-числового и лично-числового согласования. Лично-числовое согласование свойственно только предложению как самостоятельной предикативной единице, а классно-числовое согласование встречается как в предложении, так и в некоторых видах словосочетаний именного и глагольного типа.

Категория класса (рода) является одной из характерных категорий лакского языка. У имен существительных это *словоклассифицирующая*, словарная категория, т.е. каждое имя относится к одному из существующих классов (о количестве классов см. ниже). Другие слова изменяются по классам и согласуются в классе (и числе) с определёнными формами имени. *Словоизменяющей* категорией класса обладают разные части речи и словоформы: глаголы и отглагольные дериваты, числительные, некоторые прилагательные, отдельные разряды местоимений и наречий, некоторые формы местных падежей, послелого с пространственными значениями, клитики. Зависимость классно-числовой формы этих слов от контролирующего имени в составе предложения определить как *согласование* можно только условно, поскольку классно-числовая форма таких слов зависит не от существительного как части речи, а от его синтаксической функции: все классно-числовые формы зависят от имени в именительном падеже (номинатив/абсолютив) в функции субъекта непереходного глагола или прямого объекта переходного глагола. Поэтому некоторые исследователи определяют такую связь как *координацию* (при согласовании глагола со своими

с ядерными актантами) и как *ориентацию* (зависимость класса неядерных компонентов предложения от ядерных компонентов) [6, 19–29]. Собственно согласованием может быть названа связь компонентов в именном словосочетании атрибутивного типа, когда зависимая словоформа согласуется в классе не с формой главного слова, а со словом во всех его формах: *бухсса гьухъа* (3 кл., ном.) 'старое платье', *бухсса гьухъул* (ген.); *духсса лачак* (4 кл., ном.) 'старый платок', *духсса лачакрал* (ген.) и т.д.

Класс как словоклассифицирующая категория

Категория грамматического класса была в центре внимания исследователей лакского языка, начиная с работ П.К. Услара и до наших дней. В исследовании П.К. Услара (60-е годы XIX в.) у существительного выделяется четыре класса («категории») в зависимости от согласования глагола-связки 'быть' (*-ур, бур, дур*) с именем. К I классу отнесены имена, с которыми связка сочетается с нулевым показателем в ед. ч. и с показателем *б-* во мн. ч. (*арс 'сын' ур — арсру бур*). Этот класс является семантически наиболее определённым, поскольку к нему относятся только имена людей мужского пола. Ко II классу отнесены существительные, с которыми глагол-связка имеет формы *дур* (*нину 'мать' дур — ед.ч.*) и *бур* (*ниттихъул бур — мн. ч.*). Данный класс семантически ограничен именами женщин зрелого возраста. С существительными III класса связка имеет форму *бур* в обоих числах. С точки зрения семантики сюда входят: 1) имена людей женского пола (*душ 'девочка/девушка/дочь' бур — душиру бур*); 2) на-

звания живых существ (*оьл* 'корова' *бур*— *оьллу бур*; *ниц* 'бык' *бур* — *ницру бур*); 3) названия предметов (*мурхь* 'дерево' *бур* — *мурхьру бур*, *чару* 'камень' *бур* — *чартту бур*, *бяр* 'озеро' *бур* — *бярду бур*). К IV классу относятся те имена, в сочетании с которыми связка в обоих числах имеет форму *дур*. Сюда относятся названия разных предметов и понятий за исключением тех, которые не входят в III класс (*къяртта* 'ветка' *дур* — *къяртри дур*, *ххяли* 'скала' *дур* — *ххяллу дур*, *нех* 'река' *дур* — *нехру дур*).

Распределение существительных по четырём грамматическим классам сохраняется в работах Л. И. Жиркова, Г. Б. Муркелинского, С. М. Хайдакова, И. Х. Абдуллаева. Однако в школьной грамматике Г. Б. Муркелинский указывал только три грамматических класса с учётом согласования глагола с именами только в ед.ч. Только три класса (*жиснс*) указаны и учёным-арабистом А. Каяевым в «Грамматике лакского языка» (20-е годы XX в.), которые он называет классом мужчин, женщин и девушек, отмечает, что во мн. ч. они имеют в глаголе один и тот же показатель *б-* и констатирует, что отнесение всех остальных существительных к классу с *б-* или *д-* (III–IV классы) никакими правилами не регулируется [3, с. 110–111].

Категория грамматического класса в лакском языке как бы остановилась в развитии и находится на пути деградации. Как известно, в некоторых дагестанских языках эта категория исчезла (лезгинский, агульский), в аварском и даргинском стала семантически более определённой — различаются в ед. числе классы мужчин, женщин и в третий класс входят все остальные имена. При этом в аварском языке во мн.ч. классы не различаются (один классный показатель для всех классов), а в даргинском различается два класса — людей и вещей.

Наиболее подробно грамматический класс исследован в работах И. Х. Абдуллаева, в том числе предпринята попытка определить семантическую основу отнесения неодушевлённых существительных к III или IV классам [1, 24–37], но чётких и однозначных критериев найти не удалось, и категория класса остаётся словарной характеристикой каждого существительного. При этом наиболее уязвимым является II класс из-за экзотичности распределения имён женского пола на два класса — женщин (*д-*) и девушек (*б-*). В литературном языке переход названий женщин в класс девушек становится нормой, показателем как бы вежливости.

Наиболее семантически определённым остаётся класс мужчин. Можно предположить, что первичным было распределение на два класса: мужчина — не-мужчина. Такое деление сохраняется в косвенных основах анафорических местоимений, где противопоставляются показатели косвенной основы *-на-* (муж.) и *-ни-* (не-муж.): *га* 'он /она' — *ганал* (*арс* 'сына') — *ганил* (*душ* 'дочь', *ниц*

'бык', *мурхь* 'дерево', *нех* 'река'). Во мн. ч. таких местоимений в литературном языке наблюдается противопоставление «люди — не-люди»: *гаиннал* (люди) — *гаиннул* (не-люди). Так же ведут себя и слова с прономинативным суффиксом *-ма* (муж.), *-мур* (не-муж.), *-ми* (мн.ч.): *ххирама* 'любимый' (1 кл.) — *ххираманал* (ген.); *ххирамур* (2–4 кл.) — *ххирамунил* (ген.); *ххирами* 'любимые' *ххираминнал* ген. (мн., люди) — *ххираминнул* (ген. мн. не-люди).

В распределении неодушевлённых существительных по классам наблюдаются колебания и в литературном языке, и по диалектам. Например, в балхарском диалекте все женщины, независимо от социального положения и возраста входят в один класс с показателем *д-*.

Класс как словоизменительная категория

Класс как словоизменительная категория функционирует во многих частях речи, но глобальной, охватывающей все формы, она не является ни для одной части речи.

Среди непроемных глаголов различаются классные и неклассные глаголы, при этом неклассных глаголов значительно больше (около 130), чем классных (77) [5, 195–200]. Классные показатели выступают в основном префиксально (*лчлан*, *бучлан*, *дучлан* 'прийти'), в отдельных словах инфиксально (*цлавцлан*, *цларцлан* 'исцарапать') и конфиксально (*ливчлан*, *бивчлан*, *дирчлан* 'умереть'). Для глагола класс является не только синтаксической, но и морфологической, видообразующей категорией, охватывающей и неклассные глаголы глагольные дериваты перфектного вида, которые в этом случае становятся инфиксально-классными: *чичин* 'написать' (некл.) — *чивчуну* ('написав' I, III), *чирчуну* (II, IV). Здесь следует пояснить, что показатель III к. *б-* после гласных переходит в [в-] и совпадает с показателем I класса *в-*, который в абсолютном начале слова выпадает (нулевой показатель). Показатель II и IV классов в префиксальной позиции имеют варианты *д-* и *р-* (*дутан/рутан* 'накинуть'), а в инфиксальной позиции встречается в варианте *-р-* (*дуртун/руртун*). Таким образом, глагол оказывается наиболее насыщенной классными показателями частью речи. Будучи центром структурной схемы предложения (синтаксической конструкции предложения), глагол «притягивает» имя в абсолютиве в роли: единственного участника ситуации при непереходном глаголе, как в (1); в роли прямого объекта, как в (2); или восполняющего компонента (аналога объекта) при переходном неполнозначном глаголе, как в (3), и свою связь с «выбранными» членами маркирует классными показателями в собственной структуре: (1) *Ппу увкIунни* 'Отец пришёл' — *Нину дуркIунни* 'Мать пришла'; (2) *Буттал арс увциунни* 'Отец забрал сына' — *Буттал нину дурциунни* 'Отец забрал мать'; (3) *Буттал арсанн кумаг бувунни* 'Отец сыну помог (букв. помощь

сделал') — *Буттал арснай айь дурунни* 'Отец упрекнул (букв. упрёк сделал) сына'. Согласование классных форм глагола (и его дериватов) с именем в номинативе/абсолютиве в составе предложения и словосочетания может быть названо координативной связью.

Ориентированы на ядерный компонент предложения в абсолютиве и аффиксы **направительных падежей** (директивов) у существительных, наречий и послелогов с пространственными значениями. Аффиксы с классными показателями — *ай* (←**-вай*) для I, *-май* (←**-бай*) для III и *-най* (←**-дай*) для IV классов присоединяются к терминативам всех серий местных падежей (показатель **-н**). Например в серии адессива: *чирачIа* 'у стены' (эссив) → *чирачIан* 'к стене' (терминатив) → *чирачIанмай* 'в направлении к стене' (директив). Фразовые примеры:

(4) *Арс* (1 кл.) *буттачIан-ай* *ивзунни* 'Сын к отцу переехал' — *Душ* (3 кл.) *буттачIан-май* *бивзунни*. 'Дочь к отцу переехала' — *Нину* (2 кл.) *арсначIан-най* *дирзунни* 'Мать переехала к сыну'.

По этой же модели изменяются по классам и некоторые наречия на **-н** с временным значением типа *ахт-тайн* 'полуденное время', *кIюрххицIун* 'предутреннее время' и под. Напр.: *ахттайнай* (1 кл.) — *ахттайнмай* (3 кл.) — *ахттайннай* (2, 4 кл.).

В адвербиально-именной серии интер-эссива на **-в**, восходящим этимологически к классному показателю 1 кл., тот же аффикс директива представлен вариантами **-вай** (←**-в-вай*), **-пвай** (←**-б-бай*), **-рдай** (← *р-дай* ←*р-рай). Фразовые примеры:

(5) *ХIухчу* (1 кл.) *аривай* *авчунни* 'Чабан направился на равнину'. — *Ятту* (3 кл.) *арипнай* *бавчунни* 'Баранта на равнину направилась'. — *Арирдай* *гьараллу* (4 кл.) *дусса дур* 'Говорят, на равнине (в тех краях) дожди'.

По этой схеме образуются и формы **дейктических наречий** места, типа *шикку* 'здесь', *тикку* 'там' и под., напр.: *шиккун* 'сюда' — *шиккунай* /*шиккунмай* /*шиккуннай* 'сюда ближе'. См.: *Шиккунмай* *хьу* 'придвинься' (букв. сюда стань); *Тийнмай* *хьу* 'отодвинься' (букв. туда стань).

По классам изменяется и **клитика** *куна* /*кунма*/*кунна* в эквативных конструкциях, класс которого зависит не от формы имени, а от функции контролирующего имени. Сравнительные конструкции данного типа ещё недостаточно изучены, хотя в работе К. И. Казенина сделана попытка их описания (2, 282–287).

Изменяемые по классам формы имеют и **аффиксы** **-ва** /**-ра** и их фонетические варианты, выполняющие разные функции в составе словоформ разных частей речи.

В составе аналитических форм категории фазовости они выражают длительность процесса или состояния и функционируют в вариантах **-а** (1 кл.), **-ма** (3 кл.), **-на** (2, 4 кл.):

(6) *ОьрчI* (1 кл.) *чичлайна* *ур* 'Мальчик всё ещё пишет' — *Душ* (3 кл.) *чичлайнма* *бур* 'Девочка всё ещё пишет' — *Нину* (2 кл.) *чичлайнна* *дур* 'Мать всё ещё пишет'.

При редупликации начала глагола в сочетании с аффиксами **-ва** / **-ра** образуются экспрессивные формы с значением окончательности:

(7) *Чиура* (3 кл.) *лева-левкьунни* 'Стена всё же обвалилась' — *Кьатри* (4 кл.) *лера-леркьунни* 'Дом так и обрушился'.

Те же аффиксы, осложнённый союзной клитикой **-гу**, приобретают значение частиц *хоть*, *хоть бы*, *даже*. При этом энклитика **-вагу** /**-рагу** может сочетаться не только с глаголом, но и с другими членами предложения, фокусно выделяя их:

(8) *Вай* *гьарал кьарагу* *дагьайссания!* 'Этот дождь хоть бы перестал!' — *Гьараллигу* *кьадагьайссания!* 'Хоть бы дождь перестал!'

(9) *Муса* *жуннийн увагу* *кьаучIай* 'Муса даже не заходит к нам' — *Муса* *жуннийнвагу* *кьаучIай* 'Муса даже к нам не заходит'.

Как особый разряд возвратных местоимений выделяются личные местоимения с аффиксами **-ва**/**-ра** и их позиционными фонетическими вариантами: *нава* / *нара* 'я сам' — *жува* / *жура* 'мы сами'; *инава* / *инара* 'ты сам' — *зува* / *зура* 'вы сами'; *цыва* / *цуппа* / *цурда* 'он сам' — *цив* / *циппа* / *цирда* 'они сами'. Эти местоимения примечательны тем, что классное согласование у них связано с именем в абсолютиве в составе предложения, как показано в (10), в биноминативных конструкциях местоимение согласуется по смыслу — с субъектом или с прямым объектом, как в (11):

(10) *Муса* (1 кл.) *цыва* (1 кл.) *лавгунни* *кьутаннайн* 'Муса сам поехал на кутан' — *Мусал* *цанна* *кьатри* (4 кл.) *ларсунни* 'Муса себе дом купил' — *Мусахь* *цахьра* *дур* *арцу* (4 кл.) 'У Мусы у самого есть деньги' — *Мусал* *душ* *ца-чIанма* *бувицунни* 'Муса забрал дочку к себе' (подчёркнуты формы, с которыми в классе согласуется местоимение)

(11) *Муса* *цыва* *кьатри* *дуллай* *ур* 'Муса сам строит дом' — *Муса* *цанна* *кьатри* *дуллай* *ур* 'Муса себе строит дом'.

Во всех случаях, рассмотренных в данном разделе, классные показатели выполняют предикативную функцию, указывая на ядерный компонент предложения,

наиболее вовлечённый в действие, в процесс или являющийся носителем состояния. Они так или иначе сохраняются во всех трансформациях элементарных предложений — в зависимых клаузах сложного предложения и в простых глагольных словосочетаниях, например:

(12) *Ппу* (1 кл.) *шавай увкIунни* 'Отец вернулся домой' — *ппу шавай учIаву* (масдарная номинализация); *ппу шавай увкIшиву* (герундийная трансформация); *ппу шавай учIан* (*аьркинссар*) 'Отец (должен) вернуться домой' (инфинитивная трансформация); *шавай увкIсса ппу* 'домой вернувшийся отец' (причастный оборот); *ппу шавай увкIукун* 'когда отец вернётся домой' (конвербная трансформация) и т.д.

Классное согласование вне предложения, в **словосочетании**, в лакском языке ограничено.

Изменение по классам является морфологическим признаком почти всех разрядов **числительных**. Однако назвать эту связь согласованием в обычном смысле данного термина невозможно, так как числительное сочетается с существительными только в единственном числе: такие сочетания являются как бы слитными по смыслу, при этом роль показателя числа, а именно количества предметов, переходит к числительному, оно же обозначает и класс существительного. В роли классных показателей выступают: — (**й**)**а** для 1 класса, **-ва** для 3 класса и **-ра** для 2 и 4 классов: *кIия арс* 'два сына', *кIива души* 'две девочки', *кIира ссят* 'два часа'. Исконный показатель 1 класса **-ва** сохранился в южных диалектах (*кIива арс* кул.), после согласных [в] выпал (*шам* 'три', *мукья* 'четыре'), после гласных появился интервокальный [й] (*кIия* 'два', *ххюя* 'пять'). Исконный показатель 3 класса **-ба** сохранился в диалектах, а литературном языке интервокальный [б] переходит в [в]: *мукьва души* 'четыре девочки'. После [м] этот звук ассимилировался и пере-

шёл в [м]: *шамба* → *шамма* (орфогр. *шанма*). Исконный показатель 2 и 4 классов **-ра** в большинстве случаев сохранился, в диалектах после [л] и [н] он сохранился в варианте [д], а в литературном языке ассимилировался с предшествующим согласным: *арулла → *арулда* (диал.) → *арулла* (лит.) 'семь', *шамра → *шанда* (диал.) → *шанна* (лит.).

Среди исконных **прилагательных** только отдельные слова изменяются по классам. В одних случаях аффикс класса занимает префиксальную позицию (*бухсса* 'старый', *бучсса* 'упитанный, полный, жирный'), в отдельных слова — суффиксальную позицию (*хьунасса / хьунмасса / хьуннасса* 'большой'). Классные показатели сохраняются и в отглагольных прилагательных (*дяркьусса* 'холодный' ← *дякьин* 'остыть').

Прилагательные с выделительными суффиксами **-ма**, **-мур**, **-ми** всегда согласуются в классе с определяемыми именами и противопоставляют число (**-ми** мн. ч.), а в ед. ч. — класс мужчин всем остальным именам.

Учитывая, что суффиксы **-сса** и **-ма / -мур / -ми** являются средством атрибутивной трансформации других частей речи — падежных форм существительных и наречий, определять синтаксическую связь однозначно оказывается затруднительным. Например, связь определения и определяемого в сочетании *неххайхсса ламу* 'мост через речку' может быть определена как слабое управление, *неххайхмур ламу* 'тот мост, который через речку' включает и классно-числовое согласование. Такие и подобные случаи требуют специального изучения.

Таким образом, словоизменительная категория класса, кумулятивно выражающая и число, создаёт сложную и неоднозначную картину синтаксических связей в лакском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев И. Х. Категория грамматического класса и вопросы исторической морфологии лакского языка. — Махачкала. Дагестанский филиал АН СССР, ИИЯЛ, 1974. 218 с.
2. Казенин К. И. Синтаксис современного лакского языка. — Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, Изд. АЛЕФ, 2013. — 318 с.
3. Каяев Али. Грамматика лакского языка (на лак. яз.; перевод на русский язык Р. Г. Эльдаровой) — Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2009.
4. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. — Тбилиси, 1890.
5. Хайдаков С. М. Очерки по лакской диалектологии. — М.: Изд. «Наука», 1966. 245 с.
6. Эльдарова Р. Г. Синтаксис лакского языка. Ч. I. Виды синтаксических связей. Словосочетание. (На лак. языке). — Махачкала, ИПЦ ДГУ, 2008. 50с.

© Какваева Сабрина Бастаминовна (sabri82@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПАДЕЖНАЯ СИСТЕМА И ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Какваева Сабрина Бастаминовна

Дагестанский государственный медицинский
университет, г. Махачкала
sabri82@mail.ru

CASE SYSTEM AND TERMINOLOGY ISSUES IN LAK LANGUAGE

S. Kakvaeva

Summary. The article provides an overview of problematic issues related to the category of case and offers the option of systematization of cases and their typical names for the Lak language.

Keywords: Lak language, category of case, category of localization, affixes and clitics.

Аннотация. В статье даётся обзор проблемных вопросов, связанных с категорией падежа и предлагается вариант систематизации падежей и их типовых названий для лакского языка.

Ключевые слова: лакский язык, категория падежа, категория локализации, аффиксы и клитики.

Введение

Исследователи отмечают сложность падежной системы лакского языка. Так, П. К. Услар [6:16] отмечал наличие «около 50» падежей, Л. И. Жирков [2:35–37] в парадигме падежей указывает 40 форм, Г. Б. Муркелинский [5:128–134] в состав падежных форм не включил компаратив с показателем **-яр**. Разнобой у исследователей встречается не только в определении количества падежей, но и в их классификации, не всегда совпадает и терминология в инвентаризации падежей. На это обращает внимание и исследователь из Чикагского университета В. Фридман в работах по лакскому языку [7:40–56].

Все исследователи по дагестанским языкам, начиная с П. К. Услара, различают две группы падежей: 1) абстрактные, или грамматические; 2) местные, или пространственные. Пространственные падежи делятся на серии, возглавляемые падежом покоя и включающие образованные от него направительные падежи. Количество серий и входящих в них падежей разнятся по языкам.

В лакском языке П. К. Услар и Г. Б. Муркелинский отмечают наличие 6 серий местных падежей, а Л. И. Жирков выделяет 7-ую, неполную серию, в которой указывает только два падежа. Серии получают цифровую нумерацию, причём номера серий тоже не всегда совпадают. Так, серия постэссива Л. И. Жиркова представлена под номером III, а субэссива — под номером IV, а у Г. Б. Муркелинского порядок обратный. Может не совпадать и нумерация направительных падежей, входящих в каждую из серий. Всё это создаёт трудности в описании падежной системы дагестанских языков.

В типологических исследованиях современных лингвистов представлена компактная терминология для обо-

значения падежного инвентаря многопадежных языков, к которым относятся дагестанские языки, в том числе и лакский. В данном случае мы предлагаем свою классификацию падежей, основанную на трудах Е. А. Кибрика [3:196–204] и его школы по описанию дагестанских языков. Современной терминологией пользуется и М. Халилов [4:235–268] в описании бежтинского языка.

Прежде всего следует отметить, что падежное словоизменение в лакском языке, как и в других дагестанских языках, свойственно не только именам, но и другим классам слов, в частности послелогам, пространственным наречиям, конвербам с пространственными значениями. Труднее всего отличить имя и наречие, когда они имеют общую прямую основу и выражают одни и те же синтаксические отношения — являются обстоятельствами места. Так, форма *къатлуву* 'в комнате' и *ппалав* 'в хлеву' выполняют одну синтаксическую функцию. Но первая форма является падежной формой имени, образованной от косвенной основы *къатлу-*, во всех падежах равной самой себе: *къат-лу-л ч Лира* 'стена комнаты' (генитив), *къат-лу-х урган* 'посмотреть за домом' (постэссив) и т.д. Форма *ппалав*, которую мы определяем как интерэссив, образована не от косвенной основы, как, например, в формах генитива *ппал-ни-л* (*ппалнил ч Лира* 'стена хлева') или *ппални-х* (*ппалних урган* 'посмотреть за хлевом'), а от прямой основы *ппал* с огласовкой перед падежным аффиксом: *ппал-ав* (совмещает значения 'в хлеву' и 'в хлев'), *ппал-ах* 'через хлев'. То есть, грамматические падежи противопоставлены пространственным. В этом случае слово совмещает в себе значения имени и наречия.

Падеж следует различать и от других смежных форм. Например, форму с аффиксом **-яр** Л. И. Жирков отнёс к падежной форме (сравнительный падеж), а Г. Б. Мурке-

линский его падежом не считает. В данном случае прав Л. И. Жирков, поскольку компаратив с аффиксом **-яр** образуется от косвенных основ имён, как и другие падежи: *арс-на-л гьалмахчу* 'друг сына', *арс-на-яр душ Чивиссар* 'чем сын дочь моложе'. Однако следует отметить, что чаще употребляется в этом значении клитика **-нияр**, которая может присоединяться не только к любой падежной форме имён, но и к наречиям, отдельным глагольным формам и т.д. К клитикам следует отнести и неавтономные единицы наподобие *кунма* (*укунма*) 'как' и *-ксса* (*-уксса*) 'величиной с' с эквативным значением, первый из которых изменяется и по классам.

Трудность в определении части речи связана и с тем, что любая падежная форма в препозиции к имени приобретает атрибутивное значение. Такая трансформация сопровождается суффиксами **-сса** и **-мур** (**-ма**, **-ми**): *вацЛувух нан* 'идти через лес' — *вацЛувухсса ххуллу* 'дорога через лес', *вацЛувухмур ххуллу* 'та дорога, что через лес'. Падежная форма приобретает атрибутивное значение в препозиции к имени и без атрибутивных суффиксов: *бакЛуи маци* 'на горе хутор', *вилаххав душман* 'враг в очаге' (т.е. у себя дома). Такое употребление свойственно постоянным определениям в устойчивых выражениях или составных наименованиях. В таких конструкциях затруднено и определение типа синтаксической связи. Эти вопросы или не ставятся, или находят упрощённое решение, подведённые под нормы русского языка.

Учитывая все названные сложности и проблемы, мы предлагаем свой вариант систематизации падежей и их типовых названий для лакского языка.

Грамматические падежи. Грамматическими мы называем падежи, кодирующие синтаксические отношения, не связанные с категорией локализации. Мы их не делим на ядерные и периферийные, поскольку не ясны критерии такого деления [3:197–199].

Главным, основным падежом всей падежной системы лакского языка следует признать *номинатив*: 1) он является основным средством номинации предметных имён; 2) у него нет формального показателя (нулевой падежный аффикс); 3) он является контролёром личного и классного согласования в составе элементарного предложения (клаузы).

Второй по значимости падеж — *эргатив /генитив* с аффиксом **-л**. Мы считаем, что исторически — это разные падежи. Показатель *генитива -л* является исконным, поскольку отмечен в этом же значении и в других дагестанских языках: **-л** в аварском (*вас* 'сын' — *васас-ул*), **-ла** в даргинском (*халкъ* 'люди' — *халкъ-ла*). Аффикс *эргатива -л* может быть рефлексом латераль-

ного <кь>, перешедшего в лакском в <л>. В аварском языке данный латеральный согласный является показателем субэссива, который семантически вполне совмещается со значением эргатива — «тот участник, который подчиняет, контролирует ситуацию». Разные по происхождению показатели совпали, и два разных падежа стали восприниматься как один падеж. Значимость эргатива-генитива заключается и в том, что от его основы образуются все остальные падежи.

Третий самостоятельный, не сериальный падеж — *датель*, показатель падежа **-н**. Данный показатель интересен тем, что он присутствует в лативах (и аллативах) всех серий, он является и показателем инфинитив — целевой формы глагола.

Остальные падежи являются сериальными. Но серия *поссессива* (локализация POSS), в отличие от других шести серий, не связана с локализацией и включает только три формы: *поссессив*, *аблатив* и *датель II*. Общим показателем серии является аффикс *поссессива -хь* (<хьхь <лъя>), *аблатив* имеет аффикс **-ща** (<хьхья <лъя>), аффикс *датель II* — **хьхьун** (<лъяун>). Основные (первичные) значения падежей могут проиллюстрировать следующие примеры:

- (1) *Душнихь лу бур* 'У девочки книга есть' (обладание)
- (2) *Душнища лу ласи* 'Забери книгу у девочки' (отчуждение)
- (3) *Душнихьхьун лу була* 'Дай девочке книгу' (не в собственности)

К этой серии примыкает *комитатив* с показателем **-цал**, который материально состоит как бы из показателя аблатива и генитива. Эти четыре падежа Г. Б. Муркелинским названы промежуточными, поскольку по значению они являются грамматическими, а по образованию сходны с местными падежами.

Анализируя пространственные падежи, Е. А. Кибрик [3:201] выделяет категорию локализации и категорию направления. В категории локализации в лакском языке выделяются 6 серий, которые мы называем по падежу покоя — эссиву. В этом случае нумерация серий существенной роли не играет. Мы их располагаем по близости к грамматическим падежам, т.е. по наличию у них, помимо локативных, и субъектно-объектных значений. Это следующие серии:

В каждую серию входит, кроме эссива, ещё четыре направительных падежа.

Все пространственные падежи (их формообразовательные аффиксы) представлены в следующей таблице:

Примечания к таблице 3.

Таблица 1. Локализация

№№	Серия	Отношение к ориентиру	Показатель
I	суперэссива	«на ориентиру»	-й
II	<i>постэссива</i>	«за, позади ориентира»	-х
III	контэссива	«у, вплотную к ориентиру»	-ц1
IV	инессива	«в, внутри ориентира»	-ву
V	адессива	«у, около ориентира»	-ч1а
VI	субэссива	«под ориентиром»	-лу

Таблица 2. Направительные падежи

№№	Падеж	Направление	Показатель
1	аблатив	от ориентира	-а(ту)
2	транслатив	по ориентиру	-х
3	латив	к ориентиру	-н
4	аллатив	в сторону ориентира	-най/-нмай/-ннай

Таблица 3. Пространственные падежи

	-эссив	-аблатив	-транслатив	-латив	-аллатив
Супер-	-й	-йа(ту)	-йх	-йн	-йнмай
Пост-	-х	-ха (ту)	-хух	-хун	-хунмай
Конт-	-ц1	-ц1а (ту)	-ц1ух	-ц1ун	-ц1унмай
Ин-	-ву	-ва (ту)	-вух	-вун	-вунмай
Ад-	-ч1а	-ч1ату	(-ч1ах)	-ч1ан	-ч1анмай
Суб-	-лу	-ла (ту)	-лух	-лун	-лунмай

Таблица 4. Сравнительная таблица падежей серий итерэссива и инессива (кърур 'поле', вац1а 'лес')

	-эссив	-аблатив	-транслатив	-латив	-аллатив
Интер-	къруру в	кърурату	къруру х	къруру в(н)	къруру птай
Ин-	вац1лу ву	вац1лу вату	вац1лу вух	вац1лу вун	вац1лу вунмай

1. Название конкретной падежной формы образуется путём сложения названия локализации и падежа: *ч1ирай* 'на стене' (суперэссив), *ч1ирая* 'со стены' (супераблатив), *ч1ирайх* 'по стене' (супертранслатив), *ч1ирайн* 'на стену' (суперлатив), *ч1ирайнмай* 'в сторону стены' (супераллатив) и т.д.
2. Падежи первых трёх серий употребляются и в значении грамматических падежей: *дуснай язухъ хьун* 'пожалеть друга', *дусная чагъар бу-ч1ан* 'получить письмо от друга', *дуснайх рицун* 'ударить друга', *дуснайн чагъар чичин* 'написать письмо другу' и т.д.
3. Падежи аллатива всех серий имеют в основном адвербиальные значения. Но способ их образования от косвенной основы (основы генитива)

позволяет включить эти формы в состав именного склонения.

4. Аффикс аблатива имеет варианты *-а /-ату* во всех сериях, кроме серии адессива. В современном литературном языке вариант *-ату* встречается редко.
5. Транслатив имеет редко встречающиеся варианты *-хч1ил /-хчил /-хчин*, которые, как нам представляется, обозначают альтернативный маршрут, часто в сочетании с деепричастием *хьуну* (здесь: 'став на путь') *зунттавухчил хьуну був-к1ру* 'пришли (добрались) через горы'.
6. Адтранслатив (показатель *-ч1ах*) в литературном языке не употребляется, его заменяет послеложная конструкция: *ч1ирач1ах >ч1ирал ч1арах* 'вдоль стены (пройти)'.

Проблема серии интерэссива. В состав локативных серий может быть включена серия *интерэссива* с аффиксом –в, который этимологически представляет собой классный показатель 1 класса. В литературе отмечено наличие классных локативов и в других дагестанских языках (аварском, даргинском). В современном лакском этот падеж перестал изменяться по классам и «застыл» в форме 1 класса. Однако в отдельных словах следы бывшего классного показателя сохранились, например, *хъурдаккаву* ‘день первой борозды’ (вынос в поле плуга — *хъарас* ‘плуг’ IV кл.). Формы классных локативов сохранились и в балхарском диалекте: *къуруб* (I и II кл.), *къуруп* (II и IV кл.) ‘в поле’ [1,61]. Поэтому считать показатель –в редуцированным вариантом аффикса инессива –ву оснований нет, к тому же он отсутствует в других падежах этой серии (см. табл. 4)

Комментарий к Таблице 4.:

1. У серии интерэссива в литературном языке совпадают формы эссива и латива (*Къурув дюхлу дур* ‘В поле прохладно’ — *Нину къурув ларгунни* ‘Мать пошла в поле’).
2. Формы аллатива различаются фонетическими вариантами классных показателей:
 у интераллатива: *къурувай* I (<*къуруввай), *къурурдай* II, IV (< * къуррай), *къурупнай* III (< *къуруббай);
 у иналлатива: *вац1лувунай* I (<*вац1лувунвай), *вац1лувуннай* II, IV (< вац1лувундай < * вац1лувунрай), *вац1лувунмай* III (< *вац1лувунбай).
3. Серия интерэссива больше тяготеет к адвербиальному типу склонения, по которому изменяются послелогии, некоторые наречия и отдельные разряды существительных, обозначающих пространственные концепты, типа *хъу* ‘поле’, *ар* ‘плоскость’, *гъан* ‘склон’ и некоторые другие.

Эта серия не является сугубо именной, будучи общей для послелогов и некоторых пространственных наречий.

Внесистемные падежи. Некоторые падежи по своему образованию не входят в состав ядерных субъектно-объектных падежей, они не входят и в состав сериальных падежей. Они образованы как бы путём сложения аффиксов разных падежей или других частей речи. К таким падежам могут быть отнесены следующие падежи:

1. *комитатив*, аффикс которого –**щал** включает десемантизированные элементы аблатива –**ща** и аффикс генитива –**л** (дуснащал хъунаакьин ‘встретиться с другом’);

2. *пермутатив* с показателем –**хлу** (–х является показателем серии постэссива и транслатива всех серий; –**лу** — сериальный показатель субэссива); но форма не имеет семантической связи с этими показателями (*усттарнахлу зун* ‘работать вместе мастера’);
3. *инструменталь* (орудный падеж по Г.Б. Муркелинскому) с показателем –**йну**, в составе которого –**й** совпадает с показателем суперэссива, а суффикс –**ну** является категориальным суффиксом наречий образа действия и перфектных деепричастий.
4. *компаратив* с показателем –**яр**, если форма образована от косвенной основы имени (*арсна-яр души ч1ивиссар* ‘дочь моложе сына’).
5. *вокатив* с показателем –**й** образуется только от номинатива имён с гласным исходом (*Пат1умай! Омарий!*)

Таким образом, в лакском языке можно отметить наличие 45 падежных форм. При этом некоторые формы имеют вариативные аффиксы (–**а/-ату**; –**х / -хчил**), а другие, как вокатив, являются ущербными. Формы с клитиками, как и трансформы падежных форм (атрибутивизация, адвербиализация) требуют особого рассмотрения.

Терминологическая определённости номенклатуры падежного инвентаря позволит непротиворечивому описанию синтаксиса лакского языка, учитывая, что каждая из падежных форм, как правило, имеет несколько значений. А многие из пространственных падежей выражают и субъектно-объектные отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев И. Х. Лакский язык в историко-сравнительном освещении. Морфология. — Махачкала, ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2010. — 368с.
2. Жирков Л. И. Лакский язык. Фонетика и морфология. — М.: 1955. — 160 с.
3. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. — Санкт-Петербург:
4. Комри Б., Халилов М., Халилова З. Грамматика бежтинского языка. — Лейпциг-Махачкала, 2015–655 с.
5. Муркелинский Г. Б. Грамматика лакского языка. Ч. I. (Фонетика и морфология) — Махачкала: Даучпедгиз, 1971
6. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. — Тифлис, 1890.
7. Фридман В. Очерки лакского языка. — Махачкала, 2011–168.

АЛЛЮЗИВНЫЕ ОТСЫЛКИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ МАССМЕДИА ГЕРМАНИИ

EXPRESSIVE FUNCTION OF PRECEDENT STATEMENTS IN POLITICAL TEXTS IN MEDIA SOURCES OF GERMANY

I. Karpunina

Summary. This study belongs to the analysis of allusions in political media texts of modern Germany, where the sources are precedent phenomena. This study is exemplified in German based on the analytical-descriptive method, the method of continuous sampling of material. Allusions are represented as a mark of a text category of intertextuality. Allusions play an important role in political media discourse, creating a special semantic level by virtue of language game.

Keywords: intertextuality, precedent phenomena, precedent statement, allusion, political media discourse.

Карпунина Ирина Владимировна

Аспирант, Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
petrovairina0@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу аллюзивных отсылок в политических текстах массмедиа современной Германии, источником которых являются явления прецедентности. Анализ проведен на материале немецкого языка с использованием аналитико-описательного метода и метода сплошной выборки. Аллюзии представляют собой проявление текстовой категории интертекстуальности. Аллюзии играют важную роль в политическом медиадискурсе, создавая особый смысловой уровень посредством языковой игры.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентность, прецедентное высказывание, аллюзия, политический медиадискурс.

Аллюзия представляет собой широкое понятие, до сих пор не имеющее точного определения, что, однако, не умаляет значимости упомянутого явления в сфере когнитивной лингвистики и в изучении проблем интертекстуальности.

В широком смысле слова под аллюзией принято понимать стилистическую фигуру, выражение, намек посредством сходнозвучающего слова или упоминания общеизвестного факта [2, с. 28], осуществляющийся посредством слов или словосочетаний, значение которых ассоциируется с определенным лицом или событием. [3, с. 35]. В газетно-публицистическом стиле, представляющем интерес для данного анализа, встречаются разные виды аллюзии: 1) литературные цитаты; 2) трансформация высказываний известных людей; 3) библеизмы; 4) цитаты из популярных песен; 5) трансформированные названия фильмов и цитаты из них; 6) трансформированные крылатые выражения; 7) трансформированные названия произведений искусства [2, с. 28].

Представляется необходимым отметить широкое употребление аллюзий в публицистических текстах, что объясняется особенностями публицистического стиля. Во-первых, для данного стиля характерна одновременная реализация информативной и экспрессивной функции, что обуславливает частотность использования разнообразных стилистических фигур. Во-вторых, при большом количестве разнообразной информации авто-

ру требуется привлечь внимание читателя, что зачастую достигается при помощи использования аллюзий [5].

По мнению И.Р. Гальперина, аллюзия является «литературным актом ссылки на любой ранее существовавший текст, предусматривающий наличие фоновых знаний об этом у читателя и вызывает у него соответствующие ассоциации» [1, с. 80]. Аллюзия выступает как средство реализации интертекстуальных связей, умышленное употребление которой всегда носит определенную стилистическую функцию. Подвергаясь структурным и качественным изменениям, интертекстуальные включения зачастую проявляются и функционируют в тексте в виде аллюзий, которые в свою очередь, как риторические приемы создания подтекста, играют значимую роль в текстах современных СМИ, создавая особый смысловой уровень, и служат одним из средств реализации медиадискурса [4].

Рассмотрим некоторые особенности употребления аллюзий в политических текстах массмедиа.

«И эта стена должна пасть!» — пишет Дитмар Вайдке, немецкий политик, в твиттере социал-демократической партии Германии:

«Wir haben seit 30 Jahren eine Rentenmauer in Deutschland. Auch diese Mauer muss fallen», so Dietmar #Woidke. [9]. / «У нас в Германии уже 30 лет пенсионная

стена. И она должна пасть!», Дитмар Войдке» (здесь и далее перевод наш — И.В.).

Прецедентное высказывание является аллюзией к известному высказыванию Вилли Брандта: «Berlin wird leben und die Mauer wird fallen» / «Берлин будет жить, стена падёт». В твиттере Войдке речь идет о размере пенсионных выплат. Минимальный размер пенсии сравнивается автором со стеной, которую правительство должно преодолеть. Берлинская стена между ГДР и ФРГ в данном контексте символизирует экономические ограничения, которые, по мнению политика, должны рухнуть как стена под напором грядущих изменений.

Интересным представляется рассмотрение вопросов демократии и идентичности на примере музыкального клипа «Deutschland» группы Rammstein, вышедшего 28 марта 2019 года и характеризующийся критиками как политический. В тексте композиции прослеживается аллюзия — «Deutschland über allen» / «Германия превыше всех» на первую строфу «Песни немцев», написанную Гофманом фон Фаллерслебеном в 1841 году «Deutschland über alles» / «Германия превыше всего». Песня, состоявшая из трех строф, стала гимном Веймарской республики. В Третьем рейхе исполнялась только его первая строфа, сразу после которой пелась песня Хорста Весселя. Сразу после 1945 года ОФИЦИАЛЬНОЕ исполнение песни было запрещено. Однако в 1952 году было принято решение, согласно которому «песня немцев» официально оставалась гимном ФРГ, но во время официальных мероприятий исполнялась лишь третья строфа. наконец после объединения Германии именно эта строфа была официально признана гимном страны.

Провокационный и неоднозначный клип группы, наполненный отсылками к различным периодам немецкой истории, вызвал бурный общественный резонанс и множество обсуждений в таких издательствах как Zeit Online, Focus, Spiegel online и т.д. Уполномоченный федерального правительства по вопросам антисемитизма Феликс Кляйн заявил в интервью издательству Bild, что группа перешла черту, «безвкусо воспользовавшись свободой творчества». Той же точки зрения придерживается и бывшая глава Центрального совета евреев в Германии Шарлотта Кноблех [6]. Иное мнение высказывает обозреватель Филипп Лютер в журнале Focus-Online — композиция позволяет проникнуть в немецкую душу, разрывающуюся между презрением к себе и своей истории и необходимостью создать идентичность на основе этой истории [7].

Посыл, заложенный в композиции и непосредственно в аллюзии «Deutschland über allen» не может быть однозначно проинтерпретирован.

«Über allen» — «над всеми» в историческом контексте нового тысячелетия приобретает прямо противоположный смысл по отношению к хрестоматийной строке. «над всеми» означает оторванность, отрешенность Германии от своих граждан, о чем свидетельствует сопровождающийся видеоряд, а также морфология припева — ряд слов с компонентом «über». Несмотря на неоднозначность трактовки, клип побуждает зрителя к размышлениям о будущем Германии, находящейся на распутье.

Правильная расстановка приоритетов в пользу ключевых принципов демократии будет играть определяющую роль на пути к успеху. Согласно уставу старейшей немецкой партии, входящей в данный момент в состав правящей коалиции — Социал-демократической партии Германии (СДПГ), такими принципами являются: мир, свобода, справедливость, солидарность, равенство, защита окружающей среды [8]. В критической статье немецкого журналиста и юриста Хериберта Прантла, возглавляющего отдел внутренней политики издания Süddeutsche Zeitung СДПГ рассматривается в прошлом, со времен ее основания, и в настоящем. Социал-демократия изменилась, как утверждает автор статьи, она ослабела, не предлагает новых идей и новых подходов к решению остро стоящих проблем, что в условиях современного мира представляется крайне важным. Популярность СДПГ в последние годы неуклонно падает, о чем свидетельствуют результаты федеральных и региональных выборов. По мнению Прантла, ценностные установки больше не играют значимой роли для партии, в последнее время сосредоточившейся на предпринимательских вопросах больше, нежели чем на принципах социальной справедливости: «Vom Vertrauen ins «Spiel der Marktkräfte»/ «От доверия до «Игры рынков» [10]. «Игра рынков» — трансформированное ПВ с заменой компонента является аллюзией на название популярного американского телесериала «Игра престолов», основанного на цикле романов «Песнь Льда и Огня» Джорджа Р.Р. Мартина. Автор статьи указывает на ошибочность выбранного партией пути, где новым принципом стало — «больше рынка, меньше государства, меньше демократии», что означает отказ от важнейших социал-демократических установок. Политика все больше превращается в экономическую игру с всевозможными хитросплетениями, в то время как Германии и Европе нужна партия, способная на решительные изменения в пользу социальной справедливости, свободы и равенства.

Использование различных тропов и фигур речи, таких как аллюзии, позволяет достичь одновременно лаконичности и экспрессивности, что несомненно важно для языка СМИ, где необходимо привлечение и удержание внимания читателя. Основной для построения аллюзий могут являться прецедентные феномены, что характеризует аллюзию как средство реализации явления интертекстуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
2. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
3. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Наука, 2003. 840 с.
4. Онищенко О. В. Функционирование аллюзий, реминисценций и прецедентных феноменов в текстах русскоязычных СМИ // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2010. № 2с. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-allyuziy-reminisentsiy-i-pretседentnyh-fenomenov-v-tekstah-russkojazychnyh-smi> (дата обращения: 20.06.2019).
5. Таран Н.М., Давиденко С. С. Аллюзии в современных публицистических текстах: на материале газет «Stern» и «Focus» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/allyuzii-v-sovremennyh-publitsisticheskikh-tekstah-na-materiale-gazet-stern-i-focus> (дата обращения: 27.06.2019).
6. Bild [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bild.de/unterhaltung/leute/leute/rammstein-schockt-mit-kz-video-darf-man-die-nazi-zeit-fuer-prbenutzen-60907904.bild.html> (дата обращения 15.04.2019).
7. Focus-Online [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.focus.de/kultur/musik/neue-single-skandal-video-deutschland-rammstein-steigen-hinab-in-die-deutsche-seele_id_10521514.html (дата обращения 25.04.2019).
8. SPD [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.spd.de/> (дата обращения 30.04.2019).
9. SPD Parteivorstand Twitter [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://twitter.com/spdde> (дата обращения 30.04.2019).
10. Süddeutsche Zeitung [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sueddeutsche.de/politik/prantl-spd-1.4369304> (дата обращения 30.04.2019).

© Карпунина Ирина Владимировна (petrovairina0@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОЦЕНТРИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ В ИЗУЧЕНИИ ТЕКСТА: ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

ON THE ISSUE OF LINGUOCENTRIC APPROACH TO THE STUDY OF THE TEXT: THE TEXT AS A UNIT OF LANGUAGE

C. Kerimova

Summary. A text-centric approach is used in studying intra-text integration, (since the text is understood as an autonomous structural-semantic whole without correlation with the participants of literary communication); and in the study of intertextual integration, an anthropocentric approach is used (since here the correlation "author — text — reader" is important). Engaging the reader in the narrative as an observer, and sometimes as an "accomplice," is an interpersonal function of the language (hidden form). The text function, integrating the entire work, can unite two parallel messages in one piece. The text function is implemented through thematic and informational structures and corresponding cohesive relations.

Keywords: text, integration, reader, subject, information, structure, linguistics, language units.

Керимова Чимназ Эльдар гызы
Бакинский славянский университет
bitkovskayay@inbox.ru

Аннотация. При изучении внутритекстовой интеграции используется текстоцентрический подход (поскольку текст понимается как автономное структурно-смысловое целое вне соотнесённости с участниками языковой коммуникации); а при изучении межтекстовой интеграции используется антропоцентрический подход (поскольку здесь важна соотнесённость «автор — текст — читатель»). Вовлечение читателя в повествование как наблюдателя, а иногда и как «соучастника», реализует межличностную функцию языка. Текстовая функция, интегрируя всё произведение, может соединить в одно целое два параллельно идущих сообщения. Текстовая функция реализуется через тематическую и информационную структуры и соответствующие когезивные отношения.

Ключевые слова: текст, интеграция, читатель, тематика, информация, структура, лингвистика, языковые единицы.

На протяжении всего XIX и в начале XX века лингвистов интересовал не текст, а его отдельные единицы, структуры, на основании которых возможно построение текста. Постепенно лингвисты поднимали проблему «зависимости значения установленных языковых единиц от контекста их функционирования» [6, с. 212] и, таким образом, вновь пришли к необходимости обращения к тексту. Во второй половине XX века лингвисты признали текст не только как речевое произведение или материал для лингвистического анализа, но и как единицу языка, объект лингвистики текста. *Текст является коммуникативной единицей*, и, поэтому лингвистический анализ текста выявляет зависимость выбора определённых языковых средств участников коммуникации от своего коммуникативного намерения.

Основной целью данной статьи является выявление роли языковых функций в интеграции и целостности текста, определение роли отдельных единиц языка в конституировании следующих атрибутов текста: структуры, средств интеграции, информативности и целостности текста.

Сущность процесса интеграции состоит в объединении частей текста с целью достижения его смысловой целостности, которая осуществляется различными

формами связи. Говоря о целостности, мы имеем в виду смысловые, эстетические, прагматические характеристики текста в отличие от связности, рассматриваемой как лингвистическая категория.

В языкознании активно разрабатывается проблема соотношения сложного синтаксического целого с другими единицами языка и речи — предложением, высказыванием и абзацем. Сложные синтаксические целые эффективно выделяются в крупных текстах. Крупный текст дает возможность более четко выделить смысловые блоки, которые имеются в составе текста.

Основная форма существования дискурса — текст, представляющий специфическую картину мира; дискурс не текст, но выражается в тексте как результат коммуникативного акта и как сам коммуникативный акт. Дискурс — это актуально произнесенный текст, текст же — абстрактная грамматическая структура произнесенного.

Повтор единиц языка является средством интеграции и целостности текста. Коммуникативно-прагматическая значимость повтора единиц языка как средства когезии текста подтверждается выходом их функционирования за пределы единичного сверхфразового единства и использованием их как средства тематического,

образного, эмоционально-экспрессивного объединения цепочки сверхфразовых единств (т.е. последовательно расположенных СФЕ) в тематический блок.

Изучение интеграции как процесса предполагает установление связей между отдельными текстовыми единствами. Исследование результата процесса интеграции предполагает рассмотрение всего текста в целом, изучения понятия единства текста. Описание интеграции как особого свойства текста предполагает изучение грамматической категории текста.

Исследование настоящей темы является актуальным, так как проблемы *интеграции* текста непосредственно связаны с вопросами организации связной речи, обеспечивающей *коммуникативную* функцию языка. Текст — основная единица общения и его функционирование зависит от завершенности и ограниченности, на основе которых стоит некая упорядоченность, созданная семантическим путем.

Возникновению лингвистики текста как отдельной науки способствовали следующие причины. Лингвистическая или же внутренняя причина состояла в невозможности интерпретации некоторых языковых явлений на основе традиционной лингвистики, направленной на анализ предложения.

Термин «текст» имеет множество разных определений: лингвистических, литературоведческих, психологических, семиотических и т.д. Неоднозначность этих определений текста связана со сложностью и многомерностью самого текста.

В основание классификации текстов ставятся самые разные признаки: структурные, коммуникативные, содержательные и др. Это еще раз доказывает разнообразие текстов и объясняет трудность формулирования определения текста.

По общепринятому мнению, текст — чрезвычайно сложное, много — компонентное и глубоко расчлененное, в высокой степени дифференцированное образование [2, с. 3].

А. В. Бондарко отмечает, что «это семантически целое, элементами которого являются взаимодействующие речевые реализации языковых (лексических и грамматических) значений, выраженных средствами данного языка» [1, с. 5]. Таким образом, делаем вывод о том, что план содержания текста можно сопоставить с означаемыми других низших единиц языка. Семантическая структура текста обусловлена изменениями конкретных языковых значений в речи, выраженных конкретными формальными средствами.

Только текст дает возможность адекватно и однозначно осмыслить предложение, именно поэтому важно выделять на синтаксическом уровне и текстовый уровень.

Курс лекций можно привести как пример синтагматических отношений. Текст — основной компонент лекции, которой свойственны самостоятельность и завершенность. Она в свою очередь является составной частью крупного единства и вносит свой смысл в общую информацию. Через лексические повторы все лекции связаны друг с другом. Но она сохраняет свою самостоятельность по структуре и по содержанию.

Выявление инварианта и варианта, позволяет выделить абстрактную языковую единицу — тексту, которая выражается в речи в виде текста. В. А. Пичальникова и А. Г. Сонин отмечают следующие свойства текста: «когезия — это формальная синтаксическая связность языковых единиц, входящих в текст; когерентность — содержательная (семантическая) цельность текста или же согласованное протекание семантических, грамматических и коммуникативных процессов; информативность — соотносённость с определённым фрагментом окружающего мира» [6, с. 224] и т.д.

Некоторые ученые называют предложение коммуникативной единицей, но в аспекте общения предложение не самостоятельно (исключение представляет тот случай, когда предложение составляет законченный текст, как, например, имеет место быть в текстах резолюции: 1 предложение=1 текст).

Поэтому настоящей единицей коммуникации выступает текст. Если предложение связано с представляемым в ней референтом (фрагментом мира), то текст связан с коммуникативной ситуацией в целом и с её участниками — адресантом и адресатом, с их мотивами вступления в коммуникацию, с отношениями между ними и целым рядом других факторов.

Сказанное можно обобщить следующим образом:

Предложение — минимальная предикативная единица.

Текст — минимальная целостная коммуникативная единица [6, с. 222].

Итак, во второй половине XX века лингвисты признали текст не только как речевое произведение или материал для лингвистического анализа, но и как единицу языка, объект лингвистики текста. Лингвистический анализ текста выявляет зависимость выбора определённых языковых средств участников коммуникации от своего коммуникативного намерения.

Если рассматривать язык как средство коммуникации и как средство, с помощью которого мысль определяет межъязыковые соответствия, то текст можно считать, конечным продуктом этого процесса. Иными словами, «речь идёт о текстовой компетенции носителя языка, его способности создавать текст. В процессе конструкции текста носитель языка выбирает из своей языковой памяти сочетание средств, с помощью которых он строит цепочку речевых высказываний, обладающих содержанием, что, в свою очередь должно обеспечить передачу заранее предполагаемого сообщения. Средства же языка — слова и различные синтаксические конструкции — играют роль носителей семантических отношений в тексте, то есть «смысловой полноты» [4, с. 94–95]. В каждом высказывании они выбираются и организовываются таким образом, чтобы при интерпретации их смыслов по отношению друг к другу и к реалиям, на которые они указывают, адресант и адресат, обладающие лингвистическими и фоновыми знаниями, могли воспринять передаваемую информацию. Эта информация не тождественна обычной совокупности «смысловых полнот», из которых состоит текст.

Адресат текста воспринимает информацию, с помощью которой интерпретируются смысловые языковые единицы. Эти языковые единицы составляют высказывание. Данная информация зависит от языковых средств, носит обобщающий, абстрактный характер и описывает типологическую ситуацию, которая может существовать во многих других вариантах.

Но возможны отдельные примеры понимания содержания целых текстов в процессе реальных контактов лишь на самом высоком поверхностном уровне восприятия. «Глубина» восприятия передаваемой информации во время общения различна для разных коммуникантов, некоторые из них могут быть удовлетворены общим языковым содержанием высказывания. В этом отношении уместен просто взаимный обмен между адресантом и адресатом с целью реализации коммуникативной функции в речи.

Отсутствие важных языковых или фоновых знаний лишает участников коммуникации возможности сравнить и верно интерпретировать «смысловые полноты», поэтому языковая информация, содержание высказывания или не воспринимается или же воспринимается частично. Текст же, соответствующий нормам употребления языковых единиц в речи будет всегда понятен, и таким образом, имеется возможность для интерпретации его содержания и восприятия.

Первый слой «глубинной» смысловой структуры — это и есть языковое содержание текста. Первый слой «глубинной» смысловой структуры, обычно, включает

в себя маленькую и не совсем важную часть общей информации, которая заключена в тексте.

Языковое содержание текста может самостоятельно выражать некоторые коммуникативные функции, но его главная роль в речевом контексте состоит во взаимной связи этого описания типологической ситуации с конкретными внетекстовыми объектами.

Каждое высказывание в рамках того или иного текста входит в единый контекст. Этот контекст бывает связан с такими же контекстами других высказываний, таким образом, каждое высказывание превращается в действительное речевое высказывание, то есть текстовую единицу. В этом случае «смысловые полноты», составляющие содержание высказывания, дополнительно интерпретируются в отношении конкретных мыслительных предметов.

Актуализация языковых единиц в этом направлении значительно расширяет и обогащает информацию, которую могут выбирать коммуниканты из отдельных высказываний и текста в целом.

Начиная с 60-х годов XX века лингвистика текста носила формальный характер. Основными направлениями были: «изучение способов связности текста; изучение методов передачи кореференции лица и предмета (анафорические структуры, прономинализация, лексические повторы, видо-временные цепочки); в соответствии с актуальным членением предложения выделение темы и ремы» [3, с. 267]; «изучение актуализационных категорий высказывания в их отношении к актуализационным категориальным признакам целостного текста (это такие признаки, как: темпоральность, персональность, модальность и временная локализованность и под.)» [1, с. 6]; «изучение текстуально обусловленной просодии (интонации), анализ использования служебных слов как маркеров структуры текста» [6, с. 223].

Рассматривая различные аспекты взаимодействия компонентов текста друг с другом в процессе передачи текстовой информации, мы имеем дело с категорией когезии. При исследовании функции компонентов текста в раскрытии его единства мы имеем дело с категорией интеграции. Тем самым можно сделать вывод, что в категории когезии воплощена процессуальность текста, в категории интеграции — процесс и его результативность (целостность).

Сущность процесса интеграции состоит в объединении частей текста с целью достижения его смысловой целостности, которая осуществляется различными формами связи. Говоря о целостности, мы имеем в виду смысловые, эстетические, прагматические характери-

стики текста в отличие от связности, рассматриваемой как лингвистическая категория, включающая в себя определённый арсенал языковых средств. Немаловажная роль в создании внутрисегментной и сверхсегментной интегрированности текстовых фрагментов принадлежит повтору и синонимии фразеологических единиц, действующему на уровне сверхфразовых единств.

Функции отдельных частей текста: Название (заголовок) — выражает в имплицитной и сжатой форме содержательно-концептуальную информацию. Пролог (предисловие/введение) обладает ретроспективной и проспективной направленностью. Интегрирование основных частей внутри текста обеспечивает последовательное осмысление содержательно-фактуальной информации. В выводах и заключениях реализуется как процесс интеграции, так и его результат. Послесловие (заключение, эпилог) выражает в эксплицитной, но в сжатой форме содержательно-концептуальную информацию. Оно имеет функцию интеграции всего текста.

Фразеологическая единица есть языковой знак вторичного образования, неотъемлемой частью которого (помимо денотативного и сигнификативного аспектов значения) является коннотация, включающая экспрессивный, эмоционально-оценочный и функционально-стилистический компоненты. При этом экспрессивный и эмоционально-оценочный компоненты значения ФЕ отражают отношения говорящего к предмету общения, стилистический компонент, в свою очередь, характеризует условия общения. Функционирование фразеологической единицы в качестве повторяющегося элемента способствует приращению добавочных смыслов в тексте, основанном на обогащении ФЕ смысловой и эмоциональной информацией вследствие её повторения.

В заключении отметим, что на разных этапах развития лингвистики текста те или иные направления могут стать доминирующими. Отражая эволюцию актуальной проблематики, Е. Шенке замечает, что «лингвистика текста прошла путь от сверхфразовой грамматики через поиск глобальных текстовых структур и прагматических

особенностей целых речевых произведений к выявлению когнитивных и типологических свойств объекта» [б, с. 237].

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что языковое выражение возможно и имеет истинный смысл исключительно в рамках текста. Язык находит своё выражение через текст. Если мы примем текст за информационный комплекс, то мы убедимся, что любой текст зависит от речевых намерений, т.е. целей речевого акта пользователя.

При поверхностном анализе текста можно раскрыть его системную связь, т.е. его единство. Но эта связь не является чем-то «стабильным» и «неизменяемым». Напротив, полна изменений: взаимопереходов, взаимопревращений, а также других внутренних реляций. Иными словами, это единство различных процессов, при том, что каждый в отдельности ничто, но в то же самое время, развитие — есть совокупность данных внутренних отношений.

Итак, текст — это сосредоточие функции языковых единиц. Эти языковые единицы функционально ориентируются на обеспечение качественной определённости текста, на реализацию текстовой интеграции. Любой текст представляет собой согласованную работу функций языка.

Текст как структурно-семантическое единство имеет в своей структуре особенность, которая способна повлиять на языковые единицы. В связи с этим реализуются новые, дополнительные значения в составляющих частях текста, которые актуализируются под его влиянием. Они переходят из скрытого состояния в открытое, и появляются как результат взаимодействия данной единицы с контекстом.

Множество подходов и направлений, которые дополняют друг друга и способствуют полному раскрытию сущности текста в лингвистическом аспекте, наблюдается в его изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики. Текст. Структура и семантика. М., 2001, т. 1., с. 4–13.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981, 138 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. Глав. ред. Ярцева В. Н. — М.: Советская энциклопедия, 1990, 685 с.
4. Мамедов А.Я. О некоторых лингвистических аспектах формирования текста // Ученые записки БГУ. Серия языка и литературы, 2005, № 1–2, с. 93–97.
5. Москальская О. И. Текст как лингвистическое понятие. //Иностранные языки в школе, 1978, № 3, с.9–17.
6. Пищальникова В.А., Сонин А. Г. Общее языкознание. Москва, Академия, 2009, 448 с.

© Керимова Чимназ Эльдар гызы (bitkovskayay@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕСТРУКТИВНАЯ КАРТИНА МИРА, КОНСТРУКТИВНАЯ КАРТИНА МИРА И ИХ МЕСТО В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КАРТИНЫ МИРА

Князева Мария Викторовна

Преподаватель, Английская Школа № 1 Ирины

Громовой

mknyazewwa@gmail.com

DESTRUCTIVE WORLDVIEW, CONSTRUCTIVE WORLDVIEW AND THEIR PLACE IN MODERN WORLDVIEW'S STUDIES

M. Knyazeva

Summary. The following article analyzes the history of the term "worldview", the current studies of this phenomenon and its place in Russian and foreign scientific studies. The article looks into the reasons of destructiveness and its types. The author draws the conclusion that modern worldview studies leave no space for such a term as "constructive worldview" and "destructive worldview", despite the fact that both obviously coexist with the rest of the worldview types and are clearly actualized in the language. The author introduces the terms "constructive worldview" and "destructive worldview" and concludes that the latter is universal and its actualization does not depend on the language and also that it is mainly actualized via the core concepts which are EMOTION, FEELING, STATE and FEAR.

Keywords: worldview, destructiveness, destructive worldview, constructive worldview, Fromm.

Аннотация. В статье рассматривается история термина «картина мира», исследования картины мира в современной зарубежной и отечественной лингвистике, а также исследования причин и видов деструктивности. После рассмотрения исследований терминов «картина мира» и «деструктивность» автор приходит к выводу, что в исследованиях картины мира не отводится места таким терминам как «конструктивная картина мира» и «деструктивная картина мира» несмотря на их явное присутствие и репрезентированность в языке. В ходе исследования автором вводятся понятия «конструктивная картина мира» и «деструктивная картина мира», а также выявляется, что деструктивная картина мира универсальна; она занимает место в современной типологии картин мира и структурируется через ядерные концепты ЭМОЦИЯ, ЧУВСТВО, СОСТОЯНИЕ, СТРАХ.

Ключевые слова: картина мира, деструктивность, деструктивная картина мира, конструктивная картина мира, Фромм.

В современном научном мире изучением термина *картина мира* (КМ) занимаются более десяти направлений, ставящих различные исследовательские цели. Лингвистика и психолингвистика; общая, когнитивная и этнопсихология, герменевтика и антропология, культурология, социология по-разному интерпретируют явление КМ. Являясь постоянным объектом исследования множества наук, картина мира открывает новые возможности изучения человека во всех его связях и зависимостях от окружающего мира. Категория картины мира значима для раскрытия особенностей сознания человека через контекст этносов, культур, ментальностей и др.

Собственно термин *картина мира* получил широкое распространение после появления трудов М. Хайдеггера, в которых были сформулированы принципиальные положения об изменении позиции мыслящего субъекта по отношению к окружающему миру. Ученый полагал, что человеку свойственно стремление представить мир во всем, что ему присуще, и составить его как систему. По Хайдеггеру, не каждая эпоха имеет свою картину мира, а превращение мира в картину и человека в субъект

является характерной чертой эпохи Нового времени, где наука о мире превратилась в науку о человеке. Возникшая необходимость в многоаспектном осмыслении данного термина свидетельствует об изменившейся, активной позиции человека по отношению к миру, осознании возможности *преобразования* мира. Именно с конца XVIII в. слово «мировоззрение» начинает функционировать как обозначение позиции человека посреди сущего [2].

В современной общенаучной трактовке *картина мира* понимается как «наиболее общее интегральное восприятие мира в его целостности, совокупность знаний, формирующаяся при участии всех уровней и форм познания: теоретического, эмпирического, логического, чувственного, научного, философского, обыденного, религиозного и мифологического». Ю.Л. Воротников дает следующее определение картины мира: по его мнению, картина мира представляет собой частный, исторически обусловленный способ того универсального явления, которое можно назвать моделированием мира в семиотическом понимании этого слова [1]. Согласно Ю.Л. Воротникову, картина мира является собой своеобразный

«интерфейс» для общения субъекта с миром, возможность хранения и передачи устойчивых общих представлений в их субъективной индивидуальной комбинации, структур сознания; это также возможность формирования новых индивидуальных знаний и представлений. Устанавливая ключевым моментом духовную активность субъекта по отношению к миру, В.И. Постовалова определяет картину мира как «целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной ее стороны. Картина мира как глобальный образ мира возникает у человека в ходе всех его контактов с миром». В вышеизложенных определениях прослеживается стремление достаточно полно описать данное явление, однако, ключевой чертой картины мира является то, что это *законы и взаимосвязи мира, понятие субъективно*. Картина мира возникает тогда, когда истина из объективного внеположенного человеку явления превращается в объект, принадлежащий сознанию человека.

В исследованиях, посвященных картине мира, постулируется тот факт, что картина мира существует в сознании человека. Необходимо подчеркнуть, что сознание есть процесс мысли, переживаемый и воспринимаемый *индивидуумом*. Сознание, в свою очередь, селективно, поэтому картина мира, наряду с общими, содержит индивидуальные компоненты [3]. Несмотря на динамический характер и способность изменяться под влиянием опыта взаимодействия с реальностью, в картине мира сформированы универсальные черты, которые разделяются многими представителями человечества. Эти черты носят, во многом, абстрактный, общий характер. Например, представителями различных этнических групп осознается бинарная оппозиция (основной инструмент при описании и реконструкции картины мира) белого и черного. Хотя у одних групп людей белое соответствует положительному, а черное — отрицательному началу, а у других групп данные цвета маркированы с точностью до наоборот.

Картину мира отдельной личности формирует множество факторов (такие, как личностные качества, условия жизни, культурная и национальная принадлежность и т.п.). Однако, именно присутствие в коммуникации общего компонента — коллективного, разделенного знания — обеспечивает успешность коммуникативного процесса внутри социальных групп [4]. Несмотря на наличие в структуре картины мира различных компонентов не подвергается сомнению, вопрос о ее составе до сих пор активно обсуждается. Обзор исследований по данной проблеме показывает, что существование картины мира либо представляется неким набором когнитивных единиц и структур различного формата (концептов, фреймов, гештальтов и т.д.), либо рассматривается как форма-посредник между реальностью и язы-

ковой картиной мира. Между тем, именно как систему интуитивных представлений о реальности картину мира можно выделить, реконструировать у любой социопсихологической единицы (нации, этноса, социальной/профессиональной группы, отдельной личности).

Причины и виды деструктивности получили широкое толкование у известного социолога, философа и психоаналитика XX-го века Эриха Фромма, который посвятил философии деструктивности свой труд «Анатомия человеческой деструктивности» (нем. *Anatomie der Menschlichen Destruktivitat* (1973)), в котором он делится своими идеями и представлениями о причинах происхождения данного феномена.

Говоря о характере деструктивности, Фромм утверждал, что он далеко не всегда связан только с желанием разрушения. По мнению Фромма, в современном обществе кровопролитие обычно связывается только с деструктивностью, но если проследить его значение в глубинных пластах человеческой психики, то можно прийти к совершенно иным ассоциациям: по мнению философа, «проливая кровь (свою или чужую), человек соприкасается с энергией жизни.» [5]. По мнению философа, обращение к деструктивности может также быть интерпретировано как демонстрация поклонения богам, что также наделяет ее условно положительным характером.

Ученый считал, что базовые потребности — такие как, например, голод, — составляют сравнительно небольшой процент среди всех прочих мотивов поведения. Мотивационным ядром человека, по мнению Фромма, являются страсти — на рациональном и иррациональном уровне: потребность в любви, нежности и солидарности, в свободе и правде, в сохранении чести и совести. «Человеком владеют такие страсти, как жажда власти, подчинения и разрушения; такие слабости, как нарциссизм, жадность, зависть и тщеславие» [5]. Таким образом, философ считал, что уже с ранних лет жизни человека ему присуще желание удовлетворить не только физические, но и умственные потребности, т.н. «страсти».

Несмотря на многообразие существующих на сегодняшний день типологии картин мира, в нем не отводится места для картины мира тех индивидов, чья социальная адаптация была по разным причинам нарушена и, как следствие, привела к тому, что их картина мира стала носить деструктивный характер, поэтому мы предлагаем свои термины для дальнейшего исследования. По нашему мнению, нарушение формирования навыков социального взаимодействия и когнитивных функций ведет к деформированию Конструктивной картины мира (далее ККМ) и дальнейшему ее становлению как Деструктивной картины мира (далее ДКМ). Рассмотрим подробнее термины ККМ и ДКМ.

Конструктивная картина мира это характерная для данного социума, усваиваемая в процессе социализации на основе коллективной концептуальной КМ, которая является нормой в данном социуме в данный исторический период. ККМ это форма систематизации знаний, становление которой зависит от многих внешних и внутренних факторов и которая при успешном формировании позволяет человеку свободно функционировать в обществе в качестве его полноправного члена. Конструктивная картина мира является синтезом языковой, научной, философской, религиозной картин мира или по меньшей мере предполагает наличие у индивида знаний о них. Развитие конструктивной картины мира начинается с рождения и проходит при непосредственном участии социального окружения индивида, наделяя его знаниями о базовых концептах жизни в мире и социуме, что в дальнейшем позволяет ему в дальнейшем занять свое место в сообразном социальном слое. Знания о существующих картинах мира позволяют индивиду выбирать наиболее приемлемые для себя концепты и представления, что способствует формированию индивидуального мировоззрения.

Человек, обладающий ККМ, должен также удовлетворять некоторым общественным критериям, предъявляемым им и играющим ключевую роль на ранних стадиях для успешного первичного принятия обществом индивида.

Термин «конструктивная картина мира» также тесно связан с концептуальной картиной мира, так как последняя являет собой систему информации об объектах, которая актуально и потенциально представлена в деятельности индивида. Единицей информации такой системы является концепт, функция которого состоит в фиксации и актуализации понятийного, эмоционального, ассоциативного, вербального, культурологического и иного содержания объектов действительности, включенного в структуру концептуальной картины мира.

Становление ККМ может быть нарушено по разным причинам. Как правило, нарушение нормального формирования ККМ происходит на ранних этапах развития человека и связано, в первую очередь, с социальным окружением индивида или с особенностями его физического или психического здоровья. Негативные последствия, вызванные какой-либо степенью отторжения личности социумом ведут к становлению у индивида деструктивной картины мира.

Деструктивная картина мира (ДКМ) это фрагментарная (лишенная целостности) совокупность представлений о мире, представляющая собой антипод ККМ, является продуктом нарушения целостности восприятия мира и себя в нем у индивида и реализуется в виде

деструктивных намерений, направленных либо на личность самого носителя ДКМ, либо на окружающий его социум. У носителя ДКМ набор базовых социальных и психических (духовных) концептов подменен набором деструктивных концептов, характерных для измененного сознания.

Деструктивная картина мира проявляется как противоположность конструктивной картины мира и является продуктом этого противопоставления. Проследить реализацию ДКМ возможно через ее языковую экспликацию, в частности, в произведениях современных англоязычных авторов. На сегодняшний день существует множество литературных произведений, в которых представлены персонажи-носители деструктивной картины мира; в число произведений, в центре которых находится персонаж с ДКМ, входят следующие романы: «Домашние правила поведения» американской писательницы Джоди Пиколт, «Американский психопат» Брета Истона Эллиса, «Загадочная история Билли Миллигана» писателя Дэниела Киза, «Сибил» Флоры Риты Шрайбер. Нами были проанализированы данные произведения общим объемом 1500 страниц и на основе анализа данных произведений были выявлены следующие характеристики деструктивной картины мира:

- ◆ нарушения способностей к полноценному вербальному/невербальному взаимодействию с другими индивидами
- ◆ неприятием в какой-либо степени социальных норм, отчужденностью личности
- ◆ девиантностью и/фрагментарностью в системе знаний о мире и обществе
- ◆ стремлением к сохранению «границы» между собой от остальными.

С нашей точки зрения, теория существования деструктивной и конструктивной картин мира имеет также концептуальное основание, то есть исходный набор идей, который был выявлен посредством концептуального анализа взятых нами произведений. Единицей такого анализа в нашем исследовании нами был взят концепт. Данный термин трактуется в нашем исследовании как единица концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Как и термин «когнитивные науки», объединяющий дисциплины, изучающие «язык мысли», термин «концепт» является зонтиковым, он функционирует в предметных областях нескольких научных направлений: прежде всего когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, занимающихся проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации, то есть выступает как единица анализа обыденного или научного сознания.

В результате нашего исследования мы пришли к выводам, что ДКМ может быть структурирована через

следующие ядерные концепты: ЭМОЦИЯ, ЧУВСТВО, СОСТОЯНИЕ, СТРАХ, которые в проанализированных произведениях репрезентируются семантикой единиц на всех уровнях языковой системы: лексикой, фразеологическими единицами, высказываниями через прямую и несобственно-прямую речь персонажей-носителей ДКМ. Также следует отметить, что ядерные концепты, структурирующие ДКМ, реализуются как в англоязычных текстах, так и в русском варианте произведений, что свидетельствует об универсальности явления ДКМ.

Таким образом, основными структурными элементами деструктивной картины мира являются ядерные концепты, которые вербально реализуются через прямую и несобственно-прямую речь персонажей проанализированных нами произведений. Безусловно, предстоит провести более полный и масштабный анализ данных явлений как в литературе, так и в психологии и когнитивной лингвистике, однако можно совершенно точно отметить значимое место данных явлений и их важную роль в современных научных исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. Л. Воротников «Языковая картина мира»: трактовка понятия. ЗНАНИЕ. ПОНИМАНИЕ. УМЕНИЕ. Москва, 2006
2. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. 447 с.
3. Пржиленский В. И. Филопония // Философские науки. 2010. No 2. С. 144–146.
4. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М. Изд-во Моск.Гос.Ун-та, 1996. 245 с.
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э. М. Телятничко- Панфилова. Минск: Попурри, 1999. 624 с.
6. Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2009. 284 с.

© Князева Мария Викторовна (mknjazewwa@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Моисеева Анастасия Андреевна

Аспирант, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова; преподаватель, Сызранский филиал Самарского государственного экономического университета, г. Сызрань
lunali@inbox.ru

AXIOLOGICAL PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

A. Moiseeva

Summary. Modern linguistic researches are anthropocentric. Estimates and views which form a picture of the world of the individual and society in general inevitably are reflected in written and oral speech and those changes which happen in language systems, in particular in Russian. In article the basic concepts of an axiology and history of development of axiological approach in linguistics are considered. The interrelation of philosophy and linguistics, a concept of norm and value and also the importance of linguistic researches in the context of problems of a modern axiology are comprehended.

Keywords: axiology, linguistics, Russian, estimate, value, estimated predicate, language picture of the world, anthropocentrism, linguistic axiology.

Аннотация. Современные лингвистические исследования антропоцентричны. Оценки и взгляды, которые формируют картину мира отдельной личности и общества в целом, неизбежно отражаются в письменной и устной речи и тех изменениях, которые происходят в языковых системах, в частности в русском языке. В статье рассматриваются основные понятия аксиологии и история развития аксиологического подхода в лингвистике. Осмысливаются взаимосвязь философии и языкознания, понятия нормы и ценности, а также значимость лингвистических исследований в контексте проблем современной аксиологии.

Ключевые слова: аксиология, лингвистика, русский язык, оценка, ценность, оценочный предикат, языковая картина мира, антропоцентризм, лингвистическая аксиология.

В начале XX в. для обозначения нового философского раздела, занимающегося ценностной проблематикой, был введен термин «аксиология», что в переводе с греческого — *axios* — ценный, *logos* — понятие. Философы Э. Гартман и П. Лапи рассматривали «значимость» как явление, которое не зависит от опыта и выполняет роль критерия истины в процессе познания. Ученые В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Г. Коген и др., развивая аксиологическую теорию, кроме понятия «значимость» в последствие стали использовать понятие «ценность».

Доктор филологических наук Н.Д. Арутюнова в своих научных трудах указывает, что начало истории изучения нормативно-ценностных суждений в лингвистике можно усмотреть еще в размышлениях Аристотеля. Они стали стимулом для поиска «общей меры, одного субъективного (присущего человеку) психологического эквивалента, через который можно было бы сформулировать дефиницию, применимую ко всем видам добра и худа» [3, с. 136].

Исследованиями в этой области занимался ученый Б. Спиноза. Он ввел в аксиологию и лингвистику понятия «компаратив класса» и «норматив». По мнению Н.Д. Арутюновой, это дало новый виток в направлении изучения оценочных высказываний: на смену идеи об относительности оценки пришло понятие нормы. Тем не менее,

не умаляется и значение субъекта оценки в вынесении оценочных суждений.

Английский философ Г. Сиджуик одним из первых подошел к изучению оценки с лингвистической стороны. Он ввел понятие элементарности значения оценочных предикатов. В своих исследованиях Сиджуик утверждает, что невозможно свести оценочные суждения к фактическим и дать описание значения оценочных предикатов.

Сторонниками коммуникативной лингвистики и теории речевых актов были исследователи Ч. Стивенсон и Р. Хэар. Они в свою очередь указывали на то, что невозможно говорить об истинности или ложности, присвоенной объекту оценки: часто возникает ситуация, когда в более выгодном свете предстает один объект, но выбор остается за совершенно другим. Основываясь на коммуникативной методике, Е.М. Вольф рассуждал о перформативности оценки. Одобрение или неодобрение вызывает особый, т.н. перлокутивный эффект: «Такие речевые акты, несмотря на отсутствие в них перформативных глаголов, представляют собой семантическую разновидность перформативов, их произнесение само по себе есть действие» [4, с. 177]. Следовательно, оценочные предикаты регулируют человеческое поведение.

Эту же мысль выражает исследователь П. Грайс: «в любом языке есть огромное количество «естествен-

но-языковых выражений», которые не имеют соответствий в языке формальной логики, их значение нельзя вывести методом логического анализа и зафиксировать в виде простейших формул. Язык служит не только целям научного исследования, но и многим другим важным целям; мы можем прекрасно знать, что значит некоторое выражение, <...> и при этом не знать того, как оно анализируется; сам же этот анализ может (и так оно обычно и бывает) состоять в указании — возможно более общем — условий употребления анализируемого выражения» [5, с. 218].

Для лингвоаксиологического изучения подходят любые тексты, в том числе мысленная речь самого исследователя. Выделяют лингвистическую аксиологию художественного и нехудожественных типов текста, а также социальную аксиосферу в зависимости от вероисповедания, классов, сословий, субкультур, партий, кроме того, гендерные, возрастные ценности, наконец, сферу личностных оценок.

Современные лингвистические исследования в этой области антропоцентричны. Это выражается в ориентированности на «человеческий фактор в изучении языка» [8, с. 39]. Проявляется это в особом внимании к таким проблемам, как связь языка и духовной сферы, языка и коммуникации, языка и культуры, языка в соотношении с ценностями и взглядами человека. Таким образом, человек находится в центре внимания современной лингвистики.

В настоящее время лингвисты стремятся уйти от толкования значения отдельно взятого слова, которое, описывается с позиции логической семантики. Чаще всего внимание обращается на то, что слово функционирует не само по себе, а выражает личностные переживания субъекта, его взгляды и представления об окружающем мире.

Как было сказано выше, «оценка» является центральным понятием в лингвистической аксиологии. Оно определяется как устоявшееся социально закрепленное в семантике языковых единиц положительное или отрицательное, явное или скрытое, нормальное или аномальное отношение субъекта к объектам действительности, формирующее языковую картину мира. Исследователь В. В. Квашина [6] утверждает, что лингвистический аспект категории оценки — это совокупность средств и способов ее выражения: фонетических, морфологических, лексических и синтаксических. В первую очередь оценка передается лексико-семантическими средствами языка. Эксплицитно и имплицитно, денотативно и/или коннотативно, а также через характер совершаемых действий, т.е. через глаголы.

Понятия, характерные не только для общенационального, но и научного языка, обладают оценочной окраской. Особенность в том, что каждое слово, которое связано с какой-либо нормой, обычно вносит в употребление неявную оценку. Даже, казалось бы, нейтральные слова могут выражать ценностное отношение. Это усложняет определение границ между тем, что есть на самом деле и тем, что должно быть.

Среди средств выражения оценки важную роль играют разнообразные морфемы, которые способны придавать значению слова оценочную окраску. Положительно и отрицательно диалектически сочетаться в пределах словообразовательного гнезда способны маркированные словообразовательные дериваты. Одно и то же лексическое значение, включающее оценочный оттенок, может быть основным для слов разных частей речи. Однокоренные лексемы разной грамматической принадлежности можно объединить в оценочную словообразовательную парадигму. Имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия, собственно квалифицирующие слова, т.е. междометия, частицы, указующие слова (местоимения, местоименные наречия), предлоги, союзы, модальные слова могут использоваться в речи как средства выражения оценочного значения, однако оценка передается ими по-разному.

Оценки зависят от культуры и истории развития языка. Очевидно, что у разных народов и национальностей свои, присущие им, ценности, которые находят отражение в языке. Также необходимо учитывать, к какой языковой семье, ветви и группе относится язык. Например, С. Г. Тер-Минасова [7], сравнивая русский и английский языки, выделила качества личности, важные той и другой общности. Было отмечено, что в английском языке преобладают такие ценности, как: честность, трудолюбие, профессионализм, ответственность, осторожность, сдержанность в высказываниях, экономность, даже скупость, свобода личности, консерватизм, закрытость семейной жизни, материальное благополучие. В русском языке главное место занимают такие понятия, как опытность, общительность, патриотизм, справедливость, дружелюбие, общность, семья, искренность, открытость. Для носителей русского языка характерны более эмоциональные оценки, наблюдается склонность к преувеличению, тогда как носители английского языка более сдержаны в оценках, склонны к недосказанности. Кроме того, в русском языке больше предикатов эмоциональной оценки, чаще используется восклицательный знак, уменьшительно-ласкательные формы и т.д.

Выражения оценочного значения существительными, прилагательными, глаголами и наречиями имеют свои особенности. В первую очередь в плане семантики и грамматики, однако при объединении слов разных ча-

стей речи в лексико-семантические группы можно найти принципиальное сходство, которое обусловлено антропоцентричностью всей подсистемы оценочно маркированной лексики русского языка.

Результаты лингвистических исследований могут служить фактическим материалом для философской и культурологической интерпретации в контексте актуальных проблем аксиологии, одна из которых — соотношение

нормы и аномалии или, иначе говоря, «хорошего», «правильного» и «плохого», «иного».

Проблема выражения ценностей в языке по-прежнему занимает важное место в лингвистике, так как языковой материал на всех уровнях, начиная с внутренней формы и заканчивая синтаксическим строем, позволяет выявить и проследить перемены в ценностных иерархиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Неопределенность признака в русском дискурсе // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 182–189.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. — М.: Наука, 1988. — 341 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. — 416 с.
4. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 280 с.
5. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
6. Квашина В. В. Проблемы аксиологии в современном языкознании / В. В. Квашина // Вестник Челябинского Государственного педагогического университета. — Челябинск, 2013. — № 2. — С. 181–189.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — М.: Слово, 2000. — 624 с.
8. Фаткуллина Ф. Г. Категория деструктивности в современном русском языке: автореф. дисс. докт. филол. наук. Уфа, 2002. 343 с.

© Моисеева Анастасия Андреевна (lunali@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

ОБРАЗНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СЕМАНТИКОЙ СДЕРЖАННОСТИ / НЕСДЕРЖАННОСТИ РЕЧИ В РУССКОМ И ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКАХ

THE IMAGINATIVE CONTENT OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE SEMANTICS OF RESTRAINT / INTEMPERANCE OF SPEECH IN THE RUSSIAN AND VIETNAMESE

Nguyen Ngoc

Summary. The article presents a comparative analysis of Russian and Vietnamese phraseological units with the semantics of restraint and incontinence of speech. Within the indicated semantic group the similarities and differences between the two linguistic cultures are revealed by analyzing the figurative basis of phraseological units. It is noted that the common in the internal forms of idioms of the two languages is the use of images of speech organs, but the difference is found in the figurative bases of phraseological units of these languages. Thus, the axiological potential of phraseological images of restraint and of incontinence of speech is the same.

Keywords: phraseological picture of the world, linguoculturology, linguoculture, speech activity.

Нгуен Бик Нгок

Аспирант, Национальный Исследовательский
Томский государственный университет
nbnhanu@gmail.com

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ русских и вьетнамских фразеологизмов с семантикой сдержанности и несдержанности речи. В пределах обозначенной семантической группы выявляются сходства и различия двух лингвокультур посредством анализа образного основания фразеологизмов. Отмечается, что общим во внутренних формах идиом двух языков является использование образов органов речи. Однако обнаружено различие образных оснований фразеологизмов этих языков. При этом аксиологический потенциал фразеологических образов сдержанности и несдержанности речи совпадает.

Ключевые слова: фразеологическая картина мира, лингвокультурология, лингвокультура, речевая деятельность.

В русле антропологической парадигмы современной лингвистики язык понимается не только как средство коммуникации, но и как форма сохранения культуры народа. Отражённые в языке культурные представления этноса демонстрируют своеобразие национальной языковой картины мира. Изучение образной лексики и фразеологии играет важную роль в изучении феномена языковой картины мира: «именно фразеология как бы навязывает носителям языка особое видение мира, ситуации» [1. С. 40]. Фразеологические единицы отражают особенности менталитета, традиций и истории народа. По словам В.Н. Телия, «фразеологический состав языка — это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [2. С. 9].

И в русской, и во вьетнамской лингвистике к изучению фразеологической подсистемы словарного состава языка подходят с разных точек зрения. Наиболее ранним является структурно-семантический подход [3; 4], связанный с исследованием структуры фразеологизмов и их смысловых типов. Кроме этого, выделяется идеографический подход [5], в рамках которого выявляются принципы формирования те-

матических классов. Также выделяется лингвострановедческое направление [6; 7; 8], в русле которого фразеологизмы исследуются как языковые единицы, содержащие определённые сведения о стране изучаемого языка.

В настоящее время в большей степени разрабатывается лингвокультурологическое направление в исследовании фразеологии, в рамках которого делается акцент на взаимодействие языка и культуры. Это не случайно, так как для описания культуры этноса, выявления его идентичности наиболее перспективно использовать материал фразеологии. Этот пласт языковой системы в большей степени, чем другие, наделён культурной значимостью, так как свойственная им устойчивость и воспроизводимость образов и есть одна из форм коллективной культурной памяти [9]. Лингвокультурологический подход к описанию семантики фразеологизмов представлен в работах В.Н. Телия, М.Л. Ковшовой, В.И. Зимина, Н.Г. Брагиной, Е.О. Опариной и др. В русле этого направления выходят сборники научных статей, такие как «Фразеология в контексте культуры» (1999), «Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках» (2004) и другие.

В рамках лингвокультурологического направления накоплен обширный материал по сопоставительному изучению русской фразеологии на материале русского и английского, русского и немецкого, русского и французского, и других языков. Сопоставление и сравнительный анализ фразеологии двух или нескольких лингвокультур позволяет определить универсальное и национально обусловленное, выявить общее и различное в национальных языковых картинах мира. При этом мало изученной остаётся языковая и культурная специфика русской и вьетнамской фразеологии.

Исследование, результаты которого представлены в данной статье, выполнено в сопоставительном аспекте. Посредством сравнительно-сопоставительного анализа фразеологизмов-идиом вьетнамского и русского языков с семантикой сдержанности / несдержанности речи выявляются особенности вьетнамской и русской лингвокультур. Под понятием *сдержанность* подразумевается молчаливость, стремление скрыть информацию, отсутствие возможности или желания говорить. В свою очередь, под *несдержанностью* речи понимается чрезмерная болтливость, нежелание сохранять информацию в тайне или непроизвольное, необдуманное говорение.

В качестве материала исследования использованы русские и вьетнамские фразеологизмы, представленные в следующих словарях: «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова; «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под ред. В.Н. Телия; «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов» под ред. В.М. Мокиенко; «Фразеологический словарь русского литературного языка» А.И. Федорова; «Thành ngữ tiếng Việt» Нгуен Лык; «Từ điển thành ngữ và tục ngữ Việt Nam» Нгуен Лан; «Từ điển giải thích thành ngữ tiếng Việt» Нгуен Ныи И, Нгуен Ван Ханг, Фан Суан Тхань.

В идиоматике рассматриваемых языков достаточно обширную по составу группу составляют фразеологические единицы, семантика которых связана с обозначением и характеристикой речевой деятельности. В этой лексико-фразеологической группе отражён опыт наблюдения многих поколений за громкостью речи, её скоростью, сдержанностью или несдержанностью, поведением человека в процессе говорения. Всё это указывает на то, что данная группа является культурно-информационным ресурсом, эксплицирующим уникальные особенности менталитета народа.

В данном исследовании сущность понятия «фразеологическая единица» включает следующие признаки: относительную устойчивость, воспроизводимость, об-

разность или метафорическое переосмысление, а также целостность значения, не связанная с прямыми лексическими значениями отдельных его элементов. Эти признаки, изложены в трудах ведущих российских и вьетнамских учёных: В.В. Виноградова, Д.Н. Шмелёва, В.Л. Архангельского, Н.М. Шанского, В.П. Жукова, В.Н. Телия, Нгуен Тхиен Зан и др. В русле теории, представленной в работах перечисленных учёных, под фразеологической единицей понимается относительно устойчивая, воспроизводимая в речи, раздельно оформленная, содержащая переосмысление всего сочетания слов или отдельных его компонентов и обладающая целостным значением языковая единица.

В научной традиции описания фразеологии нет единого мнения по поводу её объёма. В связи с этим необходимо отметить, что в представленной работе фразеология понимается в её «узком» смысле. Рассматриваются только фразеологизмы-идиомы, а пословицы, поговорки, афоризмы остаются за пределами исследования (подробнее об этом см.: [2. С. 58]). Материал из вьетнамского языка отобран с опорой на классификацию вьетнамских фразеологизированных единиц, представленную в исследовании Данг Ван Куанг. По таким же принципам были отобраны сравнительные и метафорические фразеологизмы, а фиксированные фразеологизированные единицы (вводные конструкции и фиксированные единицы-идентификаторы) не рассматривались [10. С. 207–210].

Представленные в статье результаты исследования демонстрируют фрагмент комплексного изучения фразеологического поля «речь» во вьетнамском и русском языках. Это достаточно объёмное поле, что демонстрируют данные фразеологических словарей. В русских лексикографических источниках насчитывается более 200 единиц, во вьетнамских фразеологических словарях, фразеологическое поле «речь» представлено более 160 единицами.

Фразеологизмы с семантикой речи существуют во всех языках, потому что отражают универсальное общечеловеческое явление и опыт речемыслительной деятельности человека. Однако, при общности семантики, способы её реализации в разных лингвокультурах не всегда одинаковы. В разных языках различия фразеологизмов этой семантической группы могут проявляться как на формальном уровне, так и на уровне значения. Например, идиомы *рус. прикусить (придержат) язык* и *вьетн. giữ mồm giữ miệng* в значении *держат рот* имеют общую семантику сдерживания речи, но в русском языке это значение реализуется через образ *языка*, как основного органа воспроизводства речи, а во вьетнамском через образ *рта*.

В данной статье представлен анализ нескольких групп, включённых в поле «речь», связанных со сдержанностью и несдержанностью речи.

Семантика сдержанности в русском и вьетнамском языках в основном передаётся через соматическую лексику, образному переосмыслению подвергаются преимущественно органы речи, в гораздо меньшей степени сдержанность связывают с зоонимическими образами.

Как показывает анализ, в русском языке основным соматизмом, через который характеризуется сдержанность или несдержанность речи, является **язык**, во вьетнамских фразеологизмах этой семантической группы лексема **язык** не выявлено, здесь семантика сдержанности передаётся через другие соматические образы: **рот, живот и кровь**.

Важно, что в русской фразеологии лексема **язык** становится компонентом идиом со значением сдержанности и несдержанности речи. **Язык** можно **распутить, не удержат** или наоборот **придержат, прикусить**. Приведём примеры: **держат язык за зубами** (разг. экспресс.) 'соблюдая осторожность, опасаясь нежелательных последствий, молчать, не говорить лишнего' — *Придёт полк или нет — знать мы не можем, но одно знать мы обязаны: держат язык за зубами. О том, куда и зачем пошли два батальона, ни слова* (В. Вишневский. Оптимистическая трагедия); **придержат язык за зубами** (разг. ирон.) 'поменьше болтать, разговаривать' — *Ты, Маркуша, придержи-вай язык. Я те врать не позволю* (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина); **сдержат свой язык** (разг.) 'не говорить лишнего, недозволенного, помалкивать' — *А язык надо сдерживать... на то, братец, голова человеку дана, чтоб язык сдерживать!* (Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы); **держат язык на привязи** (прост. экспрес) 'молчать, не болтать' — *Тут были все люди, при которых тоже нужно было язык держать на привязи* (Салтыков-Щедрин. Деревенский пожар); **прикусить язык** (разг. ирон.) 'замолчать, воздержаться от высказывания' — *Ты не брещи! У меня документ есть. — Какой документ? Может, поддельный? — Кум Илья! Тебе говорю, прикуси язык!* (Эртель. Смена).

Во вьетнамской фразеологии главным органом производства речи считается **рот**. Это демонстрирует большая часть идиом, отобранных для анализа в указанных выше словарях. Удерживание рта в закрытом положении становится основанием для образного значения 'сдерживание речи': *giữ mồm giữ miệng* (букв.: **держат уста сомкнутыми / держать рот**) 'контролировать свои мысли, не давая себе воли их высказывать'; *kín như bưng* (букв.: **держат рот руками**) 'зажимать

рот рукой, чтобы не сказать лишнего'; *trống mồm trống miệng* (букв.: **пусто во рту — пусто в устах**) 'пустота во рту — это нормально, так же как пустота в устах, когда ничего не говорится; *có mồm thì cắp, có nắp thì đậy* (букв.: **имеет рот — держи, имеет крышку — закрой**) 'если есть крышка, то она должна быть закрыта, это нормальное состояние, так же как рот должен быть закрытым'.

Другим соматизмом, актуализированным во внутренней форме вьетнамских фразеологизмов данной семантической группы, является **живот**: *sống để bụng, chết mang theo* (букв.: **будучи живым — держи в животе, умерев — уноси в могилу**) 'если живой, носишь информацию закрытой (то есть в животе), если умер — унеси в могилу'. То есть, если удерживать слова или информацию в животе, то она должна надёжно сохраниться, и выдать её невозможно.

Ещё один соматический образ, посредством которого передаётся характерное для вьетнамской лингвокультуры представление о сдержанности / несдержанности речи, связан с кровью. Эта семантика эксплицирована в идиоме *lời nói đọt máu* (букв.: **слово равняется чашечке крови**). Потеря крови ассоциируется с говорением, воспроизводством речи, то есть говорить, значит потерять жизненно важное.

Зоонимические образы в двух языках также не одинаковы. В русском языке выявлены два образа — воробей и рыба: **слово не воробей, вылетит не поймаешь**. Воробей здесь ассоциируется с речью, которая может быть такой же быстрой и не контролируемой, как птица, однако в отличие от воробья, сказанное нельзя вернуть. Образ рыбы, реализованный в идиоме **молчать, как рыба**, связан с тем, что рыбы не могут произносить звуки, так же как и молчаливый человек.

Во вьетнамском языке молчание связывают не с рыбой, а с моллюском мидией, находящемся в плотно сомкнутой двустворчатой раковине, которую трудно открыть: *câm như hến* (букв.: **молчать как мидии**) 'быть молчаливым, ничего не говорить'.

В отличие от русской идиоматики, во вьетнамском, кроме соматической и зоонимической лексики, сдержанность речи может передаваться и другими группами лексики. Так, звуки речи ассоциируются с дыханием, а полное молчание — с отсутствием дыхания, например, *im hơi lặng tiếng* (букв.: **без дыхания — без звука**) 'хранить информацию, даже дыханием, не показывая своего знания'.

Молчание может ассоциироваться с неочищенным зерном риса, по которому невозможно определить его

сорт, например, *nín như thóc ngấm* (букв.: **тихо как неочищенное зерно риса**) 'ничего не говорит'.

Сохранение информации или сдерживание речи во вьетнамской фразеологии также ассоциируется с процессом копания или закапывания, например, *đào sâu chôn chặt* (букв.: **копать глубже, зарыть крепче**) 'чем глубже скроешь под землёй, тем сохраннее будет информация'.

Семантическая группа идиом несдержанности речи в русском языке представлены через соматический образ **языка**. Чрезмерная разговорчивость передаётся через образы **длинного, развязанного языка**.

Например, **длинный язык** (разг. ирон.) у кого 'кто-либо болтлив, не сдерживается в разговоре' — *Боцман Воеводин промолвил: — Нехороший человек он, этот Синельников. — Чем? — Язык длинный. Выслуживается, чтобы скорее в боцманы его произвели* (Новиков-Прибой. Цусима); **развязать язык** (разг. ирон.) 1) 'начинать говорить после упорного молчания, давая какие-либо показания, сообщая нужные сведения' — *На выбор: или ты, собака, сейчас же развяжешь язык, или через десять минут будешь поставлен к стенке!* (Шолохов. Тихий Дон); 2) 'становясь болтливым, проговариваться, сообщать то, о чём следовало бы помолчать' — *Старый Турка сразу повеселел, припомнив старинку, но Кишкин глазами указал ему на Зыкова: дескать, не в пору язык развязываешь, старина* (Мамин-Сибиряк. Золото).

Вытягивание языка как способ заставить кого-л. говорить становится основанием для выражения значения провокации речи: **тянуть за язык** кого. (разг., экспресс.) 'провоцировать на какое-либо высказывание; вынуждать что-либо сказать, ответить, высказаться и т.п.' — *Раз человек молчит, значит, не считает нужным говорить. А раз не считает нужным, то и не надо. Захочет — сам расскажет. И нечего человека за язык тянуть* (В. Катаев. Сын полка). Напротив, **короткий язык** становится символом сдержанности, ограниченной возможности говорения, например, **укоротить язык** кому. (прост. экспрес.) 'заставить кого-либо прекратить болтать, дерзить' — *Шаховской впился было в меня со всею ласковостью своей забавной болтовни, но скоро моя сухость и холодность укоротили его неумолкаемый язык* (С. Аксаков. Литературные и театральные воспоминания).

Слово может **сорваться** или **соскочить с языка**, то есть язык понимается как место расположения слов, откуда можно их доставать, спровоцировать говорение: **сорваться с языка** (разг.) 'быть произнесённым невольно, неожиданно (о слове, фразе и т.п.)' — *Есть*

люди, у которых срываются с языка слова, совершенно не идущие к предмету разговора или неловкие в нём (Чернышевский. Повесть в повести); **чёрт дёрнул за язык** кого (грубо-прост.) 'выражение сожаления по поводу чего-либо некстати сказанного' — *Я тотчас догадался, что чёрт дёрнул Барина за язык и этот фантазёр что-то рассказал матросам* (М. Горький. Мои университеты); **язык чешется** (сказать) у кого (разг. ирон.) 'кто-либо не может утерпеть, удержаться от разговора, от высказывания' — *Это была та минута в обедах с речами, когда у многих чешется язык, но разбирает робость* (П. Боборыкин. На ущербе); **соскочить с языка** 'произноситься невольно, случайно, неожиданно для говорящего' — *Извините меня, что я вам такое глупое, несурзное наговорил, соскочило у меня с языка, сам не знаю, дурак я, балбёшка стоеросовая!* (Ю. Бондарев. Игра).

Во вьетнамской фразеологии нет ярко выраженного образа несдержанности речи. Эта семантика может передаваться через понятия **начала** и **конца**, например, *giấu đầu hở đuôi* (букв.: **скрывает начало, а раскрывает конец**) 'говорится в ситуации, когда человек пытается быть сдержанным в передаче информации, не говоря лишнего, но в конце разговора проговаривается', или через метафорическое противопоставление **открытой / закрытой** ёмкости, например, *một người thì kín, hai người thì hở* (букв.: **одному закрыто, двум открыто**) 'если человек может держать в себе какую-либо информацию, не передавая её другому, она остаётся закрытой, секретной, но сказав кому-то открывает её, и она становится доступной всем'.

Значение чрезмерной болтливости также передаётся через описание ситуации говорения, как, например, в идиоме *ai hỏi mà nói, ai hỏi mà xưng* (букв.: **никто не спрашивает, а сам говорит, никто не допрашивает, а сам признался**).

Нежелательное повсеместное распространение информации передаётся во вьетнамских идиомах с компонентом **призрак**. Это связано с этническими верованиями вьетнамцев, которые считают, что в домах и на улицах живут призраки. Они невидимы, и человек их не знает. При всяком разговоре они могут слышать речь. Например, идиомы *ta nhà chưa tỏ, ta ngõ đã hay* (букв.: **призрак в доме ещё не знает, а уличным призраком уже известно**) или синонимичный этому фразеологизм *trong nhà chưa tỏ, ngoài ngõ đã hay* (букв.: **в доме никто не знает а на улице всем уже известно**), передают ситуацию, когда болтливый человек много говорит о проблемах и своих и чужих, в разных местах, например, при встрече на улице со случайными людьми. Таким образом, не дойдя до своего дома, он уже выболтал всё, что знал.

Сравнение идиом с семантикой сдержанности или несдержанности речи в русском и вьетнамском языках выявило как сходства, так и различия двух лингвокультур. Совпадение обнаружено в том, что и русские, и вьетнамские фразеологизмы включают соматические и зоонимические лексические компоненты. Также совпадает оценочный потенциал фразеологизмов: сдержанность речи преимущественно оценивается положительно, а чрезмерная активность в воспроизводстве речи — отрицательно.

Различий в реализации фразеологических образов сдержанности или несдержанности речи выявлено гораз-

до больше. Образные основания фразеологизмов двух языков практически не пересекаются. Во вьетнамском языке выявлено большее количество различных образов, реализующих эти значения. Типовые образы двух рассмотренных лингвокультур совершенно по-разному представляют семантику сдержанности и несдержанности речи, реализуют разные метафоры, демонстрируя уникальность каждой лингвокультуры в образном отражении мира. При этом аксиологический потенциал фразеологических образов сдержанности и несдержанности речи совпадает. Представители обеих лингвокультур одинаково отрицательно относятся к болтунам, ценят молчание и умеренность в речевом поведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию: Учеб. Пособие / В. А. Маслова. — 2-е. Изд., стер. — М., 2004. — 202 с.
2. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М., 1996. — 288 с.
3. Ковшова М. Л. Опыт семантического поля в описании идиома // Фразеология в Машинном фонде русского языка. Сб. статей / отв. ред. В. Н. Телия. — М., 1990. — С. 80–88
4. Нгуен Ван Ханг. Структурные и семантические особенности четырехкомпонентных фразеологизмов в современном вьетнамском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Нгуен Ван Ханг — М., 1994. — 19 с.
5. Артына М. Н. Идеографическая группа «речевой акт» как референт фразеологической номинации: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Н. Артына — СПб., 2010. — 38 с.
6. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М., 1980. — 320 с.
7. Новикова К. Ю. Лингвострановедческий анализ эмоционально-экспрессивных фразеологических единиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. Ю. Новикова — М., 1998–19 с.
8. Чжоу Хань Жуй. Фразеологизм как этнокультурный феномен: лингвострановедческий аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Чжоу Хань Жуй. — Майкоп., 2014–18 с.
9. Брагина Н. Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры. / Н. Г. Брагина — М., 1999. — С. 131–138
10. Данг Ван Куанг. Система фразеологизированных единиц во вьетнамском языке / Данг Ван Куанг // Культура и цивилизация. — 2016. — Том 6. № 6А. — С. 205–213.
11. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — СПб., 1998. — 704 с.
12. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. — М., 2010. — 784 с.
13. Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / ред. В. Н. Телия. — М., 2004. — 344 с.
14. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров — М., 2008. — 828 с.
15. Nguyễn Lân. Từ điển thành ngữ và tục ngữ Việt Nam / Nguyễn Lân. — Hà Nội, 2000. — 353 с.
16. Nguyễn Lực. Thành ngữ tiếng Việt / Nguyễn Lực. — Hà Nội, 2004. — 842 с.
17. Nguyễn Như Ý. Từ điển thành ngữ Việt Nam / Nguyễn Như Ý, Nguyễn Văn Khang, Phan Xuân Thành. — Hà Nội, 1993–679 с. 13

© Нгуен Бик Нгок (nbnhanu@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЙ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ВЗОРА НА ЭТАПЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ПРИ ЧТЕНИИ ТЕКСТА НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

GAZE TRAJECTORY PECULIARITIES AT THE STAGE OF THE LEXICAL AND GRAMMATICAL DEPLOYMENT OF THE UTTERANCE WHILE READING A CHINESE TEXT

A. Nemtinova

Summary. The article is dedicated to peculiarities of the gaze trajectory at the stage of the lexical and grammatical deployment of the utterance while reading the Chinese text/sentence. In this paper the processes of reading and interpreting as types of verbal and cognitive activity were learnt with the use of a psychophysiological method — oculography. The methodological basis of this study is the generation model of the statement by A. A. Leontyev — T. V. Ryabova (Akhutina).

The novelty of the study is the description of the gaze trajectory at sub-stages of lexical developing and grammatical constructing of the statement while reading the text/sentences in Chinese and its consecutive interpreting into Russian.

Keywords: psycholinguistics, psychophysiology, lexical and grammatical deployment of the utterance, gaze trajectory while reading, oculography.

Немтинова Алёна Владимировна

*Старший преподаватель, Московский
государственный университет имени М. В. Ломоносова
lena-nemt@mail.ru*

Аннотация. работа посвящена изучению особенностей стратегий перемещения взгляда на этапе лексико-грамматического развертывания высказывания при чтении текста/предложений на китайском языке. В данной работе процессы чтения и перевода, как виды речемыслительной деятельности, изучались с применением метода окулографии. В качестве методологической основы экспериментального исследования использовалась модель порождения высказывания А. А. Леонтьева — Т. В. Рябовой (Ахутиной).

Новизна исследования заключается в описании особенностей стратегий перемещения взгляда, на подэтапах лексического развертывания и грамматического конструирования высказывания при чтении текста/предложений на китайском языке с его последующим переводом на русский язык в группах успешных и неуспешных испытуемых.

Ключевые слова: психолингвистика, психофизиология, лексико-грамматическое развертывание высказывания, стратегии перемещения взгляда при чтении, окулография.

Актуальность. Одной из основных моделей высказывания в психолингвистике является модель порождения речевого высказывания А. А. Леонтьева — Т. В. Рябовой (Ахутиной) [10]. Согласно данной модели ключевым моментом порождения речи является этап лексико-грамматического развертывания высказывания, включающий два подэтапа: лексическое развертывание и грамматическое конструирование.

В китаеведении рассматриваемая тема остается малоизученной. В отечественной синологии имеется значительное количество работ по изучению китайского языка. Особое внимание в руководствах и монографиях уделяется порядку слов в предложениях, функциям служебных слов. Однако, по мнению Тань Аошун, автора монографии «Проблемы скрытой грамматики (на примере китайского языка)» грамматика китайского языка «скрыта от непосредственного наблюдателя» [12, с. 814].

Работы по изучению процессов порождения и понимания речи на иностранном языке при чтении и пе-

реводе, в основном, проведены на материале русского и западноевропейских языков. Теоретическому анализу, как правило, подвергается результат переводческой деятельности, т.е. сам текст, значительно реже анализируются особенности высказывания на этапе внутренней речи в процессе чтения и перевода.

Методы психофизиологической диагностики с целью описания структуры мыслительной деятельности используется в различных областях, в том числе и в языкознании. К настоящему моменту активно изучается процесс чтения на русском и западноевропейских языках с использованием айтрекинга. Количество имеющихся исследований, посвященных изучению процесса чтения на китайском языке носителями языка, невелико.

Работ по изучению особенностей стратегий перемещения взгляда на этапе лексико-грамматического развертывания высказывания при чтении текста/предложений на китайском языке с его последующим устным перево-

дом на русский язык нет, что явилось основанием для выбора темы исследования.

Новизна исследования заключается в описании особенностей стратегий перемещения взгляда на подэтапах лексического развертывания и грамматического конструирования высказывания при чтении текста/предложений на китайском языке с его последующим переводом на русский язык в группах успешных и неуспешных испытуемых.

Цель работы: сравнение стратегий перемещения взгляда у успешных и неуспешных испытуемых на этапе лексико-грамматического развертывания высказывания при чтении текста/предложений на китайском языке с его последующим устным переводом на русский язык.

Задачи исследования: провести эксперимент с использованием метода окулографии, сравнить и описать стратегии перемещения взгляда у успешных и неуспешных испытуемых.

Методы психофизиологической диагностики в рамках междисциплинарного подхода все чаще используются в филологии. К настоящему времени имеется значительное количество работ, в которых изучается процесс чтения, сопоставляются параметры глазодвигательной активности при переводах с различных западноевропейских языков, проводятся экспериментальные исследования особенностей глазодвигательной активности в работе с текстами, имеющими синтаксическую неоднозначность, изучаются траектории перемещения взгляда людей различных профессиональных групп [1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 11, 14, 17, 20].

Трудности работы с китайским языком описаны в фундаментальных трудах отечественных синологов, в некоторой степени это обусловлено смещением акцента не на изучение характеристик чтения/перевода, а на анализ самих текстов [13,15]. Х.П. Крингс в монографии «Что происходит в головах переводчиков?», подчеркивая важность процесса перевода, особое внимание уделил переводческим стратегиям. Им предложено выделять «макстратегии» — решение ряда переводческих проблем, и «микстратегии» — решение одной переводческой проблемы. В «макстратегии» выделяется три этапа, а именно: предпереводческий анализ оригинала, собственно перевод и постпереводческая обработка текста. Можно предположить, что предпереводческий этап по Х.П. Крингсу соответствует этапу лексико-грамматического развертывания высказывания [19]. Вместе с тем, следует отметить, что данная работа связана с западными языками с алфавитным письмом.

Части речи в любом языке образуют взаимосвязанную систему, однако схема частей речи в европейских

языках не подходит для языков Азии и Африки. В китайском языке часть речи определяется двумя признаками: позиция слова в предложении и его сочетаемость с другими языковыми единицами.

Общая схема частей речи в китайском языке по А. А. Драгунову представлена ниже в таблице [5, с. 10].

А	I	Имя	1. существительное
			2. числительное
	II	Предикатив	1. прилагательное
			2. глагол
Б		Наречие	

Сложность грамматики китайского языка описана во многих руководствах, но особую трудность у обучающихся вызывает выделение грамматической структуры предложения. В китайском предложении выделяют ведущий член и грамматически и семантически связанные с ним зависимые члены предложения. Ведущие члены предложения могут далеко находиться друг от друга, т.к. между ними находятся определения и зависимые члены. В процессе перевода русские эквиваленты ведущих членов китайского предложения сближаются, а второстепенные, т.е. зависимые члены предложения сдвигаются к периферии [16, с. 5–14].

Подлежащее в китайском предложении может быть представлено отдельным словом или словосочетанием или целым предложением. Сказуемое также представлено словом или словосочетанием и может быть глагольным, связочным или качественным; глагольное сказуемое определяют по грамматическим маркерам: вспомогательные глаголы, видовременные показатели, отрицания, наречия и т.д. Дополнение, представленное словом или словосочетанием, находится или в конце предложения, или между группами других членов предложения, или внутри этих групп. Группа обстоятельств может быть выделена с учетом позиции в предложении или наличием грамматических конструкций [16, с. 5–14, 6, с. 5–6].

В китайском языке слова могут быть разделены на две группы: знаменательные, к которым можно поставить вопрос, и служебные — предлоги, союзы и др. Служебные слова помогают правильно понять грамматическую структуру и смысл предложения.

По утверждению Т.П. Задюенко: «Служебные слова и порядок слов — это два важнейших средства выражения грамматических отношений в китайском предложении. Постоянное внимание к этим двум показателям позволит...приобрести навыки свободного ориентирования в грамматической структуре китайского предложения, что, в свою очередь очень важно для точного понимания смысла предложения и правильного выражения мыслей на китайском языке» [6, с. 5].

При чтении текстов и при переводе с китайского языка на русский переводчик должен уметь пользоваться приемом грамматического абстрагирования, т.е. уметь представлять предложение в виде схемы. Общепринятыми считаются следующие обозначения: П — подлежащее, С — сказуемое, иС — именная часть сказуемого, Д — дополнение, О — определение, М — обстоятельство места, В — обстоятельство времени. Служебные и полуслужебные слова даются без зашифровки, т.к. являются постоянными элементами тех или иных грамматических конструкций [6, с. 6]:

1. 1) *Схема предложения с именным сказуемым* (определение, относящееся только к именной части сказуемого, может оказаться замкнутым между его структурными элементами — связкой и именной частью; все вместе, они составляют группу сказуемого):

(О) П — С → 是(shì) — (О), иС

2. 2) *Схема предложения с глагольным сказуемым*: (О) П — С — (О) Д;

3. 3) *Схема предложения с качественным сказуемым*: (О) П — С.

Как показывает практика трудности выделения структуры предложения в большей степени связаны с непониманием «как это сделать» — т.е. какие операции надо произвести, чтобы правильно выделить структуру предложения на подэтапе грамматического конструирования. Из множества операций выделим наиболее важные, к которым можно отнести: выявление синтаксических функций лексических единиц с учетом порядка слов в предложениях и составление абстрактных схем предложений. Подэтап лексического развертывания включает такие операции, как актуализация лексических значений единиц, семантическое прогнозирование и преодоление многозначности переводимых слов или словосочетаний с учетом контекста, для обеспечения которых необходимы сохранность механизмов, обеспечивающих взаимосвязь понятий в лексической системе языка.

Совокупность обозначенных операций при чтении на китайском языке с последующим его переводом на русский создает условия для соединения элементов предложения во фразовое единство путем их сопоставления и влияет на качество переводимого текста.

Поставленная задача в нашем исследовании решалась с использованием психофизиологического метода — окулографии. В эксперименте использовалась бесконтактная дистанционно-управляемая инфракрасная камера (SMI — SensoMotoric Instruments iViewX™ RED Remote). Анализировались параметры глазодвигательной активности (суммарное время фиксации пауз,

количество фиксаций на иероглифах, количество возвратных саккад), аудиозапись устного перевода письменного текста с китайского языка на русский.

Под глазодвигательной активностью в настоящем исследовании понимаются предметно обусловленные целенаправленные переносы взгляда, связанные с внешней предметной деятельностью [1, 3, 4], стратегия перемещения взгляда оценивалась по количественным параметрам движений глаз.

Эмпирической базой исследования послужило изучение особенностей лексического развертывания и грамматического конструирования высказывания при чтении текста на китайском языке с его последующим устным переводом на русский язык методом регистрации движения глаз у студенток старших курсов ИСАА, изучающих китайский язык (естественный язык — русский). В качестве стимульного материала использовались наборы предложений различного уровня лексической и грамматической сложности из материалов HSK, международного квалификационного экзамена, предназначенного для проверки уровня знания китайского языка у лиц, не являющихся его носителями [18].

В эксперименте оценивались указанные параметры глазодвигательной активности в отрезок времени от начала появления предложения на экране мониторе до момента начала устного перевода. Для подтверждения достоверности полученных результатов использовались методы статистической обработки данных, полученных с помощью: коэффициента ранговой корреляции Спирмена, критерия согласия Пирсона, непараметрического критерия знаков, ПО BeGaze.

По результатам устного перевода (на уровне значимости $p < 0,01$) испытуемые были разделены на две группы: успешные (имеющие незначительное количество ошибок) и неуспешные (имеющие значительное количество ошибок).

Обсуждение

результатов. Разберем особенности стратегий перемещения взгляда и определяющих их операций, при чтении текста на китайском языке с его последующим устным переводом на русский язык у успешных и неуспешных испытуемых на примере сложносочиненного предложения.

Данное предложение состоит из трех простых, с прямым порядком слов частей: 你看，这棵已经生长了一千年的老树太粗了，十个人才能完全抱过来它 nǐ kàn, zhè kē yǐ jīng shēngzhǎng le yī qiān nián de shù tài cū le, shí gè rén cái néng wánquán bào guò lái tā («Посмотри, это де-

рево, которому уже тысяча лет, очень толстое, и только десять человек смогут его полностью обхватить»). Для лучшего понимания обозначим лексические значения структурно-семантических компонентов китайского предложения. Лексическая единица 树(shù) имеет значения: дерево, растение, в глагольном значении: сажать, выращивать, водружать. Лексическая единица в функции качественного сказуемого 粗(cū) во второй части предложения предполагает актуализацию лексических значений: небрежный, грубый, халатный, шероховатый, неприятзательный, толстый, необстоятельный. Сказуемое 报过来(bàoguò lái) состоит из трех морфем. Первая морфема сказуемого в третьей части предложения имеет глагольные значения: заключать в объятия, обнимать, окружать, таить в себе, завернуть; вторая морфема сказуемого является сложным направительным компонентом, указывающим направление движения или действия с точкой, лежащей на маршруте, по которому перемещается объект/субъект и имеющим значения: миновать, переходить, пересекать; третья морфема — простой направительный компонент, обозначающий пространственно-направленное действие в зависимости от того, где находится тот, кто произносит данное высказывание со значением: прибывать, приходить.

Стратегии перемещения взгляда у успешных испытуемых характеризуются последовательным просмотром иероглифических знаков каждой из трех частей предложения, имеющих смысловое и синтаксическое единство, и выявлением синтаксических функций лексических единиц с учетом порядка слов в частях предложения, наличием возвратных саккад при переходе от одной части предложения к другой и возвратных саккад между структурно-семантическими компонентами частей предложения в целом.

К первой части, состоящей из подлежащего и сказуемого, испытуемые возвращаются после перемещения взгляда к первым иероглифическим знакам второй части предложения (указательное местоимение и счетное слово, предполагающее наличие имени существительного в функции подлежащего) и фиксации на них. Аналогичные возвратные саккады наблюдаются при переходе во время чтения от второй к третьей части предложения. Испытуемые фиксируют взгляд на числительном и счетном слове с последующим за ним именем существительным третьей части и возвращаются к анализу второй части предложения. Во второй части предложения также отмечаются возвратные саккады для повторного прочтения группы подлежащего, состоящей из указательного местоимения, счетного слова, определения к подлежащему и подлежащего. И, только несколько раз прочитав слова, входящие в группу подлежащего, испытуемые переводят взгляд на качественное сказуемое второй части предложения. В третьей части возвратные

саккады зафиксированы на иероглифических знаках сказуемого, имеющего сложную семантико-синтаксическую структуру.

Можно предположить, что повторные прочтения каждой из частей предложения позволяют испытуемым выделить их (частей предложения) абстрактные схемы, после чего испытуемые, многократно возвращаясь к структурно-семантическим компонентам частей предложения (подлежащее и качественное сказуемое второй части — «дерево» и «толстый», сказуемое третьей части — «обхватить»), сопоставляют их между собой и формируют схему предложения в целом.

Ниже, в качестве примера, представлены графики с отображением последовательности перемещения взгляда при чтении предложения на китайском языке как наиболее типичные для групп успешных и неуспешных испытуемых. У успешной испытуемой Мш. количество возвратных саккад и фиксаций составляет 113 и 169, у неуспешной испытуемой Рс. — 4 и 32. Суммарное время фиксационных пауз успешной испытуемой составляет — 39429,3 мс, у неуспешной — 9305,3 мс.

Соединение элементов предложения во фразовое единство невозможно без актуализации лексических значений единиц, семантического прогнозирования и преодоления многозначности переводимых слов с учетом контекста.

Операция семантического прогнозирования у успешных испытуемых заключается в выборе соответствующих значений структурно-семантических компонентов предложения с учетом общего контекста, что подтверждается перемещениями взгляда, преодоление многозначности связано с выделением синтаксических целых. Фиксационные паузы на структурно-семантических компонентах (слова «толстый» и «обхватить») у успешных испытуемых достоверно длительнее по времени ($p < 0,05$), чем у неуспешных. Объединение элементов текста в единое смысловое и грамматическое целое завершается адекватным и эквивалентным переводом. Приведем пример перевода успешной испытуемой: «Погляди, это старое дерево, которому уже тысяча лет, такое толстое, что десять человек едва ли смогут его обхватить».

В группе неуспешных испытуемых обозначенные выше операции носят непоследовательный и незавершенный характер. У неуспешных испытуемых прослеживается последовательное, но с пропусками отдельных иероглифов, включая главные члены предложения, перемещение взгляда по иероглифическим знакам предложения. Операция выделения синтаксических функций лексических единиц с учетом порядка слов в частях предложения крайне затруднена, при анализе траекто-

рий перемещения взгляда не зафиксированы возвратные саккады между частями предложения и структурно-семантическими компонентами предложения. Абстрактные схемы частей предложения и предложения в целом не выстраиваются.

Приведем пример типичного перевода в группе неуспешных испытуемых: «Смотри, это дерево росло более тысячи лет и только после этого десять человек смогли его срубить». В тексте устного перевода отсутствует структурно-семантический компонент «толстый», который во второй части данного предложения является качественным сказуемым. Вместо сказуемого «толстый» используется слово «расти», входящее в состав определения к слову «дерево». Неправильное понимание синтаксической функции лексических единиц приводит к искажению смыслового контекста предложения.

В некоторых случаях операция выделения абстрактных схем предложения либо отсутствует (перевод испытуемой Кр.: «Посмотри, это дерево»), либо представлена

рудиментарно после операций, связанных с попыткой актуализации лексических значений единиц (перевод испытуемой См.: «Ты посмотри, это видимо уже, какое-то счетное слово, сбор чего-то, уже вырос, тысячетные старые деревья, что-то, что-то может с них упало и с них взять можно».).

У неуспешных испытуемых также нарушена операция семантического прогнозирования, предполагающая выбор согласующихся по смыслу между собой лексических единиц. Степень рассогласования выбора варьирует в диапазоне от допустимых сочетаний, но не вполне соответствующих общему контексту предложения до сочетаний, не имеющих отношения к данному контексту.

В переводах испытуемых: «Смотри, это дерево росло более тысячи лет и только десять человек могут его спилить» (перевод испытуемой Ж.), «Дерево, которое слишком старое стало и десять человек могут его выкорчевать из земли» (перевод испытуемой К.), несмотря на пропущенное качественное сказуемое, в обще-

принятом смысле отмечаются допустимые сочетания слов — «дерево... спилить», «дерево... выкорчевать». Испытуемые, неправильно выделив абстрактную схему предложения, в переводах высказывают предположение «что можно сделать с деревом», опираясь на высокочастотные социокультурные словосочетания и искажая смысловой контекст предложения.

В других переводах испытуемыми допускались ошибки, связанные с утратой понимания общего контекста предложения, например: «Это дерево насчитывает уже тысячу лет и несколько человек за это время успели, честно говоря, не знаю, может быть похоронить, умереть» (перевод испытуемой П.). В данном примере, возможно, ассоциативные связи слов предложения «похоронить, умереть», имеют отношение не к структурно-семантическим компонентам («дерево» — «толстое» — «обхватить»), а к словам, обозначающим длительный период времени («тысяча лет»), на которых отмечается длительное суммарное время фиксационных пауз (4% от общего времени чтения).

Значительные трудности у неуспешных испытуемых вызывает перевод глагола со сложной синтактико-семантической структурой, что связано с незавершенностью операции преодоления многозначности переводимых слов с учетом контекста.

Приведем примеры неточного перевода трехкомпонентного направительного глагольного сочетания. При анализе экспериментального материала выявлено, что даже при наличии фиксационных пауз различной дли-

тельности на отдельных морфемах глагола (теоретически предполагается, что во время пауз идет узнавание визуальных знаков), отмечаются эпизоды выделения грамматической функции сложного глагола либо без учета его лексического значения в данном предложении (вместо слова «обхватить» используются слова «обнять», «обойти», но в данном предложении дерево не обнимают и не обходят), либо заменой лексического значения слова «обхватить» на слова из другой семантической группы, отсутствующие в качестве значения данного слова («спилить», «срубить», «выкорчевать», «похоронить», «умереть»). Также отмечаются эпизоды поморфемного перевода (вместо слова «обхватить» — «вернуть и уйти», «унести»), что обусловлено либо пропуском морфемы, которое отчетливо прослеживается при анализе траекторий перемещения взора, либо непониманием или незнанием функций направительных компонентов сложного глагольного сочетания.

Выводы. В группе успешных испытуемых стратегии перемещения взора характеризуются последовательным прочтением смысловых частей предложения и объединением структурно-семантических компонентов предложения в абстрактную схему. У неуспешных испытуемых подобной тенденции не отмечается.

Таким образом, совокупность и завершенность операций подэтапов грамматического конструирования и лексического развертывания влияет на характер перемещения взора и является необходимым условием для соединения элементов предложения во фразовое единство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абушкин Б.М. К вопросу о содержательных характеристиках результатов глазодвигательной активности // Журнал системная психология и социология. 2010. Т. 1. № 1. С. 82–97.
2. Алексеева С. В. Распознавание слов на ранних этапах чтения: экспериментальное исследование на материале русского языка: дисс. . . к. фил. н. СПб., 2018. с.
3. Анисимов В. Н. Движения глаз при чтении предложений с синтаксической неоднозначностью: дисс. . . к. биол. н. М., 2013. 90 с.
4. Глезер В. Д. Зрение и мышление. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Наука, 1993. 284 с.
5. Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. 1952, — с 10.
6. Задоевко Т.П., Хуан Шуин Основы китайского языка. Основной курс. 2-е изд., испр. — М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993 с. 5–6.
7. Иванов В.В. К вопросу о возможности использования лингвистических характеристик сложности текста при исследовании окулomotorной активности при чтении у подростков // Новые исследования. 2013. № 1 (34). С. 42–50.
8. Колесникова О.В., Молчанов С. А., Терещенко Л. В., Латанов А. В. Влияние пространственно-временных параметров стимуляции на асимметрию латентных периодов саккад у человека. Структурно-функциональные и нейрохимические закономерности асимметрии и пластичности мозга (материалы Всероссийской конференции с международным участием). — М.: ИЗПЦ «Информкнига», 2006, с. 132.
9. Коршунов Д. С. Психолингвистические модели чтения в буквенных и иероглифических языках: автореферат дис. . . кандидата филологических наук Москва, 2012.
10. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. Изд. стереотип. М.: URSS. 2014. 312 с.
11. Скворцова А. Н. Особенности формирования восприятия письменной речи и механизм управления движениями глаз при чтении: дисс. . . к. психол. н. М., 1992. с.
12. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.

13. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 814.
14. Ткачева Л. О. Психофизиологические механизмы решения задачи зрительного поиска у человека: диссертация . . . кандидата биологических наук Москва, 2011
15. Щичко В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода. М.: АСТ Восток-Запад, 2007. 223 с.
16. Щичко В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода. М.: АСТ Восток-Запад, 2007. 223 с. С. 5–14.
17. Clifton C. Jr., Staub A., Rayner K. Eye Movements in Reading Words and Sentences. Eye movement research: a window on mind and brain. Oxford: Elsevier, Ltd., 2007. 600 p.
18. HSK (初、中等) 全攻略教程 / 主编赵菁。北京: 商务馆HSK丛书, 2009. 339页。(Полный сборник учебных материалов экзамена HSK (начальный, средний уровень) / под редакцией Чжао Цин. Пекин: Коммерческая пресса, серия HSK, 2009. 339 с.
19. Krings H. Was in den Köpfen von Übersetzernvorgeht. Michigan: GNV, 1986. 576 p.
20. Shen, Deli; Liversedge, Simon P.; Tian, Jin; Zang, Chuanli; Cui, Lei; Bai, Xuejun; Yan, Guoli; Rayner, Keith. Eye movements of second language learners when reading spaced and unspaced Chinese text. Journal of Experimental Psychology: Applied, Vol 18(2), Jun 2012, 192–202.

© Немтинова Алёна Владимировна (lena-nemt@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ОТ НАЦИОНАЛЬНОГО ФРОНТА К НАЦИОНАЛЬНОМУ ОБЪЕДИНЕНИЮ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ДИСКУРСА ПАРТИИ МАРИН ЛЕ ПЕН

**FROM THE NATIONAL FRONT
FOR NATIONAL UNIFICATION:
THE BASIC DIRECTIONS
OF TRANSFORMATION
OF THE DISCOURSE OF THE PARTY
OF MARINE LE PEN**

**M. Petrova
M. Ogorodov
M. Tarasova**

Summary. The article is devoted to the description of the main directions of transformation of the National Front discourse by comparing the traditional discourse of the National Front party under the leadership of Jean-Marie Le Pen and the modern discourse of the party led by Marine Le Pen. The relevance of the study is due to the growth of nationalism and right-wing populism in modern Europe and the importance of understanding the mechanisms of nationalist and populist discourse. The study was conducted on the materials of speeches by the leaders of the National Front Marine Le Pen and her predecessor Jean-Marie Le Pen. The novelty of the study is due to the inclusion of materials for 2015–2019 in the corpus of analyzed texts. The authors of the study identified a number of characteristics of the updated National Front discourse.

Keywords: populism, political discourse, transformation of discourse, “dediabolisation”, National Front, Marine Le Pen, Jean-Marie Le Pen

Сегодня, в эпоху усиления популистских тенденций в политике, поддержка избирателей во многом зависит не только от конкретных программных положений, но и от дискурсивной специфики выступлений партийных идеологов. Типичным политиком, использующим популистский дискурсивный инструментарий с учетом ситуации, является Марин Ле Пен, возглавляющая французскую крайне правую партию Национальный фронт (Front National), в дальнейшем — НФ. **Целью** данной статьи является характеристика основных направлений трансформации дискурса НФ под руководством Марин Ле Пен. Данная цель будет реализована путём решения следующих задач:

Петрова Мария Леонидовна
К.филол.н., доцент, Московский государственный институт
Международных отношений (университет) МИД
России
souratem@hotmail.com

Огородов Михаил Константинович
К.филол.н., Московский государственный институт
Международных отношений (университет) МИД
России
mkogo@mgimo.ru

Тарасова Мария Вячеславовна
К.филол.н., доцент, Московский государственный институт
Международных отношений (университет) МИД
России
maria.tarasova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена описанию основных направлений трансформации дискурса Национального фронта путём сравнения традиционного дискурса партии Национальный фронт периода председательства Жана-Мари Ле Пена и современного дискурса партии под руководством Марин Ле Пен. Актуальность данного исследования связана с ростом национализма и правого популизма в современной Европе и важностью понимания механизмов националистического и популистского дискурса. Исследование выполнено на материале выступлений руководителей Национального фронта Марин Ле Пен и её предшественника Жана-Мари Ле Пена, при этом новизна работы обусловлена включением в корпус анализируемых текстов материалов за 2015–2019 гг. Авторы выделяют ряд характеристик обновлённого дискурса Национального фронта.

Ключевые слова: популизм, политический дискурс, трансформация дискурса, «дедемонизация», Национальный фронт, Марин Ле Пен, Жан-Мари Ле Пен.

- ♦ сравнение традиционного дискурса Национального фронта (периода председательства Жана-Мари Ле Пена) и современного дискурса партии, выделение общих и отличительных черт;
- ♦ выявление примеров «двойного дискурса» Марин Ле Пен.

Актуальность статьи связана с ростом национализма и правого популизма в современной Европе и, в частности, во Франции. Наше исследование, как нам представляется, может способствовать лучшему пониманию прагматических механизмов националистического и популистского дискурса.

Дискурс НФ и, в частности, Марин Ле Пен уже давно привлекает внимание филологов, политологов и журналистов. Новизна данного исследования обусловлена включением в корпус анализируемых текстов материалов за 2015–2019 гг., доступных на официальном сайте партии <https://rassemblementnational.fr/>, что обеспечивает актуальность и релевантность результатов. Исследование проведено с применением метода семантического и дискурс-анализа.

Несмотря на распространенность термина «популизм», его конкретное содержание, по мнению многих исследователей, остается недостаточно проясненным. С этим связаны попытки дать более четкое определение феномену популизма, выяснить, правомерно ли считать его разновидностью политической идеологии или мировоззрения политического деятеля — или же речь должна идти скорее о стиле коммуникации, о дискурсивной манере, которую в зависимости от обстоятельств используют для достижения своих целей самые разные политики. Так, социолог Б. Бониковски подверг критическому переосмыслению сразу три устоявшихся тезиса, показав, что популизм не является идеологией, свойственен не только правым политикам и появился на мировой арене еще в конце XIX века. По его мнению, политики-популисты лишь излагают с помощью одних и тех же способов и инструментов схожие взгляды, но идеология популистских движений в каждой стране имеет свои особенности [7, с. 10–15]. Популизму свойственны риторическое противопоставление народа и элиты при помощи резкой и патриотичной лексики, стратегическое использование СМИ для привлечения внимания к персоне политика и для транслирования его позиции [6]. Характерны для популизма также апелляция к национальному и культурному единству страны, нагнетание враждебности по отношению к иммигрантам и сторонникам глобализации, поддержка традиционных ценностей. Важную роль играют харизма лидера, его стремление к прямой коммуникации с избирателями, использование партийными спикерами агрессивного, воинственного, прямолинейного, простого и яркого языка, активная медиатизация политики [7, с. 10–15].

Политический феномен нынешней главы Национального фронта (Национального объединения) уже давно привлекает внимание филологов и политологов. Так, ряд работ посвящен проблеме современного популизма [6, 7] и положению Ле Пен в ряду политиков-популистов [8], а также «феномену Ле Пен» как уникальному явлению в истории политических партий [11]. Много внимания исследователи уделяют излюбленным семантическим полям и темам Ле Пен и предпочитаемым ею стратегиям дебатирования [9, 13, 20].

Особое место в научной литературе занимает вопрос о том, как — и с помощью каких способов — изменился

образ НФ в прессе после того, как Марин Ле Пен сменила отца на посту главы партии. Изучая эмоциональную окраску выступлений обоих Ле Пен с применением методов корпусной лингвистики, филологи отмечают смену негативно окрашенного дискурса на позитивный, эмпатический [2, 5], более популистский и презентабельный, особенно в отношении ключевой для программы партии темы иммиграции и отношения к Другому [22]. Два крупных исследования, посвященные статистическому анализу речей руководителей НФ, проведенные в 1998 и в 2015 гг. с участием французского политолога и специалиста в области политических технологий Стефана Ваниша, позволяют проследить основные направления дискурса партии с 1983 по 2014 гг. [3, 21]. Безусловно важным аспектом в данном контексте является изучение соотношения между трансформацией дискурса и изменением программных установок НФ [19].

Таким образом, можно заключить, что тема лингвистических аспектов имиджа Марин Ле Пен как политика популистского толка востребована в современных лингвистических исследованиях.

Трансформация дискурса Национального фронта в новых политических условиях

В январе 2011 г. Марин Ле Пен сменила своего отца на посту председателя основанной им в 1972 г. партии Национальный фронт. С 1 июня 2018 г. партия Национальный фронт носит название Национальное объединение (Rassemblement National). Однако в нашей статье мы будем использовать старое название партии, Национальный фронт, так как именно с ним связана почти 50-летняя история этого политического объединения, всегда игравшего на французской политической сцене заметную роль. С приходом Марин Ле Пен значение партии в политической жизни Франции существенно возросло. В 2012 г. и 2017 г. Марин Ле Пен баллотировалась на выборах президента Франции, причем в 2017 г. она вышла во второй тур голосования. Возглавив НФ, Марин Ле Пен сразу же заявила о себе как о реформаторе партийного дискурса. Не порывая радикально с традиционными программными установками и с лексиконом своего предшественника, она приступила к реализации кампании по улучшению имиджа, «дедemonизации» («*dédiabolisation*») партии, выражающейся, в том числе, в смене риторики партийных лидеров с целью привлечения новых сторонников и выведения партии из маргинальной ниши для более активного участия в политической жизни Франции. Параллельно Ле Пен стала выстраивать для себя новый образ партийного лидера — персонажа эмоционального, активно участвующего в политических дебатах, но не чуждого традиционно женской эмпатии и заботы о слабых [9, 13, 20]. Женщи-

нам-политикам по-прежнему трудно выйти на лидирующие позиции, и если уж это происходит, то выглядят они зачастую ярче мужчин. Присутствие женщины на руководящем посту может расцениваться и как желание придать партии более современный облик, показать ее готовность уделять большее внимание решению социальных проблем [1].

В начальный период пребывания Марин Ле Пен на посту председателя партии её дискурс не содержал радикального разрыва с предыдущим периодом. Изменился общий тон выступлений главы НФ: хотя в своих выступлениях она иногда позволяла себе провокационные высказывания, эти высказывания были далеки от расистских, антисемитских и гомофобных ремарок, которые давали прессе поводы порицать её отца и за которые он неоднократно подвергался судебному преследованию [20, с. 190–195].

Поворотным моментом стало выступление Жана-Мари Ле Пена 2 апреля 2015 г.: в эфире BFMTV-RMC он в очередной раз заявил, что считает использовавшиеся нацистами газовые камеры «одной из деталей истории войны». На этот раз Марин Ле Пен, а затем и всё руководство НФ поспешили отмежеваться от «провокационных» слов основателя партии. В результате скандала Жан-Мари Ле Пен был исключён из созданного им объединения.

Этот эпизод совпал по времени с началом подготовки к участию Марин Ле Пен в президентских выборах 2017 г. и стал очевидным проявлением отказа от использования радикально-маргинальной риторики в дискурсе партии.

Отказавшись от провокационной риторики своего предшественника, Марин Ле Пен избрала подход, который можно определить как тактику «непрозрачности» дискурса, т.е. использования абстрактных, слишком общих понятий, которые каждый слушатель может интерпретировать по-своему: *Derrière le combat de la nation, [...] il y a celui pour un mode de vie, un art de vie, des valeurs, il y a notre conception de l'homme et du monde, il y a une vision élevée qui ne se réduit pas à un taux, un droit acquis, une courbe ou une petite phrase.* [16] (*Наша борьба за нацию [...] предполагает борьбу за определённый образ жизни, за определенное искусство жизни, за определённые ценности, некоторое высокое видение, которое не сводится к какому-то процентному показателю, полученному праву, графику или броской фразе*). Остаётся непонятным, в чём же заключается «некое высокое видение» партии, борющейся за власть? Это лишь один из примеров абстрактной, имплицитной риторики Марин Ле Пен. Такой способ выражения имеет также следующий

эффект: если лексема *complot* (*заговор*), бывшая одной из ключевых в дискурсе Жана-Мари Ле Пена, исчезла из лексикона Марин Ле Пен, то использование в её выступлениях обезличенных, непрозрачных формулировок наводит на мысль о существовании некоей тайной силы, стоящей за действиями правящих элит всех уровней: *cette démocratie confisquée* [17] (*конфискованная демократия*), *L'Union européenne s'est construite sur un récit gentiment orchestré* [15] (*В основании Европейского Союза лежит гладко сочинённая легенда*), *des agents d'intérêts politiques ou financiers étrangers à la France* [15] (*проводники политических и финансовых интересов, чуждых Франции*).

Впрочем, следует отметить, что словарь Марин Ле Пен обнаруживает одновременно преемственность по отношению к прежнему периоду истории НФ и признаки осовременивания. Если ключевые понятия в целом сохранились без изменений и подбор слов различается незначительно, то их подача в контексте и эмоциональная окраска стали играть гораздо большую роль. Ряд ключевых понятий дискурса основателя партии Жан-Мари Ле Пена, такие как *État, nation, démocratie, République*, были унаследованы его дочерью и преемницей, но приобрели в современной риторике партии новые значения. Так, *État-nation* рассматривается теперь как *État-protecteur*, как государство, работающее на благо своих граждан (*nationaux*) [3, с.45], что предполагает исключение из этого понятия «не-граждан», которые часто обозначаются лексемой *étrangers*, являющейся синонимом традиционной для партии лексемы *immigré / migrant* (*иммигрант*).

Еще одной особенностью новой версии Национального фронта, взявшего курс на борьбу за власть, является появление новых тем, слабо представленных в прежнем дискурсе партии. Речь идёт прежде всего о внимании к экономическим вопросам, что обуславливает более частое употребление экономической терминологии. Частотность употребления лексемы *économie* (*экономика*) выросла на 50%, лексемы *économique* (*экономический*) — на 30%, а лексемы *euro* (*евро*) — в 3,5 раза по сравнению с выступлениями основателя НФ [3, с.86]. Экономический аспект превалирует также в тематике, имеющей отношение к иммиграции: среди ключевых понятий, связанных со словом *immigration* (*иммиграция*) у Марин Ле Пен присутствуют лексемы *salaires* (*зарплата*), *baisse* (*снижение*), *coût* (*стоимость*), в то время как у её отца превалировали лексемы, относящиеся к семантическому полю тревожности, такие как *danger* (*опасность*), *menace* (*угроза*), *perte* (*потеря, утрата*) [3, с. 118]. По тем же причинам — необходимость расширения электората и формулирования предвыборной программы, приемлемой на общенациональном уровне, — расширилась часть дискурса, связанная с респу-

бликанскими институтами и ценностями. Так, Марин Ле Пен широко использует лексему *liberté* (свобода), которая занимает 19-е место по частотности в её словаре, *droit* (право), и в 3 раза чаще, чем её отец, упоминает *République* (Республика) [10]. Особое место в дискурсе НФ принадлежит понятию *laïcité* (светскость), включение которого в риторику партии (равно как и включение проблематики, связанной с отделением религии от государства, в программу) явилось свидетельством «республиканского поворота» НФ [2]. В современном дискурсе лидера НФ понятие «светскость» по-прежнему часто употребляется, используя, главным образом, в контексте борьбы с исламизацией.

И, наконец, последнее выявленное нами изменение в дискурсе НФ связано с гендерным фактором. Приход женщины-лидера неизбежно должен был внести изменения в партийный дискурс. Парадоксальным образом, гендерное изменение в руководстве партии не находит широкого применения для привлечения женской части электората. Возможно, это связано с тем, что программа партии не содержит сколько-нибудь серьёзных предложений, связанных с защитой прав женщин. Марин Ле Пен эксплуатирует гендерный аспект скорее в контексте традиционного для партии обращения к культурным архетипам, обозначаемым существительными женского рода, таким как *la France* (Франция), *la patrie* (родина), *la terre* (земля), и к мифологизированным фигурам (*Jeanne d'Arc*), усиливая эффект использования данных тропов и создавая образ «покровительницы», «защитницы угнетённых»: *Marine Le Pen se présente comme la madone des «vrais Gilets jaunes»*. [12] (*Марин Ле Пен выступает в качестве мадонны «настоящих Жёлтых жилетов»*.) или *Le Pen dit avoir incarné «la voix du peuple» au débat face à Macron*. [18] (*Ле Пен утверждает, что в дебатах с Макроном она представляла «глас народа»*.)

Перечисленные особенности современного дискурса НФ позволяют заметить, что Марин Ле Пен пытается найти баланс между формированием образа политической партии, способной управлять страной, и сохранением идейной подосновы партийной программы, необходимым для удержания доверия нынешних сторонников партии.

Изменение названия партии как отражение «двойного дискурса» Марин Ле Пен

Многие исследователи современного дискурса НФ приходят к выводу о том, что усилия по изменению имиджа партии связаны, главным образом, с коммуникативным аспектом и не затрагивают основные программные установки [3, 9, 19].

В этом смысле интересно отметить, что заявленная «дедемонизация» НФ распространяется прежде всего на внешний дискурс партии. Риторика выступлений Марин Ле Пен перед внешней аудиторией существенно отличается от идей и понятий, которые она транслирует во внутренней коммуникации, выступая перед членами своей партии. Внутренний дискурс руководства партии представляет больше общих черт с традиционным дискурсом НФ, являясь более провокативным, агрессивным и воинственным.

В качестве иллюстрации этого тезиса можно привести смену названия партии, официально проведённую 1 июня 2018 г.

На первый взгляд, смена названия партии Национальный фронт является логическим элементом новой имиджевой стратегии партийных лидеров. Во-первых, воинственная коннотация прежнего названия, содержащего лексему «фронт», уступает место нейтральному и гуманистическому звучанию, связанному с понятием «объединение». Во-вторых, «фронт» представляет собой одну (переднюю) линию, предполагая одновременное нахождение на ней ограниченного числа участников. «Объединение» позволяет включить в данное образование неограниченное число людей, что сообщает названию партии демократический и универсалистский характер. Интерпретируемое таким образом новое название партии Марин Ле Пен посылает обществу сигнал о прогрессе, достигнутом в деле модернизации, демократизации и открытости партии.

Обосновывая в выступлениях перед внешней аудиторией необходимость смены названия, Марин Ле Пен ссылается на современные политические реалии, в которых невозможно победить без создания политических альянсов: *Pourquoi se le cacher, le nom «Front National», c'est aussi une difficulté pour les alliances. Et pas d'alliance sous la Vème république cela signifie que nous ne pourrons jamais conquérir le pouvoir*. [14] (*Зачем обманывать себя, название «Национальный фронт» представляет препятствие для создания альянсов. А отсутствие альянсов при V Республике означает, что мы никогда не сможем завоевать власть*»). Вместе с тем, выступая перед членами своей партии, она, с одной стороны, развивает тот же тезис о необходимости альянсов, но при этом тут же говорит: *Ce nouveau nom qui claque comme un cri de ralliement* [16] (*Это новое имя звучит как громкий призыв к сбору*). При этом она использует «хлёсткий» глагол *claquer* (хлопать, щёлкать) и существительное *ralliement*, обозначающее, в том числе, *sbor vojsk*. В следующей же фразе Марин Ле Пен уточняет, что эмблема партии — стилизованное пламя — остаётся прежней, и заявляет: [...] *notre flamme [...] continue de nous réchauffer le cœur; d'éclairer nos actions, et de rassembler nos militants*

comme autour du bivouac [16] ([...] *это пламя [...] будет по-прежнему согревать наши сердца, освещать наши дела и собирать наших борцов как на бивуаке*). Добавим также, что помимо значения объединения существительное *rassemblement* во французском языке обозначает *сбор, построение войск*.

Таким образом, эпизод, связанный с изменением названия партии, демонстрирует пример «двойного дискурса», практикуемого партией под руководством Марин Ле Пен.

На основании проведённого исследования мы можем сделать **вывод** о том, что лидер французской партии Национальный фронт, кандидат в президенты Франции на выборах 2012 г. и 2017 г. Марин Ле Пен является типичным политиком-популистом, использующим популистский дискурсивный инструментарий и одновременно проводящим реформу партийного дискурса, стремясь повысить привлекательность для избирателей своей партии и своей кандидатуры без отказа от традиционных программных установок. Обновлённый дискурс НФ, взявшего курс на борьбу за власть, представляет такие черты как: отказ от агрессивно-провокационной риторики, частичная смена ключевых понятий, включение

новой для партии тематики, в частности, экономической, а также эксплуатация гендерной принадлежности лидера партии. При этом дискурс Марин Ле Пен характеризуется использованием приёма «непрозрачности», позволяющего различную трактовку её высказываний. Кроме того, распространённым элементом коммуникации Марин Ле Пен является «двойной дискурс», предполагающий различия в риторике и наборе ключевых понятий при обращении к внешней и внутривнутрипартийной аудитории. Показательным и в высшей степени символическим примером практики «двойного дискурса» явилось недавнее изменение названия партии.

В этой статье мы ограничились описанием основных направлений трансформации политического дискурса НФ, не пытаясь оценивать эффективность мер по «дедемонизации» с точки зрения политического продвижения партии. Для подобного исследования необходимо проведение также социологического, политологического и экономического анализа, что невозможно в рамках данной статьи. Соотношение между популистским дискурсом и реальными действиями партий и партийных движений должно стать темой обширных научных исследований, актуальность которых для современной политической реальности сложно переоценить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкина О. Е. Фреймовое представление концепта политик (по материалам российской и французской прессы) // Филологические науки в МГИМО. Сб. научных трудов. М., 2002. № 10 (25). С. 170–182.
2. Жидкова А. В. «Республиканский поворот» в стратегии французской партии Национальный фронт (2011–2012) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. М., 2016. [Электронный ресурс] — Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/respublikanskiy-povorot-v-strategii-frantsuzskoy-partii-natsionalnyy-front-2011-2012>. (Дата доступа 2 июня 2019).
3. Alduy C., Wahnich S. Marine Le Pen prise aux mots. Décryptage du nouveau discours frontiste. P.: Seuil, 2015. 320p.
4. Baider F. La parole inversée? Marine Le Pen et son identité-ressource langagière. // Nouvelles perspectives en sciences sociales, 2015, 11 (1), 217–252.
5. Baider F., Constantinou M. Jean-Marie Le Pen vs Marine Le Pen: un 'ethos émotif' différent? // Studia Romanica Posnaniensia, 2015, 42/4, 3–19.
6. Block E., Negrine R. The Populist Communication Style: Toward a Critical Framework // International Journal of Communication, 2017, 11, 178–197.
7. Bonikowski B. Three Lessons of Contemporary Populism in Europe and the United States. // The Brown Journal of World Affairs, 2016, Volume XXIII, Issue I, 9–24.
8. Brubaker R. The New Language of European Populism: Why "Civilization" Is Replacing the Nation. // Foreign Affairs, December 6, 2017.
9. Commin I. Tuer le père? La communication politique du Front National de Marine Le Pen. Mémoire présenté comme exigence partielle de la maîtrise en science politique. Université du Québec à Montréal, janvier 2016. 142 p.
10. Doucet D. Marine Le Pen continue à pratiquer un double discours. [Электронный ресурс] — Режим доступа <https://www.lesinrocks.com/2015/02/18>. (Дата доступа 15 июня 2019 г.).
11. Ecuivillon P. Le phénomène Le Pen: analyse relationnelle, historique et esthétique d'une singularité politique. Thèse pour obtenir le grade de Docteur de l'Université Paul Valéry — Montpellier III. 2015. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01206010> (Дата доступа: 10 января 2019 г.).
12. Européennes: Marine Le Pen se présente comme la madone des « vrais Gilets jaunes » // La Tribune, 18.02.2019. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.latribune.fr/economie/france/europeennes-marine-le-pen-se-presente-comme-la-madone-des-vrais-gilets-jaunes-807839.html> (Дата доступа: 20 июня 2019 г.).
13. Falzone M., Lasalle A. La construction de l'ethos de la politicienne Marine Le Pen dans une émission d'affaires publiques. // ContraPonto, Belo Horizonte, v. 3, n. 3, 2013, 143–166.
14. Le Pen M. Discours à Kintzheim, 24.02.2018. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rassemblementnational.fr/discours/discours-de-marine-le-pen-a-kintzheim/> (Дата доступа: 16 июня 2019 г.).
15. Le Pen M. Discours à Metz, 1.05.2019. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rassemblementnational.fr/discours/metz-discours-de-marine-le-pen-1er-mai/> (Дата доступа: 16 июня 2019 г.).

16. Le Pen M. Discours à Lyon, 1.06.2018. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rassemblementnational.fr/discours/marine-le-pen-a-lyon-1er-juin-2018/> (Дата доступа: 17 июня 2019 г.)
17. Le Pen M. Discours au Thor, 19.01.2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rassemblementnational.fr/discours/reunion-publique-au-thor-84-discours-de-marine-le-pen/> (Дата доступа: 17 июня 2019 г.)
18. Le Pen dit avoir incarné « la voix du peuple » au débat face à Macron // Le Point, 04.05.2017. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.lepoint.fr/politique/le-pen-dit-avoir-incarne-la-voix-du-peuple-au-debat-face-a-macron-04-05-2017-2124922_20.php (Дата доступа: 17 июня 2019 г.)
19. Shields J. Marine Le Pen and the 'New' FN: A Change of Style or of Substance? // Parliamentary Affairs (2013) 66, 179–196.
20. Sini L. De l'icône à l'exemple historique: Le discours de commémoration de Jeanne d'Arc par Marine Le Pen. Argumentation et Analyse du Discours [Online], 2015, 15. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://journals.openedition.org/aad/2090>. (Дата доступа: 12 октября 2018)
21. Souchart M., Wahnich S., Cuminal I, Wathier V. Le Pen, les mots. P.: La Découverte, 1998. 279 p.
22. Stockemer D., Barisione M. The 'New' Discourse of the Front National under Marine Le Pen: A Slight Change with a Big Impact. // European Journal of Communication, 32, 2, 100–115.

© Петрова Мария Леонидовна (souratem@hotmail.com),

Огородов Михаил Константинович (mkogo@mgimo.ru), Тарасова Мария Вячеславовна (maria.tarassova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный институт международных отношений

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ “THE QUEEN OF HEARTS” В СКАЗКЕ ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА “ALICE’S ADVENTURES IN WONDERLAND” (НА ПРИМЕРАХ ПЕРЕВОДОВ Н.М. ДЕМУРОВОЙ, Б.В. ЗАХОДЕРА, Л.Л. ЯХНИНА, Е.В. КЛЮЕВА)

**PECULIARITIES OF THE POEM
TRANSLATIONS “THE QUEEN
OF HEARTS” IN THE FAIRY TALE “ALICE’
ADVENTURES IN WONDERLAND”
BY LEWIS CARROLL (BASED
ON THE TRANSLATIONS
BY NINA DEMUROVA, BORIS ZAHODER,
LEONOD YAHNIN, EVGENIJ KLYUEV)**

Yu. Smirnova

Summary. The article is devoted to the comparison of poem “The Queen of Hearts” translations in the eleventh chapter of the fairy tale “Alice’s Adventures in Wonderland” by L. Carroll. The analysis of the poem reveals that its original content and form differ from the poem translations according to the adequacy translations as a fundamental criterion of translation quality. The structural elements chosen by the translators make it possible to assess the social significance of the poem. The different levels of transformation — semantic, grammatical and stylistic — depend on the translation time period, the personality of the translators, and the subjective preferences of the audience.

Keywords: analysis of the poem, structural elements, form, content, semantic, grammatical, stylistic transformations.

Смирнова Юлия Валентиновна

*К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет промышленных
технологий и дизайна»
June06@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена сравнению переводов стихотворения “The Queen of Hearts” в одиннадцатой главе сказки Л. Кэрролла «Приключения Алисы в стране Чудес». При анализе стихотворений выявлено, что содержание и форма были переданы с различной степенью адекватности к оригиналу. Выбранные переводчиками структурные элементы позволили оценить социальную значимость стихотворения. Различного уровня преобразования — семантические, грамматические, стилистические — обусловлены временем, в котором осуществлялся перевод, индивидуальностью переводчиков, а также предпочтениями аудитории.

Ключевые слова: анализ стихотворения, структурные элементы, форма, содержание, семантические, грамматические, стилистические преобразования.

Особое место в произведении Л. Кэрролла “Alice’s Adventures in Wonderland” занимает поэзия. Разные по жанру стихи присутствуют в девяти главах из двенадцати. Единственным лирическим стихотворением Л. Кэрролл начинает свое произведение, стихотворением-нонсенсом заканчивает повествование. Чаще всего Л. Кэрролл использовал очень известные в свое время стихи моралистического характера, писал на них пародии. В основном русскому читателю знакомы переводы стихов С.Я. Маршака, Д.Г. Орловской и О.А. Седаковой в сказке Л. Кэрролла.

Перевод поэтического текста значительно отличается от перевода текста прозаического. При переводе

поэтического текста важно не только передать смысл, но и сохранить этическую функцию, а также поэтическую организацию стиха. Адекватным считается перевод, когда воссоздается содержательная (неизменное значение) и формальная (особая упорядоченная структура текста) стороны оригинала [1]. Для поэзии характерными атрибутами языка являются ритм, рифма, строфика и т.д. [2,13]

Теория и практики перевода показывает, что вопросы стихотворного перевода представляют собой максимальную сложность, так как поэтическое произведение в большей степени зависит от языка. Анализ языковых средств, которым передается содержание, позволяет оценить качество перевода.

Небольшое стихотворение *"The Queen of Hearts"* представляет интерес в плане его значения для целой главы и перевода его разными переводчиками.

Для сравнения взяты переводы известного кэрролловеда Н.М. Демуровой (1967), перевод-пересказ Б.В. Заходера (1972), Л.Л. Яхнина (1991), а также один из последних переводов «Алисы» Е.В. Ключева (2018) — известного исследователя английского абсурда.

По мнению Н.М. Демуровой, «перевод стихов в сказке Л. Кэрролла представляет собой специфическую задачу: что ни стихотворение, то особая проблема, свой особый жанр, свой неповторимый прием» [3]. Особенно сти перевода можно проследить не только на сравнении пародий, но и на небольшом стихотворении, с которым читатель знакомится в 11 главе сказки.

В главе 11, которая называется *"Who stole the tarts?"*, Л. Кэрролл представил в пародийном свете британскую систему правосудия на примере суда над Валетом, которому инкриминируется кража, не имеющая доказательств. Обвинение в сказке представлено в виде небольшого стишка анонимного автора. Л. Кэрролл посмотрел этот стишок на колоде игральных карт и использовал в своем произведении.

*The Queen of Hearts, she made some tarts,
All on a summer day:
The Knave of Hearts, he stole those tarts,
And took them, quite away!* [16, p.131]

"The Queen of Hearts..." — старинная детская песенка (nursery rhyme). В ней рассказывается, что Королева/Дама Червей испекла пироги, которые украл Валет Червей. Король Червей наказал мошенника, поэтому он возвращает их и обещает больше не воровать. Л. Кэрролл представляет в сказке только первый куплет этой песенки. Известны два различных ее окончания. Но, так как сам Л. Кэрролл не использовал их в своем произведении, мы не будем останавливать на них внимания.

Прототипами персонажей стихотворения являлись игральные карты с изображением Дамы, Короля и Валета червонной масти. Были и другие версии стишка (*"The King of Spades"*, *"The King of Clubs"*, and *"The Diamond King"*). Однако они не подходили к сказке Л. Кэрролла ни по масти, ни по содержанию, возможно несколько неприличному для детского возраста. Хотя стихотворение было первоначально опубликовано в журнале для взрослых в британском издании *The European Magazine*, vol. 1, 1782 года, оно, в конечном итоге, стало самым известным стихотворением для детей. К 1785 году стихи были положены на музыку [17].

В переводах, взятых нами для сравнения, встречаются как сходства, так и значительные расхождения, которые связаны с предметом кражи, с расположением строк в стихотворении, количеством строк в стихе, в значении, которое оно приобретает в контексте главы.

Повествование в четверостишии, которое приводит Л. Кэрролл в сказке, строится на действиях двух персонажей — Дамы Червей и Валета Червей. Действующие лица анонимного стишка напоминают персонажей сказки, а содержание его можно считать дальнейшим развитием сюжета сказки, которое «осталось за кадром» для главной героини Алисы — кража пирожков/ *"tarts"* у Королевы и последующий за ней арест мошенника. Для Л. Кэрролла очень важны не только персонажи, но и карточная масть — hearts/черви. Для того чтобы убедиться в этом, вернемся в 8 главу сказки, и проследим за королевским шествием, свидетельницей которого случайно оказалась Алиса. В этой сцене автор использует омонимию, играет буквальным значением карточных мастей, и таким образом представляет читателям социальную иерархию сословий общества XIX века, где каждому из участников шествия определено свое место, своя функция.

"First came ten soldiers carrying clubs: ... next the ten courtiers: these were ornamented all over with diamonds, and walked two and two, as the soldiers did. After these came the royal children: there were ten of them, and the little dears came jumping, merrily along, hand in hand, in couples: they were all ornamented with hearts. Then followed the Knave of heart, carrying the King's crown on a crimson velvet cushion; and, last of all this grand procession, came the King and the Queen of Hearts" [16, p. 94].

Следуя за Л. Кэрроллом, можно выявить следующее: солдаты, шедшие впереди, несли в руках дубинки/трефы — *"clubs"*; гости, как люди богатые, непременно должны быть в дорогих украшениях — бриллиантах — *"diamonds"*; многочисленные детки, как члены королевской семьи, наделены символами монаршей власти сердечками — *"hearts"*. Завершают шествие Король и Королева Червей.

Переводчики не следовали в своих переводах строго за оригиналом. Лишь у королевских детей сохранена масть черви/сердечки. В руки солдат авторы переводов вложили пики, видимо, посчитав дубинки недостойным оружием королевской охраны. Е.В. Ключев использует две масти — пики и трефы «у одних трефы, у других пики» [9, с. 111]. Придворные в переводе Н.М. Демуровой и Л.Л. Яхнина отмечены крестами/крести/с дубинками, лишь у Е.В. Ключева они «увешаны бриллиантами/трефы с головы до пят» [9, с. 111–112] Б.В. Заходер и Л.Л. Яхнин

среди гостей расположили шутов и музыкантов, которые играли в бубенцы / бубны.

В двух переводах (Е. В. Клюева и Н. М. Демуровой) шествие завершают Король и Королева Червей/Червонные Король и Королева, у Б. В. Заходера и Л. Л. Яхнина в соответствии с правильным русским названием игральные карт — Король Червей и Дама Червей.

Авторы переводов, видимо, не считали принципиальным следование за оригиналом в наделении участников шествия той же карточной мастью, но карточная масть Короля и Королевы Червей сохраняется во всех переводах.

Для Л. Кэрролла это имело значение. Из множества стихов про Королеву, Короля и Валета он выбрал червонную масть.

Вернемся к анализу анонимного стихотворения. Небольшое стихотворение в сказке играет роль обвинительного акта, в этом документе содержится только предмет и факт кражи, доказательства отсутствуют.

В четырехстрочном куплете прослеживается сюжет — Королева напекла сладких пирогов/ "tarts", Валет их украл, простая разговорная лексика сближает это стихотворение с народной песенкой. О факте свершившегося действия говорят глаголы простого прошедшего времени (Past Simple). Для создания образности используется олицетворение. Первое и третье предложения включают интонационную паузу в середине предложения, в одной строке рифмуются слова "hearts — tarts", образуя внутреннюю рифму, тавтологическую, повторяющуюся два раза. Лексический повтор используется для придания тексту экспрессивности и акцентуации внимания читателя. В конце второй строки стоит двоеточие (All on a summer day:), которое, в соответствии с правилами синтаксиса, ставится в том случае, если предложение сложное бессоюзное, вторая часть разъясняет, раскрывает содержание первой части [15, с. 180]. Перекрестная рифма представлена повтором слов tarts в первой и третьей строках и идентичностью звуков в словах "day — away" в конце второй и четвертой строк. По расположению ударения рифма мужская. Стихотворение написано четырехстопным ямбом

Несмотря на небольшие размеры и простоту изложения стиха переводы изобилуют расхождениями. Они касаются прежде всего предмета кражи.

Чтобы понять, насколько оправданным оказывается перевод того или иного переводчика, следует обратиться к исходному слову "tarts". В оригинале — tart — пирог (с фруктами, ягодами или вареньем); фруктовое пирожное [12].

Если мы обратимся к рисункам Д. Тенниеля, первого иллюстратора сказки Л. Кэрролла, то увидим открытые пирожки или корзиночки с начинкой. Скорее всего это пирожные-корзинка или ватрушки.

Н. М. Демурова ставила цель при переводе произведения — как можно «ближе осуществить перевод сказки, передать колорит Англии» [3]. Обращаясь к стихам и пародиям Л. Кэрролла, она непременно возвращала читателя к оригиналу стихотворения, которое использовал Л. Кэрролл. В издании 1985 года сказки «Приключения Алисы в стране чудес» Н. М. Демурова сотрудничала при переводе стихов с О. А. Седаковой. В результате их совместной деятельности получились следующие стихи:

*Дама Червей напекла кренделей
В летний погожий денек.
Валет Червей был всех умней
И семь кренделей уволок!* [6, с. 120]

Перевод О. А. Седаковой нельзя назвать идентичным оригиналу. Котлеты, которые были в известном переводе С. Я. Маршака «Дама Бубен наварила бульон», заменены на крендели. О. А. Седакова рифмует «крендели»/"tarts" и «черви»/"hearts", используя интонационную паузу в середине строки.

В переводе присутствуют два персонажа Дама Червей и Валет Червей. Вторая строка близка оригиналу, так как сообщает о погоде. В четвертой строке появляется числительное «семь» — «семь кренделей уволок», отсутствующее в оригинале. Автор перевода сохраняет карточную масть, факт кражи и обвинение в краже Валета. Переводчик сохраняет перекрестную рифму, которая получилась вполне удачной «кренделей — умней», «денек — уволок» — рифмы разнородные «существительное — прилагательное» и «существительное — глагол» соответственно. По месту ударения рифма мужская. Размер стихотворения — четырехстопный дактиль. [13].

Если Н. М. Демурова обращалась при переводе стихов к другим авторам, то Б. В. Заходер и Л. Л. Яхнин сами сочиняли стихи.

Чтобы понять стихотворение Б. В. Заходера, следует обратить внимание на предложение, которое предшествует стишку: «Белый Кролик выступил вперед, трижды протрубил в свою трубу, развернул пергаментный свиток и торжественно начал читать» [7, с. 215]. Однородные члены предложения: выступил вперед, которые даны с разрядкой, трижды протрубил, развернул (свиток), начал читать (торжественно) — подготавливают читателя к чему-то важному, значащему, необыкновенному. Речь Белого Кролика должна звучать как-то особенно, поэтому и появляется добавление, оно произносится на не-

понятном языке, действительно торжественно, и подтверждение этому два восклицательных предложения в конце второй и четвертой строк.

*Эне, бене, рес —
Квинтер, финтер, жес!
Эне, бене, раба —
Квинтер, финтер, жаба!*

Б. Заходер вместо коротенького четверостишия представил маленькому читателю целое восьмистишие. Автор перевода использует добавление, чтобы всему стишку придать вид считалки. Если следовать логике счета по кругу во время детской игры, то неизвестно, кто окажется виноватым, и это может быть не только Валет. Далее следует продолжение:

*Все пришли к Червонной Даме,
Выпить чаю с пирожками.
Пирожков у Дамы нет:
Пирожки стащил Валет [7, с. 215].*

Вторые четыре строчки передают содержание оригинала. Персонажи в считалке сохраняются — это те же Червонная Дама и Валет, изменяется предмет кражи, им становятся пирожки, вводится новое слово — местоимение «все», надо полагать, — это гости. Слово «пирожки» в коротеньком стишке повторяется трижды. Перекрестная рифма заменена на смежную. Третью и четвертую строки Б. В. Заходер строит как сложноподчиненное предложение и сохраняет двоеточие, которое имело место и в исходном тексте. Двоеточие здесь оправдано, так как последнее предложение действительно раскрывает содержание предыдущего. В первых двух строках по расположению ударения рифма женская, в двух последних — рифма мужская. По принадлежности к частям речи в первых двух строках Б. В. Заходер рифмует два существительных (даме — пирожками), во втором случае частицу и существительное (нет — Валет). Глаголы использованы в прошедшем времени, что подчеркивает свершившийся факт. Стихотворный размер — черырехстопный хорей.

Б. В. Заходер по-своему интересно, смешно, увлекательно подошел к переводу этого маленького стихотворения. Он сохраняет тему, персонажей, но меняет ритмику оригинала. Простой разговорной лексикой стишок близок к народной поэзии.

Л. Л. Яхнин в отличие от других переводчиков представил целый рассказ в виде диалога между Королем и Валетом.

*Говорил Король Валету:
— Эй, слуга, подай конфету!*

*А Валет ему в ответ:
Ни одной конфеты нет.
И вскричал Король: — Валет!
Ты украл пакет конфет!» [8, с. 135]*

Каждые две строки — предложение с прямой речью. Отрицательный ответ Валета о том, что конфет нет, приводит в ярость Короля, он обвиняет Валета в воровстве конфет. Перед читателем — яркая картинка, в которой представлены и презрительное отношение к слуге, и вспыльчивость Короля, и обвинение в краже. Маленькое шестистишие очень ярко передает характеры персонажей, подчеркивает социальное положение Валета, который, однако, может дерзко отвечать Королю. Л. Л. Яхнин полностью отходит от оригинала, сохраняя только факт кражи. В его переводе Королева заменена Королем, о масти персонажей не упоминается. Слово «конфеты» рифмуются со словом «Валет» в последних двух строчках. Ясно, что предмет кражи далек от оригинала. В стихотворении рифма смежная, рифмуются первая и вторая строки, затем третья и четвертая, и пятая с шестой. Стихотворение написано четырехстопным хореем.

Л. Л. Яхнин считал переводную книжку другой книгой и видел свою главную задачу в «создании на своем языке хорошей, но совсем другой книги, как минимум «читаемой»» [4]. Он писал свои переводы для маленьких детей и часто давал себе волю поиграть с текстом оригинала, сохраняя при этом стиль автора.

Интересный подход к переводу стишка использует Е. В. Клюев:

*Вор у вора
дубинку украл,
А Валет уволок
Пирожных лоток [9, с. 157].*

Перед читателем предстает одно сложносочиненное предложение, оформленное стихотворной строкой, которое стихами назвать сложно.

Первое предложение «Вор у вора дубинку украл» — устойчивое сочетание, является добавлением, может восприниматься как самостоятельная фраза, которая привносит в перевод Е. В. Клюева дополнительный смысл, отсутствующий в других переводах. Это ироническое выражение вспоминают в тех случаях, когда вдруг выясняется, что кто-то попытался смошенничать, да его самого перехитрили, оставили в дураках [10, 11].

Автор перевода дает понять, что мошенник не только Валет, но и те, кто его обвиняет. Это вполне удачное добавление, способствующее пониманию нелепости данного обвинения.

Перевод Е. В. Клюева заметно отличается от оригинала и других переводов. В его переводе присутствует только один персонаж — это Валет, масть не упоминается. Предметом кражи являются пирожные, и крадет их Валет целый лоток, то есть основная тема сохраняется. «Лоток» слово многозначное, одно из значений по словарю русского словаря С. И. Ожегова трактуется как «открытый прилавок для торговли на улице, а также доска для ношения товаров у разносчиков» [14, с. 283]. Не понятно между тем, чей лоток украл Валет. Переводчик рифмует глагол с существительным «уволок — лоток». Рифма мужская, размер — четырехстопный анапест. Е. В. Клюев переводит сказку для современного подростка, который сам многое понимает, и его не надо ничему учить. Переводчик признавался, что он считал своей заслугой «осторожное следование оригиналу», но вдохновлен был на перевод голландской художницей Флоор Ридер, которая стремилась создать новую книгу для современных читателей [5]. Полный отход от словарных соответствий не значит, что переводчик не берет их во внимание, он использует их как основу, сохраняет смысл. Разные эпохи предъявляют переводчикам свои требования.

В рассмотренных нами переводах степень связи с исходным текстом разная. Во всех переводах можно наблюдать естественное и неизбежное переосмысление исходного материала. Переводчики по-разному определили предмет кражи: Н. М. Демурова — крендели, Б. В. Заходер — пирожки, Л. Л. Яхнин — конфеты, Е. В. Клюев — пирожные. Предмет кражи у переводчиков упоминается уже в названии глав подобно оригиналу. Расхождения в переводах наблюдаются в количестве строк стихотворения, длина строки во всех переводах разная. Соответственно разный и размер стиха. Переводчики использовали преобразования на уровне семантических компонентов — добавления, и синтаксических преобразований — на уровне предложения. Значительно трансформирован текст у Л. Л. Яхнина и Е. В. Клюева. Сравнительный анализ переводов маленького стихотворения в знаменитом произведении Л. Кэрролла позволяет понять, что каждым из них был написан свой вариант английского стиха, и зависит это от многих субъективных факторов, таких как личность переводчика, его интеллект, опыт, задачи, которые он перед собой ставит, от аудитории, на которую нацелен его перевод.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. — М.: Международные отношения, 1975. 238 с.
2. Виды рифм [Электронный ресурс] Сайт литературного объединения «Сатурния». Режим доступа: <https://nsaturnia.ru/kak-pisat-stixi/vidy-rifmy/>
3. Демурова Н. М. О переводе сказок Кэрролла [Электронный ресурс] Режим доступа: http://lib.ru/CARROLL/carrol0_10.txt
4. Калашникова Е. Другая книга [Электронный ресурс]/Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2016-04-14/2_int.html
5. Клюев Е. В. «Ни один перевод не окончательнее другого»: вышел новый перевод «Алисы» [Электронный ресурс]/Е. В. Клюев, Е. Михайлов, М. Орлова, 2018. Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/brain/8687-ni-odin-perevod-ne-okonchatelnee-drugogo-vyshel-novyy-perevod-alisy/>
6. Кэрролл, Л. «Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье: перевод Н. М. Демуровой Вст.ст. Г. К. Честертон; Коммент. М. Гарднера; Прим. Н. М. Демуровой; Ил. Дж. Тенниела — М.: Правда. 1985 г. — 320 с.
7. Кэрролл Л. Алиса в стране чудес: Сказочная повесть/Л. Кэрролл; Пересказ Б. В. Заходера; Ил. И. Олейникова, Г. Тикера. — М.: НФ «Пушкинская библиотека»: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 238с.
8. Кэрролл Л. Приключения Алисы/ Пер. с англ. Л. Л. Яхнин. — М.: Издательство ЭКСМО, 2003. — 608 с.
9. Кэрролл Л. Алиса в стране чудес. Алиса за зеркалом/ Л. Кэрролл; пер. с англ. Евгения Клюева; ил. Флоор Ридер. — М.: Самокат, 2018. — 384 с.
10. Мир фразеологизмов [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <http://frazee.ru/index.php/poslovitsy-pogovorki/poslov-na-bukvu-v-vor-u-vora-dubinku-ukral>
11. Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок [Электронный ресурс] /В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, — М: Олма Медиа Групп. 2007. Режим доступа: <http://www.termity.info/literature/big-dictionary-of-russian-proverbs/vor-u-vora-dubinku-ukral>
12. Мультитран [Электронный ресурс]/Режим доступа: www.multitrans.com
13. Николаев А. И. Основы литературоведения [Электронный ресурс] / — Иваново: ЛИСТОС, 2011. — 255 с. Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/5257785/>
14. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов/ Под ред. чл.корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. — 18-е изд. — М.: Ру. Яз. 1986. — 797 с.
15. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование/ Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова. — 9-е изд. — М.: Айрис-пресс, 2013. — 496с.
16. Carroll L. "Alice's Adventures in Wonderland" Penguin Boors SPb, 1994. — 149p.
17. The Queen of Hearts [Electronic resource] /URL: [https://www.revolvy.com/page/The-Queen-of-Hearts-\(poem\)](https://www.revolvy.com/page/The-Queen-of-Hearts-(poem))

© Смирнова Юлия Валентиновна (June06@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРИИ ТЕМАТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКЕ

THEORIES OF THEMATIC FIELDS IN MODERN RUSSIAN PHILOLOGY

E. Temnova

Summary. Article is devoted to the description of the known theories devoted to the analysis of thematic fields. The terms «thematic field» and «theme group» are debatable now. The author of article leans on researches of F. P. Filin, Yu. N. Karaulov, O. B. Pylayeva and other researchers. The purpose of article is the description of modern approaches to the theory of thematic field and theme group. Besides, in article is given the detailed analysis of characteristic signs and lines of the studied systematic group.

Keywords: thematic field, theme groups, lexico-semantic groups, theories of the field.

Темнова Эллина Владимировна

*К.филол.н., старший преподаватель, Московский
государственный гуманитарно-экономический
университет (МГГЭУ)
saab-7@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена описанию известных теорий, посвященных анализу тематических полей. Термины «тематическое поле» и «тематическая группа» в настоящее время являются дискуссионными. Автор статьи опирается на исследования Ф. П. Филина, Ю. Н. Караулова, О. Б. Пылаевой и других исследователей. Целью статьи является описание современных подходов к теории тематического поля и тематической группы. Кроме этого, в статье дается подробный анализ характерных признаков и черт исследуемой систематической группы.

Ключевые слова: тематическое поле, тематические группы, лексико-семантические группы, теории поля.

В современной лингвистике особое внимание уделяется вопросам исследования семантики и функционирования языковых единиц. Исследователей интересует вопрос функционально-семантической организации лексики, теории поля и группировки лексических единиц.

Теория полевой структуры лексики описана в работах немецких ученых В. Порцига [12] и Й. Трира [13]. В 1923 году Й. Трир отметил в качестве основной характеристики поля наличие общих входящих в него лексем. Исследователь понимал под «семантическим полем» тесно связанный по смыслу раздел словаря, элементы которого тесно переплетаются друг с другом [13, с. 54].

Основными лексическими единицами лексико-семантического поля являются: лексико-семантические группы (ЛСГ), тематические группы (ЛГ) и семантическое поле (СП). Ф. П. Филин указывает в качестве основного признака для ЛСГ — языковой, а для ТГ — экстралингвистический [10, с. 232]. В лексико-семантические группы входят классы слов одной части речи [6, с. 7], наделенные однородными, сопоставимыми значениями [10, с. 233].

Обратимся к соотношению лексических группировок. Профессор В. Г. Гак считает, что тематическое поле занимает промежуточное положение между синонимическим рядом и лексико-семантической группой. Исследователь отмечает, что тематическое поле выделяется при помощи дистрибутивного анализа [3, с. 76]. Данный вид анализа позволяет обнаружить все виды парадигматических связей слов: синонимические, антонимические, родовидовые.

Рассмотрим разные подходы к дефинициям «тематическая группа» и «тематическое поле».

Характеристика понятий «тематическая группа» и «тематическое поле»

В тематическую группу лексики входят лексемы разных частей речи, объединённые на основе классификации самих реалий, а не лексико-семантических связей [11, с. 209]. Как отмечал Ф. П. Филин, замена одной лексемы на другую в рамках тематической группы не приведет к изменению или утрате лексического значения всей группы. Это свидетельствует об отсутствии семантических связей между лексемами в данном объединении [9, с. 526].

Тематические группы, которые являются семантическими полями денотативного типа, долгое время находились на периферии филологических исследований, поскольку многие исследователи отрицали видение в них системных языковых связей.

По мнению Ю. Д. Апресяна, тематическое поле представляет собой совокупность лексем разных частей речи, объединенных одной темой на основе экстралингвистических параметров [1, с. 119].

Тематическое поле представляет собой группы лексем разных частей речи, объединенных общностью темы. В состав семантического поля входят лексемы разных частей речи, объединенные общностью семантического значения и словообразовательными отношениями.

По мнению Ю.Н. Караулова, термины «тематическое поле» и «семантическое поле» являются синонимами [4, с. 67].

Н.М. Шанский считает, что термин «тематическая группа» более широкий, чем лексико-семантическая группа. Исследователь отмечает сложность дефиниции термина, указывая на то, что тематическое поле является синонимом семантического поля [12, с. 53].

Ю.Н. Караулов рассматривает четыре типа оппозиций между лексемами по одной из семем.

1. Нулевая оппозиция (*лицо — глаза, покой — спокойствие*).
2. Привативная оппозиция, при которой семема одной лексемы включается в семему другой лексемы (*цветок — ландыш*).
3. Эквиполентная оппозиция, при которой в каждой семеме есть слова с одинаковым лексическим значением, но может быть большое количество разных значений (*мысль — думать*).

В рамках тематического поля, по мнению Ю.Н. Караулова, не может быть представлено дизъюнктивных оппозиций, отличающихся семемами, не имеющими одинаковых лексем (*корова — молоток*).

Исследователь М.А. Кузнецов выделяет признаки лексем, входящих в тематическое поле:

1. Центральные лексемы поля простые по морфологическому составу.
2. Лексемы, входящие в состав поля, обладают широкой сочетаемостью.
3. Лексемы обладают психологической важностью.
4. Слова не относятся к категории недавних заимствований [5, с. 132].

Исследователи по-разному подходят к вопросу рассмотрения тематического поля и его компонентов. В настоящее время не сложилось специальных теорий рассмотрения тематического поля, но в работах исследователей есть современные подходы, принципы и характеристики исследуемой семантической единицы. Обратимся к характеристике тематических полей.

Теории рассмотрения тематического поля и его компонентов

Рассмотрим теорию тематического поля Ю.Н. Караулова. По мнению исследователя, тематический ряд, входящий в тематическое поле, представляет собой объединение слов конкретной лексики, связанное общей семантической темой по типу наименований мебели, посуды, одежды, терминов родства, названий птиц, животных, растений и др. лексических тематик.

Ю.Н. Караулов считает, что тематическая группа представляет собой разновидность семантического поля. Согласно теории Ю.Н. Караулова, тематические группы обладают рядом признаков, характеризующих их как особыми семантическими единицами:

1. Отсутствие синонимии в тематических группах.
2. Антонимия, которая проявляется в рамках тематического поля, отражается специфично, выражая отношения между самими предметами действительности: *город — деревня, голова — туловище*.
3. Гиперо-гипонимические отношения в рамках тематических групп проявляются специфически: в перечислении составных частей. Обычно в исследованиях упоминаются родовидовые отношения: *мебель — стул, цветок — хризантема*, но могут быть представлены и отношения, такие как «часть — целое». В качестве примера можно привести следующие отношения: *лицо — глаза, рука — палец, нога — колено*.
4. В качестве наименования тематической группы обычно выступает слово, а не описательная конструкция (например, *«грибы»*, а не *«названия существительных, растущих в лесу»*) [4, с. 63–67].

В состав тематического поля входит ядро, в котором находится имя поля, видовое имя, синонимы, родовое имя. На периферии поля находятся лексемы, семемы которых пересекаются с ядерными словами по отдельным семам [7, с. 94].

О.Б. Пылаева предлагает свою версию рассмотрения тематического поля. При анализе лексико-семантического поля «Природа» ученый обращается к характеристике особенностей тематического поля. Исследователь выделяет характерные черты, присущие каждой тематической группе, входящей в состав исследуемого поля:

1. Тематическая классификация характерна для имен существительных, в значениях которых превалирует денотативное содержание.
2. Тематическое поле характеризуется отнесенностью к определенной предметной области, при этом особое значение играют экстралингвистические (внеязыковые) факторы.
3. Члены тематического поля могут отличаться семантическим значением [8, с. 12–13].

Исследователь М.А. Бочарова при характеристике семантического поля как способа системного описания лексики обращается к анализу тематического поля. В центре тематического поля, по мнению М.А. Бочаровой, находятся лексемы, наиболее полно отражающие общее значение исследуемой группы. Следует отметить, что чаще всего в центре располагается имя существительное, об-

ладающее наиболее бедным и простым лексическим значением [2, с. 66]. На периферии обычно распределяются различные тематические группы, которые представляют собой микрополя внутри большого тематического поля. Например, тематическая группа «пространство» в центре будет иметь лексемы «близкий», «отдаленный», а на периферии — «смежный», «окрестный».

Выводы

Проанализировав известные теории тематических полей в современной русистике, мы пришли к следующим выводам.

Исследователи полагают, что термины «тематический ряд», «тематическая группа» и «тематическое поле» синонимичны [4; 6; 12].

Ученые считают, что тематическое поле представляет собой группу лексем, объединенных одной темой. По мнению Ю. Н. Караулова, тематическое поле является частью семантического поля.

Рассмотренные теории тематических полей, по нашему мнению, дополняют друг друга: Ю. Н. Караулов выделяет признаки, отличающие тематическое поле от лексико-грамматического поля; М. А. Бочарова выделила центральные и периферийные семы тематического поля; О. Б. Пылаева отметила характерные черты, присущие каждой тематической группе.

Мы считаем, что современные теории тематических полей, отмечающие системные языковые связи между компонентами, вносят существенный вклад в развитие современной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. — М.: Наука, 1974. — 368 с.
2. Бочарова М. А. Семантическое поле как способ системного описания лексики // Вестник РУДН. Вопросы языкознания: языки и специальность. — 2012. — № 4. — С. 63–67.
3. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. — М.: Книжный дом «Либроком», 2010. — 264 с.
4. Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. — 1972. — № 1. — С. 57–68.
5. Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике. — М.: Наука, 1980–160 с.
6. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высшая школа, 1989. — 216 с.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания): учебное пособие. — М.: Книжный дом «Либроком», 2011. — 172 с.
8. Пылаева О. Б. Лакунарность лексико-семантического поля «Природа»: На материале русского и эвенкийского языков: автореф. дис. . . канд. фил. наук. — Благовещенск, 2002. — 16 с.
9. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Езикovedски исследования в честь на акад. Стефан Младенов. — София, 1957. — С. 523–538.
10. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. — М.: Наука, 1982. — С. 229–239.
11. Хашимов Р. И. Семантическое поле слов и его элементы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота. — 2015. — № 4 (46): в 2-х ч. — Ч. II. — С. 209–213.
12. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. — М.: Ленанд, 2015. — 310 с.
13. Porzig W. Wesenhafte bedeutungsbeziehungen // Beitrage zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1934. — Bd. 58. S. — S. 70–97.
14. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes (Die Geschichte eins sprachliches Feldes). — Heidelberg: Winter, 1931. — Bd I. — 347 s.

© Темнова Эллина Владимировна (saab-7@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

Abdulkhlimova R. — Dagestan State Medical University, Makhachkala
abdulxalimova76@mail.ru

Aranovskaya I. — Volgograd State Socio-Pedagogical University
aalu@yandex.ru

Burikova S. — PhD in Philology, associate professor of the RUDN University (Moscow)
burickova.swetlana@yandex.ru

Dvoynina G. — Volgograd State Socio-Pedagogical University
madam.dvoynina2010@yandex.ru

Jakovleva I. — Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University
werta9@list.ru

Kakvaeva S. — Dagestan State Medical University, Makhachkala
sabri82@mail.ru

Karpunina I. — Postgraduate, Lomonosov Moscow State University
petrovairina0@yandex.ru

Kerimova C. — Baku Slavic University
bitkovskayay@inbox.ru

Knyazeva M. — Teacher, English School №1 of Irina Gromova
mknyazewwa@gmail.com

Kochan J. — Senior Scholar, Gonville and Caius College, student at the University of Cambridge
Julius.kochan@gmail.com

Koniakhina G. — Associate Professor, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University
galina.koniakhina@mail.ru

Korotaeva M. — Lecturer, Major of the Police, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
musakor@mail.ru

Lozovoy A. — Ph.D. in Education Science, Associate Professor of the Southern Federal University
lozovoy@sfedu.ru

Moiseeva A. — Graduate student of Ulyanovsk State Pedagogical University, teacher of branch of Samara State Economic University in Syzran
lunali@inbox.ru

Nazvanova I. — Ph.D. of Philology, Associate Professor of the Southern Federal University
i.a.nazvanova@gmail.com

OUR AUTHORS

Nemtinova A. — Teacher, Lomonosov Moscow State University
lena-nemt@mail.ru

Nguyen Ngoc — Post-Graduate Student Of The National Research Tomsk state University
nbnhanu@gmail.com

Ogorodov M. — PhD Philological Sciences, MGIMO University (Moscow, Russia)
mkogo@mgimo.ru

Pertsev E. — PhD, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University
empertsev@list.ru

Petrova M. — PhD Philological Sciences, Associate Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)
souratem@hotmail.com

Sairanova O. — Senior Lecturer, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University
saioga1967@qmail.com

Sharafiev E. — Aspirant, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, (Kazan)
magdiev.emil@gmail.com

Sibiryakova G. — Volgograd State Socio-Pedagogical University
sib-610@yandex.ru

Smirnova Y. — St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design
June06@mail.ru

Tarasova M. — PhD Philological Sciences, Associate Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)
maria.tarassova@gmail.com

Temnova E. — Candidate of Philology, senior lecturer of the Moscow state University of Humanities and Economics (SEU)
saab-7@mail.ru

Torushev E. — Research Institute of Altaistics named after S.S. Surazakov
erktor@mail.ru

Vaganova A. — Ph.D. of Philology, associate professor at the Taganrog Institute named by Anton Chekhov (branch of the University) RSUE
aynisa.vaganova@mail.ru

Yeranova N. — Assistant of the RUDN University (Moscow)
natella-05@mail.ru

Zaharova N. — Senior Lecturer, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University
Zaharovana@cspu.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).